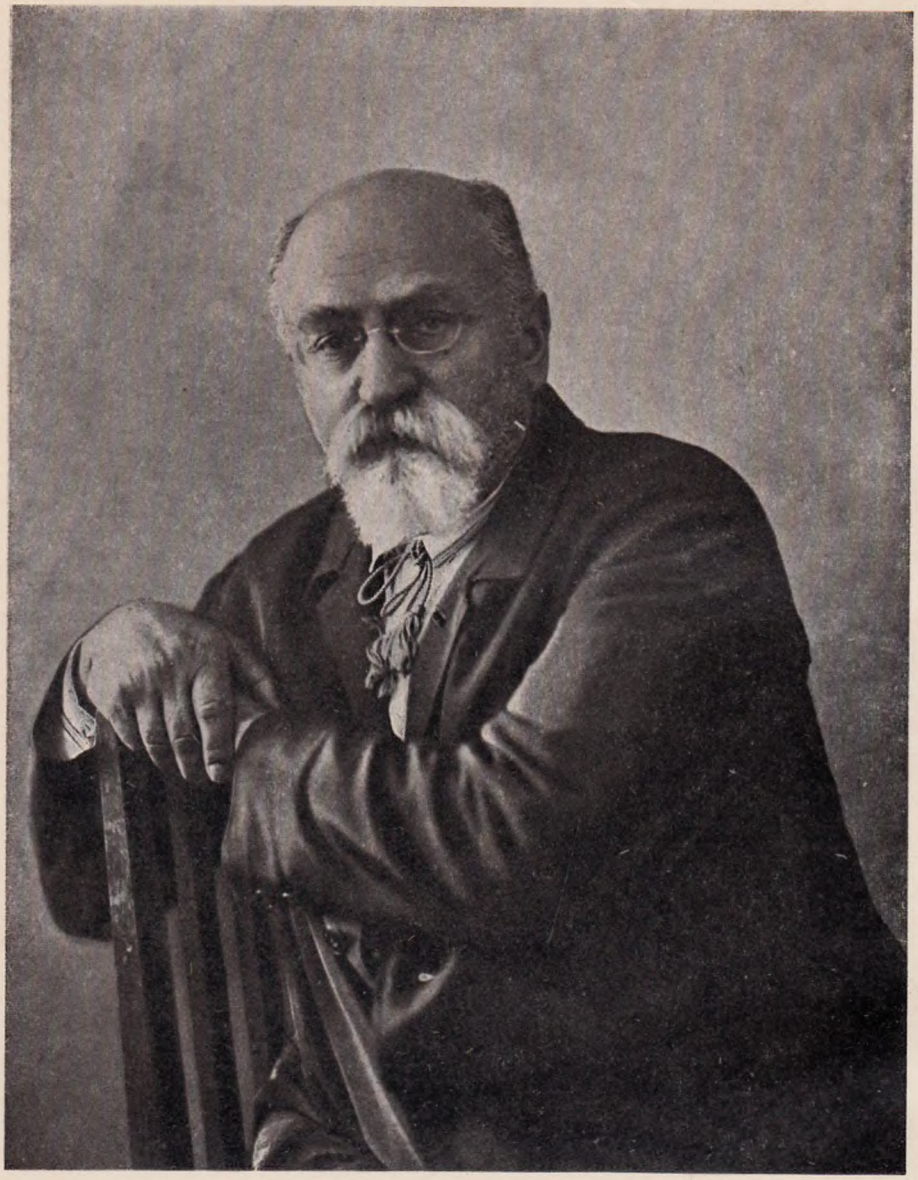

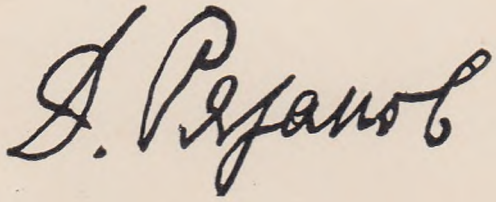

НА БОЕВОМ ПОСТУ

СБОРНИК

К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ Д. Б. РЯЗАНОВА

ПРИ УЧАСТИИ

Г. БАКАЛОВА, А. БАХА, Г. БАММЕЛЯ, Н. БОБРОВНИКОВА, Н. БУХАРИНА, П. ВИНОГРАДСКОЙ, А. ВОДЕНА, В. ВОЛГИНА, М. ВОЛЬФСОНА, А. ДЕБОРИНА, Н. ДИТЯКИНА, В. ЕЩИНА, А. ИОАННИСЯНА, Е. КАГАНОВИЧА, Ф. КОНА, М. КОСВЕНА, Н. ЛУКИНА, А. ЛОЗОВСКОГО, А. ЛУНАЧАРСКОГО, И. ЛУППОЛА, В. МАКСИМОВСКОГО, Н. МАРРА, В. МИЛЮТИНА, Н. ПЛОТНИКОВА, М. ПОКРОВСКОГО, Ф. ПОТЕМКИНА, А. РЕУЭЛЯ, О. РУМЕРА, Ю. СТЕКЛОВА, А. УДАЛЬЦОВА, Ц. ФРИДЛЯНДА, КЛАРЫ ЦЕТКИН, Э. ЦОБЕЛЯ, Ф. ШИЛЛЕРА, К. ШМЮКЛЕ и Л. ЯКОВЛЕВОЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. ДЕБОРИНА

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Здание Института К. Маркса и Ф. Энгельса.

Д. Б. Рязанов
(1891 г.)

Д. Б. РЯЗАНОВ

Чрезвычайно трудно дать характеристику Давида Борисовича Рязанова, шестидесятилетний юбилей которого отмечается выпуском настоящего сборника. Личность т. Рязанова, как человека, революционера, ученого, практического деятеля и организатора научной работы, принадлежит к той категории индивидуальностей, которая отличается в высшей степени ярким своеобразием, чрезвычайной оригинальностью, необычайной сложностью и красочностью.

Тов. Рязанов, как все крупные люди, мало похож на других людей. Он во многих отношениях представляет собой «единство противоположностей». Видимые, кажущиеся противоречия его характера имеют своим источником глубокое органическое единство его личности, и все эти «противоречия» и противоположности, примиряясь в высшем синтезе, в высшем единстве, гармонически сочетаются в единое целое.

С юношеских лет Д. Б. обнаруживает огромную, несокрушимую волю; с поразительной настойчивостью добивается он поставленных им себе задач и целей. Семнадцатилетним юнцом выйдя на арену научной и общественно-политической деятельности, он твердо шел по намеченному пути, неоднократно приводившему его к тюрьме и ссылке, в которых он получал свое «университетское» образование.

Суровый с виду человек, он отличается необычайной мягкостью характера, одарен большим любвеобильным сердцем. Он в высшей степени человечен, отличается чрезвычайно чуткой совестью. С исключительным вниманием относится Давид Борисович к тем людям, с которыми ему приходится встречаться. И все это сочетается у него с большим темпераментом, колоссальной эмоциональной силой. Тов. Рязанов не может служить какому-либо делу наполовину. Ему присуще стремление растворить всего себя, всю свою личность в том великом деле, кото-

рому он служит. Он весь входит в выполняемую им работу, вкладывая в нее всю свою духовную и физическую силу.

Это единство противоположностей, присущее т. Рязанову, сказывается также и в манере его работы. С одной стороны, у него колоссальный теоретический размах, а с другой — замечается необычайный интерес к деталям. На первый взгляд это может показаться странным и необъяснимым. Но, на самом деле, все те мелкие события и отдельные факты, мимо которых мы обычно проходим, составляют для Рязанова одно из тех звеньев, один из тех камней, которые существенно необходимы для осуществления задуманной им работы. Отсюда специфически присущее ему недоверие ко всему тому, что не фундаментировано достаточно полно соответствующими документальными доказательствами. Это недоверие всецело объясняется необычайной основательностью, с которой т. Рязанов привык делать всякое дело. Все его работы отличаются поэтому чрезвычайной теоретической и научной добросовестностью. Для того, чтобы написать какую-нибудь незначительную статью, незначительное предисловие, он должен мобилизовать целую библиотеку, чтобы не упустить какой-нибудь мелочи, ибо он всегда должен быть вооружен до зубов, как боец, который выступает на борьбу с мировым противником. Все особенности его характера и деятельности всецело подчинены основному стержню — интересам революции, интересам рабочего класса и коммунизма. Именно из этого источника черпает Д. Б. свой юношеский энтузиазм, которым он невольно заражает всех, приходящих с ним в соприкосновение. Всякая новая рукопись Маркса или Энгельса оценивается им с точки зрения возможности лучше осветить ту или иную проблему, приобретающую практическое значение для борьбы за пролетарское дело, за дело коммунизма.

Основательность и недоверие, присущие т. Рязанову, в значительной степени определяют и характер его деятельности, как марксоведа. Д. Б. поставил себе целью проследить шаг за шагом всю теоретическую и практическую деятельность основоположников научного коммунизма. Ему необходимо иметь документальные, научно-обоснованные доказательства для всякого дела. Будучи настоящим ученым, т. Рязанов все должен досконально проверить. Он подвергает анализу и документальному исследованию все работы основоположников научного коммунизма, все источники, которыми они пользовались. У Д. Б. ко всякому делу свой подход. Его не удовлетворяют протоптан-

ные пути, он вечно ищет нового, постоянно находится в состоянии поисков, стремясь прокладывать свои стези. Он не может успокоиться на достигнутом, он не может успокоиться, пока не найдены последние документы, последние рукописи Маркса и Энгельса. Он должен дойти до конца, должен добраться до последних оснований, спустившись на самое дно колодца познания, нащупать устилающие его камешки.

Сорок три года прошло с того момента, как Рязанов вышел на арену революционной деятельности. Но через весь этот период, через тюрьмы и ссылки, через эмиграцию и научную деятельность пронес он неизменными основные отличительные черты своего характера. Никакие преследования не могли сломить могучий дух т. Рязанова. Наоборот, эти преследования только еще больше закалили его волю к борьбе и деятельности в раз намеченном направлении. Перейдя в 1889 году от народничества к марксизму, он в течение 41 года оставался ортодоксальным марксистом, являясь ныне одним из старейших марксистов в нашей партии и во всем международном рабочем движении.

Но т. Рязанов не оставался пассивным зрителем развития и распространения марксизма. Он принимал самое активное, самое горячее участие в борьбе за ортодоксальный марксизм, в борьбе за неурезанное революционное учение Маркса и Энгельса. Прежде всего он борется за установление точности текста работ основоположников научного коммунизма. Нельзя преуменьшить значение этой борьбы, ибо точный текст работ Маркса и Энгельса является первым и важнейшим условием дальнейшей научной разработки их литературного наследия, дальнейшего научного изучения марксизма. Эта часть борьбы и работа т. Рязанова приобретает тем большее значение, что немецкий издатель и редактор сочинений Маркса и Энгельса использовал в значительной мере это наследство для обоснования антиреволюционных, ревизионистских, чуждых марксизму социал-демократических идей.

Но этим, конечно, не ограничиваются и не ограничивались задачи Давида Борисовича в этой области. Он не может успокоиться до тех пор, пока не соберет всего литературного наследства Маркса и Энгельса. Им проделана огромная работа по открытию сотен различных статей, рукописей и писем основоположников марксизма. В течение многих лет ведет он борьбу с ЦК германской социал-демократии, с отдельными ее предста-

вителями, чтобы вырвать и опубликовать то, что ими скрывалось и скрывается до настоящего времени. Известная часть этих работ уже т. Рязановым опубликована. Всем известно, какие новые горизонты открыли вновь опубликованные работы в смысле выяснения генезиса марксизма, выяснения разных стадий его развития.

Собрав литературное наследство Маркса и Энгельса, т. Рязанов широко раскрыл двери во внутреннюю лабораторию марксизма. Вновь опубликованные работы совершенно по-новому освещают целые этапы в жизни и деятельности Маркса и Энгельса, по-новому освещают целый ряд таких теоретических вопросов, которые мы до сих пор трактовали или понимали ограниченно.

Следующая большая заслуга т. Рязанова — это, конечно, создание Института Маркса и Энгельса. Само собою разумеется, что только благодаря Октябрьской революции явилась возможность основать такой грандиозный, единственный в мире Институт. С другой стороны, в Институте работает целый коллектив научных сотрудников, каждый из которых вносит свою лепту в большую общую работу. Но т. Рязанов является душой этого дела, является его вдохновителем, организатором и руководителем.

Институт Маркса и Энгельса — общепризнанный, мировой центр марксоведения. Достаточно прочитать те отзывы и статьи, которые пишутся об Институте не только в нашей печати, но и в заграничных газетах и журналах. В Институте собрано все, что в той или иной мере имеет значение для марксизма. Можно сказать, что Институт Маркса и Энгельса составляет материальную базу марксоведения.

Только благодаря настойчивой и неустанной работе т. Рязанова оказалось возможным приступить к осуществлению грандиозного международного издания полного собрания сочинений Маркса и Энгельса. Огромная работа по подготовке и выполнению этого издания может быть осуществлена только т. Рязановым. Сочинения и всевозможные работы основоположников марксизма затрагивают проблемы самого различного порядка. Поэтому для их редактирования и издания требуются действительно универсальные познания и соответствующий по широте кругозор.

Единственным человеком, обладающим подобными универсальными знаниями, единственным человеком, который мог стать

редактором полного собрания сочинений Маркса и Энгельса, является Д. Б. Рязанов.

Тов. Рязанов является крупнейшим исследователем в области истории и теории марксизма. Многие его работы имеют большое принципиальное значение. Достаточно указать хотя бы на те его работы, которые направлены против фальсификации анархистскими историографами истории Первого Интернационала. В 1909 году, как известно, т. Рязанов получил, от так называемого Менгеровского комитета, поручение собрать материалы по истории I Интернационала. Такая работа вообще чрезвычайно важна, потому что I Интернационал был одним из тех узловых пунктов в деятельности основоположников марксизма, на изучении которого можно лучше выяснить их основные идеи. Но значение этой работы еще более увеличивается потому, что мы имеем многотомные сочинения анархистов Неттлау, Гильома, работу Брупбахера, фальсифицировавших историю I Интернационала. Эта работа, долженствующая вылиться в многотомное исследование, еще не выполнена. Но то, что мы уже имеем, свидетельствует о том, что и в этом вопросе Рязанов руководствуется, как всегда, своим строго-ортодоксальным марксистским методом. В то время, как анархистские историографы вводили в заблуждение некоторых довольно крупных марксистов, т. Рязанов один выступил против анархистской фальсификации истории I Интернационала. Собранные и частично напечатанные им материалы по его истории, в корне опровергающие все анархистские измышления, представляют собой работу огромной ценности. Нет ни малейшего сомнения, что, когда эта работа будет полностью издана, мы получим труд мирового значения, который должен будет совершить полный переворот во взглядах на историю I Интернационала.

Свою литературную деятельность т. Рязанов начал с работы «Две правды», в которой он разбирает различие между народничеством и марксизмом. В этой работе т. Рязанов затрагивает целый ряд крайне интересных для социалистов вопросов, в том числе и философских. На эти вопросы он дает свой ответ, который с революционной точки зрения представляется совершенно правильным. В указанной работе высказываются суждения по вопросу об историческом характере процесса познания. И Рязанов вполне определенно и ясно ведет борьбу на два фронта — как против вульгарного механистического материализма, так и против идеализма, что определяет его соб-

ственную позицию, как позицию воинствующего материалиста-диалектика. «Две правды» представляют собой некоторым образом формулировку мировоззрения самого т. Рязанова. Эта формулировка особенно интересна тем, что т. Рязанов увязывает воедино марксистскую теорию с революционной практикой рабочего класса.

Тов. Рязанов диалектически ставит вопрос об отношении теории к практике, об отношении теоретического понимания общественной жизни к революционной практике. «Теория, — пишет он, — должна итти рука об руку с практикой... Изменение мира путем нашей практической деятельности дает живительный толчок теоретическому усвоению наших истин; не будучи дополнена практикой, теория остается в области «чистого созерцания». Во всей своей пропагандистской работе т. Рязанов всегда настаивал на том, что революционер должен быть хорошо теоретически подкован, должен научно обосновать свое мировоззрение.

Борьба т. Рязанова за революционную теорию характеризует как его общую установку, так и те тезисы, которые им были положены в основу созданной им научной дисциплины — марксоведения. Рязанов всегда боролся против голого эмпиризма. Он всегда указывал, что, «поскольку мы не желаем быть беспомощными жертвами голого эмпиризма, поскольку мы не хотим подчиняться «пошлому опыту» — так было, так будет, — мы должны всю нашу практику пропитать теорией, мы должны во всякое общественное дело вносить науку».

Борьба против голого эмпиризма, сознание высокого значения науки, которое мы видим у т. Рязанова вслед за Марксом, Энгельсом и Лениным, побуждали его всегда ставить вопрос о необходимости «онаучивания» всякой эмпирической области. Эта основная установка т. Рязанова, — подчеркивание роли теоретического мышления, — совпадает с мнением Энгельса, выраженным им особенно ярко в «Диалектике природы». Но т. Рязанов еще задолго до появления «Диалектики природы», просто, в качестве ортодоксального марксиста, понимал всю важность и необходимость «онаучивания» всякой эмпирической области, дающей нам определенную совокупность фактов. И эта мысль т. Рязанова проходит красной нитью не только через «Две правды», но и через все остальные его работы, ибо необходимость теоретического осмысливания конкретных фактов и явлений он проводил во всех своих научных исследованиях.

Но, выясняя связь между теорией и практикой, т. Рязанов борется на два фронта, предостерегает также и против другой крайности, с которой нередко приходится встречаться. «Всякий из нас, побывавший, — а кто из нас не был? — в каком-нибудь кружке молодежи, знает, как часто встречаются эти два типа. Редко кто из нас не ударялся в одну из этих крайностей. И то херил теорию во славу дела, то — дело, практику во славу теории, науки». Тов. Рязанов считает, что дела не должны расходиться со словами. Он самым решительным образом борется против забрасывания практики ради теории. Всякая теория основана на практике, зиждется на определенном конкретном материале. Тем более это относится к революционной теории и революционной практике. Нельзя быть революционером в теории, не будучи революционером на практике. «Будучи революционерами в области теории, вы не можете не быть революционерами в области практики. Только революционная деятельность не знает обособления правды теоретического неба от правды практической земли, только она является настоящей практически-критической деятельностью. Социологическая теория дополняется соответствующей социологической практикой».

В своей известной работе, написанной по поводу 25-летия нашей партии, — «Карл Маркс и РКП» — подводя итог нашему рабочему движению, т. Рязанов указывал на то, почему именно наше рабочее движение достигло таких колоссальных успехов, чем объясняется то обстоятельство, что наследниками международного рабочего движения, первыми пионерами в области создания Третьего Интернационала оказались именно мы. Выясняя эти вопросы, т. Рязанов подчеркнул вместе с тем также и еще одно весьма важное обстоятельство, приобретающее для нас, на новом этапе революции, в новых условиях, весьма важное значение. Тов. Рязанов подчеркивает, что практический опыт революционного движения или социалистического строительства дает колоссальный толчок дальнейшему развитию теоретической мысли. «Марксизм воспринимался не как «чистая» теория, не как теоретическая деятельность. Теоретическое понимание общественной жизни было только средством для революционного изменения ее с тем, чтобы в новой практике находить новые источники для теоретического постижения этой действительности». И действительно, на новом этапе, в наших условиях, мы видим мощный расцвет диалектического материализма. И этот расцвет нераз-

рывно связан с той практикой, с теми результатами, которые дала нам наша революция.

В этой связи т. Рязанов замечает, что, будучи революционером в науке, т. е. стоя на позиции революционного марксизма, человек обязательно должен быть революционером на практике. С другой стороны, революционер на практике, в особенности вождь-революционер, должен быть, по мнению т. Рязанова, вместе с тем также и крупным ученым. Это единство революционера и ученого и осуществил т. Рязанов в своей личной жизни, в своей деятельности. Подобным же образом рассматривает он теоретические воззрения основоположников марксизма. Тов. Рязанов вскрывает связь теоретических воззрений Маркса и Энгельса с их организационно-практической, революционной деятельностью. Поэтому наиболее глубокую разработку теоретических взглядов и практических действий Маркса и Энгельса т. Рязанов ведет по двум основным центральным эпохам — эпохе Союза коммунистов и создания Коммунистического манифеста и эпохе создания I Интернационала. И им впервые действительно нарисована связь Коммунистического манифеста с организационными, практическими, революционными задачами и деятельностью, которую вели основоположники марксизма накануне 1848 года.

Начиная с первых своих теоретических работ, т. Рязанов стоит на почве выдержанного диалектического материализма. Уже в самой ранней своей работе он подчеркивает весьма важную как с теоретической, так и с методологической точки зрения мысль о том, что ни вульгарный материализм, ни идеализм не могут справиться с одной основной проблемой, стоящей в центре теоретических интересов современности. Это — проблема взаимоотношения формы и сущности содержания. Он в этой своей работе подчеркивает, что как вульгарный материализм, так и идеализм не понимают того обстоятельства, что содержание, сущность проявляются в определенных формах и что эти-то формы на каждой данной ступени развития, будь то в общественной жизни или в области природы, — составляют существенную сторону этого явления.

Тов. Рязанов всегда видел центр тяжести, сущность всякой науки в методе. «Нет никаких прочных, неизменных разделов между обыденным мышлением, знанием и наукой. Только метод отличает науку от не-науки. Предметом ее является вся действительность во всех ее многообразных про-

явлениях. Для нее нет возвышенных и низменных предметов. Для нее нет и не может быть также никаких запретов. Чем сложнее предмет ее исследования, чем больше количество и разнообразие факторов и сил, результатом которых он является, тем труднее онаучивать эмпирическое знание этого предмета. Но было бы смешно заранее отказываться от такой задачи. Во всякую отрасль человеческой деятельности надо стараться внести максимум научности, из всякой совокупности навыков и знаний, из всякого искусства надо сделать науку».

Какой же метод является в настоящее время единственно научным? Это — диалектический метод. Диалектический метод рассматривается т. Рязановым совсем не так, как это делалось многими марксистами как старого, так и нового поколения, считавшими необходимым ограничивать диалектический метод и вообще марксизм исключительно общественными науками, применять диалектический метод только к общественным наукам.

Тов. Рязанов всегда в своих работах отстаивал то положение, что диалектический метод одинаково распространяется как на явления общественной жизни, так и на явления природы. «Кто овладел этим методом, — пишет т. Рязанов, — кто стал диалектическим материалистом, тот имеет в своем распоряжении самое могучее орудие для исследования предметов и явлений природы и общества». При этом установлении роли и значения диалектического метода Рязанов никогда не впадал в ограниченный механицизм. Он всегда предостерегал от перенесения определенных законов из одной области знания, скажем — из биологии или механики, в другую область, социологию, в общественные явления. Он всегда указывал, что законы развития животного мира отличны от законов развития человеческого общества. «Законы развития природы и животного мира не тождественны с законами развития человеческого общества».

Отстаивая материалистическое понимание истории, т. Рязанов выяснял, при этом, те его стороны, которые зачастую ускользали от других или недостаточно точно ими воспринимались. В особенности следует отметить, что т. Рязанов выдвигал и выдвигает «биографический элемент» в исследованиях, поскольку речь идет о роли той или иной личности. Подчеркивая значение биографического элемента, т. Рязанов писал: «Биографический элемент сохраняет большое значение для материалистического понимания истории не только в качестве

показателя великих исторических перемен. И одним из интереснейших явлений мировой истории является факт, что эта «творческая сила» идей и решающая роль исторических личностей нигде не проявилась так полно, как в жизни обоих основателей материалистического понимания истории, якобы совершенно отрицающего роль «субъективного» элемента в мировой истории. Никто не оказал такого сильного влияния, как Маркс и Энгельс, на величайшее в мировой истории массовое движение, а именно на международное рабочее движение; никто не оплодотворял с такою силою своими идеями сознания нескольких поколений в различных странах, как оба этих великих мыслителя, которых и после их смерти неоднократно уничтожали, но которые всегда возрождались к новой жизни».

Далее т. Рязанов считает необходимым указать на роль личности в истории и вместе с тем подчеркнуть великое революционизирующее значение «идей». Несомненно, что эти основные мысли положены т. Рязановым в основу той отрасли науки, которая им создана, — в основу марксоведения. Если персональный фактор играет большую роль, то вопросы марксоведения предстают перед нами в несколько иной постановке. С точки зрения науки о марксизме, с точки зрения марксоведения «одной из важнейших и интереснейших задач современной истории является научная биография Маркса и Энгельса, которая исчерпывающим образом показала бы всю их деятельность практическую и теоретическую, которая объяснила бы нам их личности как из их индивидуальных особенностей, так и из исторической среды».

Таким образом научная биография Маркса в самом широком смысле слова, т. е. описание его творчества, его практической, революционной деятельности, составляет не что иное, как *часть современной истории*. Вся современная история, начиная с 40-х гг. прошлого столетия и вплоть до наших дней, не может быть понята без изучения совокупности *идей*, без *теоретической и практической деятельности*, которую внесли в историю нового времени Маркс и Энгельс.

Эти основные идеи легли в основу марксоведения, как специальной отрасли истории. Однако было бы ошибочно представлять себе, что марксоведение исчерпывается только периодом жизни и деятельности Маркса и Энгельса. Марксоведение включает также и изучение результатов практической и теоретической деятельности основоположников марксизма, иссле-

дование дальнейшего развития их идей и мыслей. «Если значение Маркса и Энгельса заключается в их миросозерцании, в сумме идей, брошенных ими в исторический процесс, то проследить с точностью возникновение и развитие этого миросозерцания мы сможем только тогда, когда перед нами будет вся картина их интеллектуальной деятельности, когда будут выяснены не только все составные элементы великого творения Маркса и Энгельса, но и все результаты их научной, политической, организаторской повседневной работы, которая шла об руку с самой интенсивной теоретической работой».

Если марксоведение есть наука о марксизме, т. е. наука о том, как формировался марксизм, наука о развитии и распространении марксизма, и не только теоретических идей, но и практических, организационных и т. д., то очевидно, что и к этой отрасли науки должен быть применен марксистский метод, т. е. диалектический метод и материалистическое понимание истории. Сама история возникновения, развития, распространения марксизма должна рассматриваться под углом зрения материалистического понимания истории, под углом зрения диалектического метода. Отсюда вытекает основная задача выявления генезиса марксизма, истории его развития, истории развития всех элементов марксизма, как они возникли из всей предшествующей истории, истории науки, истории философии, экономики, политики, революционного движения и т. д.

Таковы те огромные задачи, которые стоят перед марксоведением и которые в значительной мере уже выполнены трудами Д. Б. Рязанова, основателя и неутомимого деятеля в области создания и разработки этой особой научной дисциплины.

СОБЛАЗНЫ И ОПАСНОСТИ ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ

Давид Борисович Рязанов представляет собою одну из самых культурных личностей, каких я встретил на своем, уже не коротком, веку.

Естественно, что, поскольку моя мысль направляется сейчас к нему по случаю его многознаменательного юбилея, она попадает в круг понятий и явлений культуры, этого огромного здания человеческого труда, человеческого гения в их взаимодействии с природой, этого второго мира, в котором столь сложно соединены и внутреннее единство, и огромное разнообразие по разветвлениям и направлениям, векам, племенам и, в особенности, классам.

Задумавшись о культуре, в какой-то связи с высоко уважаемой мною культурной фигурой Давида Борисовича, я напал на мысль об опасностях и соблазнах культуры, и притом именно самого высокого культурного хребта, — как раз того, среди пейзажа которого движется т. Рязанов и атмосферой которого он дышит.

Этот пейзаж наивысшей культуры напоминает мне чем-то тот фантастический и глубоко рельефный голубой ландшафт, который Леонардо-да-Винчи дал в качестве фона для созданного им изображения культурного человека в одном из тончайших его отражений, в мировом шедевре — Монне Лизе Джиоконда.

Этот пейзаж состоит из высоких пиков о крутых склонах, из глубоких ущелий и долин, по которым текут серебристые реки, причем так и кажется, что воздух там разрежен и холодноват, солнце ярко, тропы редки и круты: карабкаться на соблазняющие вершины, чтобы открыть для себя новые горизонты — головоломно затруднительно; заглядывать в пропасти — головокружительно, и спускаться в них надо с опаской, ибо такой спуск может внезапно оказаться бедственным срывом.

Хотя я гораздо менее вхож в эти наивысшие регионы культурного плато, чем Давид Борисович и ему подобные, мне все же

хочется указать на некоторые, диаметрально противоположные друг другу опасности, которым, судя по нашим наблюдениям за жителями этих вершин, — от нас, снизу, — они подвергаются.

Туземец высокой культуры, Давид Борисович Рязанов поправит меня, если я впаду в ошибки, а может быть, когда-нибудь захочет и пополнить естественные у меня пробелы.

I

СОБЛАЗН БЕЗГРАНИЧНОЙ ШИРОТЫ

Культура необычайно широка. Она почти безгранична. В нее входит огромное множество самых разнообразных явлений. На первый взгляд может показаться, что она представляет собою некое гигантское скопление самого парадоксального и противоречивого характера. Как часто с внутренним ужасом или с усмешкой люди широкой культуры старались начертать ее облик как раз с этой точки зрения тысяч противоречий, в ней уживающихся.

Уже в XVIII столетии забавлялись ниспровержением понятий о единой вере (или единой морали), изображая гигантское разнообразие понятий человечества об истинном, добром и прекрасном и пикантно сопоставляя зло с добром у разных народов, причем понятия эти самым курьезным образом менялись местами.

Еще Вольтер полагал, что, по крайней мере, вплоть до зари рационализации истории, — которую он склонен был усматривать пока еще в бледном виде в свое собственное время, — история человечества, его верований и нравов представляет собою скопище безумств. И в своем знаменитом «Искушении св. Антония» Флобер, прежде чем отдать всю культуру чорту в зубы (разумея под чортом дух автоматического материализма и признание бессмысленности существования), — проводил предварительно перед умственным оком читателя пестрый и кошмарный карнавал абсурдов, которым в разное время своего культурного развития в разных местах поклонялся человек.

Но не все иронизируют или отчаиваются перед лицом потрясающего многообразия форм человеческой культуры. Многие, напротив, приходят в экстаз исследователя и коллекционера. Словно в большом саду, полном странных растений и курьезных животных, разнообразных мостиков и беседок, бегают с ахами и охами резвые дети — так по целой «вселенной» человеческой культуры прогуливаются исследователи-коллекционеры, жадно желая все знать, наполнить свою голову фактами и датами, именами и

образами прошлого и настоящего. И чем кто больше прочел, и чем кто больше видел, и чем кто большим обладает в своих национальных музеях или личных собраниях — тем тот культурнее.

Конечно, с этой точки зрения самым культурным является человек всех культур в пространстве и времени.

Фридрих Ницше пропел дифирамб своему современнику — историческому человеку, которому поистине ничто человеческое не чуждо и который одинаково в изумлении и восторге подымает руки вверх от живости изображений животных в пещере ледникового периода и от картины парижского сюрреалиста, от пирамиды, Эйфелевой башни и дамской шляпы, от древне-греческой монеты и современной почтовой марки. Такой исторический человек восхищенно комментирует утонченного неоплатоника и резкого материалиста, самую простую народную мелодию, симфонию Бетховена и самый какофонический джаз-банд. С уважением склоняет он голову перед гением Маркса и перед «гением» Клемансо и т. д. и т. п.

Слово, которое сию же минуту сходит к нам на губы при зрелище этого высококультурного человека, это слово — эклектик.

Но в том-то и дело: худо или хорошо быть эклектиком?

Настоящий, так сказать, классический и (да позволено мне будет так выразиться) абсолютный эклектик — этакий директор всемирного музея и всечеловеческой библиотеки, влюбленный в свое «учреждение», — представляет собою тип, в высокой степени привлекательный. Правда, у него нет убеждений. Но у него все-таки есть одно убеждение, а именно — что все убеждения меняются и что все убеждения могут выражаться в изящных или, по крайней мере, курьезных образных эмоциональных и мыслительных формах. У него есть даже свои предпочтения: он, конечно, рад, как курьезу, как характерно выраженному в себе явлению, всякой нетерпимой величине, но подлинной печатью человечности кажется ему отмеченным все терпимое, ласковое и широкое. Не таким ли эклектиком был очаровательный человек культуры — Анатоль Франс?

Между тем, здесь перед нами вырисовывается один из огромных и опасных соблазнов высокой культуры.

П. Л. Лавров был человеком колоссальной культуры. Он не принадлежал к числу таких бескрайно широких и, как я только что выразился, а б с о л ю т н ы х эклектиков: добро и зло были для него более четко очерчены. Но именно о нем, как мне расска-

зывал когда-то с веселой усмешкой покойный М. М. Ковалевский (тоже человек высочайшей культуры), Фридрих Энгельс (тоже человек высочайшей культуры!) сказал удивительно меткое слово: «Was der arme Alte auch nicht zusammengelesen hat!»...

Много читать — это необыкновенно хорошо. Но при каких условиях не получается вот такого «Zusammenlesen»? Очевидно, только в том случае, если у человека высокой культуры, преодолевающего и усваивающего целые библиотеки книг, есть внутри какие-то определяющие кристаллы, которые заставляют кристаллизоваться и весь приобретаемый таким образом новый материал. Но тогда все огромное разнообразие впитываемой в себя культуры, внутри человека, в его собственном культурном мире отражается каким-то особенным организмом, преломляется, упорядочивается. Культура из безграничного нагромождения явлений становится системой и не только всякие элементы ее своеобразно размещаются, но и получают знак прогресса и регресса добра и зла с точки зрения каких-то критериев.

Такой человек, у которого процесс освоения огромной массы культурного материала происходит в вышеуказанных формах, уже избежал соблазна безграничной широты, соблазна безграничного любования разнообразием культуры или, как это иногда бывает, безграничного ужаса перед этим самым ее разнообразием.

II

СОБЛАЗН ЗАМКНУТОЙ КРИСТАЛЛИЗАЦИИ

Спенсер говорит, что, когда он раскрыл «Критику чистого разума» Канта, он с первых же страниц понял, что книга эта ему совершенно не нужна, и захлопнул ее раз навсегда.

Не напоминает ли это известного грандиозно анекдотического изречения калифа Омара, когда он сжег александрийскую библиотеку: «Если во всей этой груде книг содержалась истина, т. е. то, что написано в Коране, то зачем все это? — У нас есть Коран. А если там говорилось что-нибудь, противоречащее Корану, — то зачем это? — Это будет лишь соблазнять людей. В том и другом случае необходимо испепелить эту груду книг».

Таким образом отразившийся в человеческой легенде калиф Омар представляет собою законченный тип культурного человека, культурный мир которого законченно и замкнуто кристаллизовался.

Это тоже очень чарующий и манящий соблазн высокой культуры. Быть человеком высокой культуры — разве это не значит иметь на все свой определенный взгляд, прежде всего выделить для себя самое важное и интересное, и выделить сознательно, приобретя, таким образом, право поглядывать сверху вниз на второстепенное и маловажное, чем могут заниматься люди менее культурные, а затем, в области этого самого важного, установить незыблемые критерии и точно оформить ответ на Пилатовский вопрос: что есть истина?

В культурном человеке этого типа есть спокойная уверенность, есть умение ответить себе и другим на всякий вопрос, есть подлинная форма, т. е. классичность, — т. е. красота. Вы всегда знаете, чего от такого человека ждать: он определенен.

И дело, конечно, идет не только о личностях, но и о группах, школах, течениях, партиях.

Правоверность, ортодоксия — это и есть та высокая форма культуры, в которой выражается замкнутая кристаллизованность.

Но достижение классической оформленности — это явление позднее, даже конечное. То, что такой оформленности достигло, перестает развиваться в своем существе, омертвевает, лишается внутренней диалектики. Если нет внутренних противоречий, и если никакие внешние возбудители таких противоречий не порождают, то мы имеем, очевидно, дело с чем-то безжизненным, что и должно начать деградировать и разрушаться, хотя бы по тому типу, по которому тает и распыляется самый крепкий гранитный утес.

Когда мы, марксисты-ленинцы, употребляем слово «ортодоксия», мы употребляем его в совсем другом смысле. Марксизм есть живое древо. Жизнь течет, изменяется вокруг него, и само оно находится в процессе своего весеннего пышного расцвета.

Марксизм полон работы, внутреннего движения. И внутренние импульсы, и внешние проблемы постоянно сдвигают его во множестве важных и частных задач из нынешнего состояния.

Но, в таком случае, почему же это ортодоксия? В таком случае, не может ли подвергнуться подлинный марксист соблазну безграничной широты?

Нет, он не может ему подвергнуться, он не может сделать свою ортодоксальность неподвижной, потому что в самое понятие его ортодоксальности входит прежде всего положение о непрерывном движении и изменении. Марксист не может стать за-

скорузлым поклонником мертвой догмы, потому что он заранее отрицает всякую догматичность и весь открыт к восприятию объективных фактов — и, притом, всех фактов.

Но он застрахован также и от эклектизма, потому что в нем действуют огромные силы, детерминирующие принципы, теоретические и классовые доминанты, которые упорядочивают во все более тонкую и сложную систему весь вновь поступающий материал.

На все время, какое мы можем обозреть, сила этих доминант является довлеющей, а потому отступление от этой живой ортодоксии, от найденных нашими учителями великих принципов, является разоружением и деградацией.

И от этих размышлений я перевожу мой умственный взор на культурную фигуру Д. Б. Рязанова.

Какая огромная начитанность! Я не думаю, чтобы начитанность П. Л. Лаврова могла превосходить широту охвата образованности т. Рязанова.

Но какая определенность точки зрения! Какая незыблемая верность определенным силовым линиям, вокруг которых и располагается весь материал, никогда не уродуя умственный организм! Никаких ожирений, никаких опухолей, никаких непереваренных затвердений. Все идет непосредственно в здоровые, все растущие органы того целого, которое есть марксистское культурное миросозерцание.

III

СОБЛАЗН РАФИНИРОВАННОСТИ

Во все времена культурной истории человечества и, в особенности, в те эпохи, когда культура доходила до своей полной зрелости или даже немножко переступала соответственный порог и чуть-чуть отдавала перезрелостью, встречаются в особенно большом количестве культурные люди, которые главной своей чертой, своей особливой культурностью считают рафинированность.

В самом деле, человеческая культура весьма разнообразна также и по квалификации своей продукции. Есть вещи, которые служат непосредственно для потребления масс. Есть такие, которые уже недоступны массам, но представляют собой более или менее нормальные элементы обстановки средних слоев. Есть и такие, которые находят лишь весьма редких ценителей; это, в известной степени, — верхушки культурности. Зачастую люди бо-

лее грубого и утилитарного взгляда на вещи считают такие верхушки культурности праздной роскошью, аутеркультурностью, гиперкультурностью, — в конце концов, своего рода извращенностью. Но эта характеристика «почти извращенности» рафинированных продуктов культуры только прибавляет смаку ее продуктам в глазах настоящих дегустаторов, настоящих гурманов культурных редкостей и высоких достижений.

Сама высота достижений в этом случае оценивается не по широте пользы, которую, скажем, тот или другой гениальный мастер осуществил путем своего шедевра, а, наоборот, именно по степени его изысканной бесполезности, именно постольку, поскольку ни понять его, ни, тем менее, употребить для какой-либо жизненной надобности «вульгарный» человек никак не может.

Мне невольно припоминается сейчас один своеобразный разговор, который я имел с товарищем-коммунистом, и отнюдь не каким-нибудь грубым и косолапым человеком.

Мне как-то случилось процитировать известную басню Крылова о петухе, нашедшем жемчужное зерно. Я процитировал эту басню сочувственно, а товарищ, о котором я говорю, напустился на меня после этого: «Неужели вы полагаете, — сказал он мне, — что жемчужное зерно действительно выше, чем ячменное? Разве можно так рассуждать настоящему гражданину строящегося утилитарного, целесообразного мира? Ну, вообразите себе, что весь ячмень на свете заменился жемчужными зернами, самым настоящим крупным жемчугом. Совершенно очевидно, что жемчуг просто упал бы в цене и употреблялся бы так же, как сейчас употребляются любые стеклянные бусы. И разве от этого малейшим образом изменилось бы что-нибудь? И разве не напрашивается мысль, что, собственно говоря, все эти редкостные жемчужины так же мало нам нужны, как и стеклянные бусы, которые бы вовсе не следовало производить, потому что очень трудно привести какие-нибудь оправдания для затраты минимальнейшего человеческого усилия на производство естественного или искусственного жемчужного зерна. А ячмень, или то, что мы можем вместо него подставить, — овес, рожь, пшеница, хлебное зерно вообще, — разве это не есть в самом глубочайшем смысле слова основа всякой культуры? Переход к земледелию, изобретение человеком пшеницы, борьба за ее засухоустойчивость, морозоустойчивость, за крупное зерно, за питательное зерно, — есть гигантская страница в истории человеческого подлинного культурного твор-

чества. И просто смеха достойно сравнивать людей, которые глубочайшим образом заинтересованы в развитии пшеничного зерна, с людьми, которые в какой бы то ни было мере интересуются этим глупым и никому не нужным жемчужным зерном».

Что же, я склонен думать, что товарищ, напустившийся на меня за мою симпатию к Крылову, осуждающему петуха, был прав.

Все дело однако в том, что приходится иметь в виду не только жемчужное зерно, которое, действительно, вещь довольно бесполезная, а немножко понимать внутреннюю иронию дедушки Крылова. Он говорил вообще о людях ограниченных (которых он рисует в образе петуха), о людях, которые часто не могут оценить явлений, выходящих за пределы их сообразительности. С этой точки зрения не только жемчужное зерно, но очень многие произведения искусства, даже очень многие завоевания науки в глазах вот таких слишком решительных «петухов», привыкших «разрывать» «навозную кучу», заслуживают самого решительного осуждения. И если можно согласиться с моим уважаемым товарищем насчет того, что пшеничное зерно гораздо выше жемчужного, то было бы в высшей степени опрометчиво стать на точку зрения утилитаризма, исходящего из того представления о пользе, которое имеет сам массовый человек в нынешнее время, когда, к великому сожалению и не по вине своей, а по беде своей, этот массовый человек многого действительно понять еще не может.

Но если крайняя вульгаризация культуры, стремление объявить ненужным все, что находит ненужным неграмотный человек, представляет собой чудовищное покушение на развитие всей человеческой культуры, то, с другой стороны, соблазн рафинированности, о котором я сейчас говорю, есть действительно тяжелый соблазн.

Обыкновенно люди, впадающие в этот соблазн, представляют собой отпрыски более или менее паразитарных классов.

Надо быть паразитом, чтобы перестать ценить массовое и непосредственно полезное и чтобы считать бесполезность, редкость и курьезность главными достоинствами предмета и явления, о котором произносится суждение. У паразитарных классов, естественно, поскольку все необходимое для бытия доставляется им даром, путем эксплоатации труда масс, все их свободное время уходит как раз на излишества и на привнесение в этот мир излишеств возможно больших развлечений, специализация всякого

рода знатоков коллекционерства и соревнования в приобретении подчас до нелепости доведенных культурных раритетов.

Оставляя в стороне всякого рода коллекционерство старых и новых уникумов, обратим немножко внимание на оценку литературных произведений или даже человеческих мыслей. Рафинированный культурный человек любит изыск и такое сочетание идей, чувств и слов, которое никем бы до тех пор не употреблялось, было бы в значительной степени темным, так что среднему человеку и невдомек, какой смысл имеет данное сочетание идей, чувств и слов, но которое бы, тем не менее, за этой внешней темнотой таило какой-нибудь парадокс.

Остроумие, парадоксальность, заумность и всякие, в этом роде, человечеством изобретенные фокусы, формалистические узоры и монструозные порождения мозга представляют собой довольно заметный пласт человеческой культуры, утолщающийся там, где господствующий класс данной культурной эпохи начинает жить сугубо паразитарной жизнью.

Легко представить себе такого культурного человека, который с какой-то внутренней брезгливостью относится ко всякому предмету, не являющемуся редкостью, ко всякой человеческой фразе, ко всякому переживанию, на котором не лежит печать изысканности и необычайности. Можно представить себе, что это за утомительные люди, в какой огромной мере кажутся они сами ненужными, исключившими себя из жизни, дышащими «неземной» атмосферой!

А, между тем, людям, раз попавшим в страну высокой культуры, очень легко заметить эти подымающиеся к самому небу пики, которые кончаются иглоподобными вершинами и на которые хочется взгромоздиться для того, чтобы почувствовать себя особенно эффектно поднятыми над обыденностью и заурядностью.

С такого рода «культурностью» надо, конечно, вести борьбу. Но эту борьбу надо вести с оглядкой. Очень легко, заразившись совершенно законной враждебностью к этим утонченным людям, перегнуть палку и начать относиться, как к ерунде, ко всему, что редкостно и что не умеет сразу доказать свое право на оправдательный приговор перед трибуналом грубоватого утилитаризма. Очень легко перебить все коллекции фарфора на том основании, что фарфоровую посуду можно очень хорошо заменить простой стеклянной или фаянсовой. Но вряд ли это правильный подход к культуре.

В последнем романе Дюгамеля изображается интеллигент-коммунист, по поводу которого, между прочим, Дюгамель позволяет себе фразу, бросающую совершенно неправильно камешек в мой огород. Он говорит: «Конечно, этот высокий интеллигент-коммунист, в сущности, был индивидуалистом; индивидуалистом остается каждый интеллигент, будь то Моррас или Луначарский».

Я не знаю, является ли Шарль Моррас, вождь монархистов Франции, индивидуалистом, и мало интересуюсь этим, но могу заверить господина Дюгамеля, что я сам индивидуалистом отнюдь не являюсь.

Но героя Дюгамеля вспомнил я не для этого попутного опровержения, а потому, что герой этот говорит, между прочим: «Хотя я коммунист, но, когда произойдет переворот, очень может быть, что мне придется умереть, защищая наши музеи от своих собственных масс».

Дюгамелю уже, как будто, не мешало бы знать, как отнеслись даже в малокультурной, низкой по уровню образованности своих масс России после преобразования ее в Советскую страну к этим самым музейным ценностям.

Да, мы найдем правильное отношение и к уникальному и к рафинированному. Мы не сделаем из него своего обиходного, того, чем мы окружаем свою нормальную жизнь, но мы будем видеть в этом рафинированном своеобразные показатели, своеобразные данные для суждения о разных сторонах человеческой психики, для понимания жизни и стремлений отдельных народов и классов, и часто, может быть, мы это самое уникальное (если нам покажется, что оно действительно прекрасно и для нас приемлемо) сумеем взять за образец для нашей массовой продукции.

IV

СОБЛАЗН МАССОВОСТИ

Однако среди людей высокой культуры встречаются и совсем иные типы. Они также считают себя высоко культурными и отнюдь не согласятся признать примат рафинированных над собой.

Между тем, они представляют собой прямую противоположность рафинированных.

Ницше говорил о посредственности, о мещанстве: «Массы? — пускай их возьмет чорт и статистика».

Чорт тут привлечен для красного словца и для того, чтобы подчеркнуть, как пренебрежительно относится Ницше к дюжинному, к сотенному, к заурядному.

Но статистика тут как раз на месте. Законы, по которым управляется мир, обнаруживаются в больших цифрах. Отдельные индивидуальности и отдельные индивидуальные явления тонут в этих больших цифрах и, в сущности, не имеют никакого значения для человека, который смотрит на мир сверху.

Какое дело настоящему большому генералу-стратегу, до того, упадет ли пронзенный пулей Иван Иванов или Николай Николаев, какие кому раны будут нанесены в битве и какие именно горести каким именно членам семьи сражающихся будут при этом причинены!

Но горе было бы такому стратегу, который не принял бы во внимание, какие же, вообще, могут быть потери при рассчитанной им атаке, не окажутся ли они слишком большими, не поведут ли к тому, что боевые единицы, посланные им в атаку, окажутся надломленными и не осуществят задание?

А так-то, приблизительно, смотрит на вещи и культурный человек, впавший в соблазн массовости. С неменьшей гордостью, чем рафинированный культурменш, он заявляет: «Позвольте! Я человек большой культуры, для меня важны только те явления, которые имеют социологическое значение, которые действительно действенны, которые действительно значимы, а не разная мелкая мелочь, могущая увлекать только коротконогого и близорукого человечка, не умеющего подняться на мою орлиную высоту и окинуть взором широкие горизонты жизни».

Что можно возразить, в конце концов, против такого социологически мыслящего, культурного человека?!

Он не только начинает пренебрегать живой жизнью. Он пренебрегает даже историей. История сама по себе кажется ему каким-то скопищем анекдотов и в истории его пощады заслуживают только самые общие ее линии.

Возьмите хотя бы историю литературы. Такой возгордившийся человек общих линий и массовых явлений скажет вам: «Какое мне дело до того, что представляет собою Петрарка, Гете или Гоголь? Я знаю, что в определенную пору литература должна была неизбежно выразить определенное социальное содержание. Не родись Петрарка, не родись Гете, не родись Гоголь, или имей они случайно совсем другую судьбу, которая помешала бы им написать те именно сочинения, которые они написали, —

никакого заметного изменения от этого не произошло бы». — «Следите за моей мыслью! — говорит такой культурный человек, — во время Гоголя определенная массовая ситуация, массовые противоречия были даны? — Были. А раз они были даны, должны они были найти свое отражение, или вы полагаете, что такое гигантское явление, как литературное отражение уже накопившихся социальных значимостей, зависело от того, что где-то в Полтавской губернии родился Николай Васильевич Гоголь, и что не родись он у своих скромных родителей, то и вся создавшаяся на Руси общественность оказалась бы немой?»

Ну, кто же решится противоречить такой постановке вопроса? Действительно, раз социальные значимости даны, то тем самым дано и их выражение. А если так, то культурному человеку, подпавшему под соблазн массовости, становится уже совершенно неинтересным, что было до того и произошло дальше с автором выразивших то или иное социальное содержание произведений. Не Гоголь, так кто-то другой.

Отсюда легкий вывод: следует изучить и всех маленьких Гоголей вокруг. Они должны были, в конце концов, делать то же дело, предшествуя Гоголю, вторя ему или довершая начатое им. И вообще Гоголь плюс все маленькие Гогольки составляют единое социальное явление. И если вы робко скажете на это, что все-таки интересно было бы знать кое-что о большом Гоголе и что это, пожалуй, более заметно, чем сведения о маленьких Гогольках, и что есть все-таки какая-то разница между большим Гоголем и маленькими, хотя они порождены одними и теми же социальными условиями, — если вы скажете все это, то, пожалуй, вам ответят, что вы плохой марксист.

У культурного человека, впавшего в соблазн массовости, нет больше понимания того, что не только массовое является закономерным, но и индивидуальное входит в ковровую ткань истории, как нечто фактически неизбежное, как нечто, чему придан индивидуальный конкретный характер ходом событий, и что заслуживает внимательнейшего изучения именно потому, что жизнь в ее реальном ходе и есть та жизнь, которой приходится управлять или которой, — если управлять ей ты или твой коллектив не умеют, — приходится подчиняться.

Вряд ли можно считать рядом с соблазном рафинированности одним из соблазнов высокой культуры и соблазн конкретности, т. е. неумение различить между случайным и значительным, неумение подыматься до социологических абстракций. Я думаю,

что это особая точка зрения на вещи просто малокультурного обывателя. Не о ней мы, конечно, говорим. Мы говорим именно об этом стремлении объяснить исключительно большими законами конкретные явления, в особенности те, которые приобрели при всей своей конкретной индивидуальности (как в случае с великими людьми) бросающееся в глаза огромное значение.

Ленин был, как нельзя более, далек от того «социологического марксизма», который удаляется от конкретности. На стр. 110 в I томе его Сочинений вы можете найти определение задачи марксизма: «Точно изобразить действительный исторический процесс, и ничего больше. Критерием теории является верность ее с действительностью. Критерий этот отнюдь не в абстрактных схемах». А в XII томе («О великих людях») Ленин делает такую выписку из «Философии истории» Гегеля: «Великие люди в истории — это те, чьи личные частные цели заключают в себе субстанциональное, являющееся волей мирового духа». То, что Ленин не делает при этом никаких возражений Гегелю, вовсе не значит, конечно, чтобы он принимал это положение в таком виде, как оно Гегелем сформулировано. Он принимает его, очевидно, только с переводом на материалистический язык, который бы звучал так: «Великие люди в истории — это те, чьи цели и чье поведение самым точным образом совпадают с основными линиями развития общества, с главными целями класса, являющегося в эту эпоху ведущим». А отсюда следует, что люди не великие — это те, у которых такое совпадение является гораздо меньшим, затемненным, раздробленным. Вот почему великих Гоголей надо изучать, а маленьких Гогольков можно разве захватывать попутно.

Когда, противопоставив антитетически эти два соблазна — рафинированности и массовости, — я вновь устремляю свой взор на культурную фигуру Д. Б. Рязанова, я с удовольствием отмечаю тот глубокий интерес, который всегда проявлял Рязанов к фактам индивидуальным, например, скажем, подчас даже к мелочам социальной биографии, мыслительной истории Маркса и Энгельса, а рядом с этим десятка других выдающихся людей их эпохи и других эпох, и, вместе с тем, его неуклонный и столь естественный в марксисте интерес к явлениям массовым, к тем самым большим цифрам, которые он отнюдь не был склонен посылать к чорту, а, послав их к статистике, принимал из ее рук как драгоценнейший материал для общего построения подлинного представления о человеческой культуре.

V

СОБЛАЗН КУРТУАЗНОСТИ

Культура также имеет свой «двор», свою аристократию, несколько тысяч людей, которые более или менее знают друг друга.

Подлинно культурный гистолог знает о каком-нибудь крупнейшем живописце своего времени, а выдающийся артист может вам без больших ошибок назвать крупнейших химиков или путешественников своего времени.

Есть такое выражение «европейская знаменитость», или еще другое, более почтенное, — «мировая величина».

Такие «европейские знаменитости» и «мировые величины» составляют своего рода республику, в которой они признают себя более или менее равными согражданами.

Снизу к ним примыкают всякие академики и профессоры и на том же уровне находящиеся мастера разных родов оружия.

Все это люди культурные. Все это даже высококультурные люди.

В общем, культурные люди считают, что существуют некоторые «культурные отношения между людьми». Некультурно относиться к человеку — это значит быть с ним грубым, не признавать его человеческих прав.

Правда, если выясняется, что тот или другой высококультурный человек зашел «слишком далеко» по той или другой линии культуры, если, например, такой высококультурный человек, как Ромен Роллан слишком очевидным образом ударил по лицу такую «почтенную» вещь, как патриотизм, — то высококультурные люди пожимают плечами и произносят нечто вроде следующей фразы: «Такой культурный человек и вдруг допустил такие излишества! Как нелепо такому высококультурному человеку путаться в политику!».

Надо вспомнить, что очень многие из высококультурных людей являются аполитичными отчасти потому, что среди них живет легенда, будто бы наука сама по себе (или искусство само по себе) в состоянии привести человечество к счастью в какие-нибудь ближайшие 25 лет. Вследствие этого на всю суету политиков и на всю борьбу классов они смотрят с жалостью, смешанной с негодованием.

Конечно, республика высокой культуры далеко не едина. В ней есть свое крайне-левое крыло, левое, центр, правое и крайне-правое. Диалектический материалист встречается в ней с католиком, анархист с монархистом. Принято, однако, при куртуазных отношениях, которые должны связывать высококультурных людей, отодвигать на задний план разницу мнений и помнить, прежде всего, то место, как некую абсолютную величину, которое данный высокий спец занимает во всем мире высоких спецов (или высочайших эклектиков, спецов по всем специальностям и без всякой специальности).

В самом деле, люди высокой культуры — это выдающиеся индивидуальности, утонченные, оставившие позади себя всякие грубые страсти и раздраженную нетерпимость. Они дышат атмосферой свободы мысли и взаимного уважения. Разве это не хорошо? Разве не хорошо будет жить людям высокой культуры в социалистическом обществе? И разве, поскольку все социалистическое общество мощно двинется в направлении к высокой культуре, именно такого рода междучеловеческая куртуазность не сделается естественным модусом взаимоотношений между людьми?

Все так, в этом нельзя усумниться. Но тонкий яд многих соблазнов в том и заключается, что они вовсе не являлись бы соблазном при социализме, т. е. после прекращения свирепой классовой борьбы. Именно этот аромат будущего, этот аромат гармоничных человеческих взаимоотношений, соответствующих плановому хозяйству, и придает им прелесть. А между тем, пока царит эта необходимая борьба, без которой мы никогда не приплывем к желанным берегам социализма, до тех пор предвосхищение нравов будущего и установка их в качестве правила поведения для настоящего есть измена делу.

Нас мало интересует, хорошо или не хорошо, если какой-нибудь высококультурный кардинал любезно беседует с каким-нибудь высококультурным раввином или даже атеистом. Пусть они разрешают эти вопросы, как хотят. Но вот, если бы крупный мыслитель или деятель коммунизма хотел завязать узы самой розовой куртуазности с высококультурными классовыми врагами, — то тут нельзя не протестовать.

Хорошо, если эта куртуазность имеет только чисто-внешний характер. В самом деле, когда, например, наши советские историки (среди которых было довольно большое количество коммунистов) отправились в Германию в качестве гостей и смогли там прочесть несколько весьма знаменательных докладов, собрав-

ших огромное количество молодежи, то они действовали правильно, если обменивались поклонами и любезными улыбками с немецкими коллегами, принадлежащими к различным, но большей частью буржуазным историческим направлениям. Но это было бы худо в том случае, если бы из-за куртуазности и чтобы не шокировать любезных хозяев высококультурного образца, наши историки, скажем, подлили немножко тепловатой розовой водицы в крепкое вино марксизма. Вот это было бы плохо. Они, конечно, этого не сделали, — но так может подчас поступить тот или другой высококультурный человек, если он поддастся соблазну и будет думать, что «высокая культурность вообще» важнее в нем, чем его марксистская выдержанность.

Думается, что то же самое верно и для других направлений, — только повторяю, мы гораздо равнодушнее к тому, не подмочена ли твердая убежденность людей высокой культуры не нашего лагеря их изысканной куртуазностью.

Внутри нашей страны иной раз также старается как бы определиться некая круговая порука высококвалифицированной интеллигенции. При этом иногда упускается из виду, что именно в нашей стране, где борьба идет в таких жестких формах, высококвалифицированная интеллигенция раздернута на два, очень далеко отстоящих друг от друга лагеря, между которыми мечется, снует туда и сюда, подвергаемая как бы особенному электролизу, не разобравшаяся еще середина. Соблазну куртуазности поэтому в нашей стране нельзя не давать от времени до времени достаточно энергичного отпора.

Я не желал бы только, чтобы читатели неправильно меня поняли. Я вовсе не хочу сказать, чтобы люди, которые умеют больше оценить значение того или другого специалиста, чем другие, просто с этой специальностью не знакомые, не имели права по-ленински поднять голос в защиту того или другого специалиста, о котором неосведомленные часто легко произносят суждение, как о чем-то непригодном — потому, что чуждым, — забывая ленинское указание, что часто этот чуждый специалист, поскольку он является более или менее незаменимым, должен быть поставлен нами в рамки, которые бы пресекали его вредное влияние, и использован, насколько только использовать его можно, в нашем строительстве, в котором каждая интеллигентная сила, при скудости нашего интеллигентского наследия и трудности получения новой интеллигенции высокой квалификации, является драгоценностью.

VI

СОБЛАЗН ЯРКО ВЫРАЖЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

Личность, обладающая высокой культурой, очень часто считает себя своего рода воплощением такой культуры. В своих глазах вся она, личность, оформлена с необычайной тонкостью и законченностью той громадной культурной стихией, которая проходила через нее в течение всей ее трудолюбивой жизни, в течение всего многозначительного процесса самообразования. И, в свою очередь, пройдя через личность, культура, — как она выражается в миросозерцании данного человека, — проникласъ живыми соками творческой личности, «гением» данного выдающегося человека. Отсюда чрезвычайная гордыня самим собой и своими воззрениями.

Конечно, у человека высокой культуры всегда имеется некоторый оттенок куртуазности, заставляющей его не слишком грубо выпячивать грудь, подымать голову и по-павлиньему хвастать собой. Очень часто даже гордость любят особо прятать под маской смирения, — того самого, о котором говорят, что оно «паче гордости». Но стоит только серьезно затронуть такого типа человека высокой культуры, чтобы он зашипел, как самый настоящий гусь самого римского происхождения.

Совсем другое дело коммунистическая партия. Все будущее перед ней. Ей предстоит объять мир. Шестую часть его площади и 14-ю часть всего населения она уже объяла в том, по крайней мере, смысле, что руководит ими. Ее принципы свежи. Дело, однако, не только в свежести ее принципов и в тех правилах постепенной организации все нового материала с точки зрения основных принципов. Дело еще в одном — в партийной дисциплине. Партийная дисциплина такой партии, как партия коммунистическая, есть величайший мировой принцип. Только при железном единстве партии окажется возможным исполнить ее всемирную историческую миссию.

Необычайно благоприятным обстоятельством при этом является то, что коммунистическая партия есть партия пролетариата, — класса массового, дисциплинированного уже своей ролью в производстве, класса мужественно выдержанного и органически неприязненно настроенного ко всякой крикливой и выпирающей себя личности.

Однако, если нашей партии нужны железные когорты пролетариата, то ей нужны также и люди высокой культуры. Это

бесспорно. Люди высокой культуры могут притти к коммунистической партии из разного рода интеллигенции, могут подняться из пролетариата. Но даже эти последние, по мере того, как они становятся людьми высокой культуры, могут приобретать характерные черты последних и подвергаться свойственным им соблазнам.

Если в пределах такой глубоко серьезной партии, как наша, эти вещи приобретают иногда в некоторой степени трагический смысл, то в широком общежитии кризисы, порожденные соблазном ярко выраженной личности, бывают не лишены комизма. Сюда относятся всякие ученые («Я» с большой буквы), теории сэра Имя-Рек, разъяснение «темного факта», данное академиком Таким-то. С весьма ядовитым взором и весьма взволнованным голосом настаивают сэр Имя-Рек или академик Такой-то на том, что они совершенно и полностью правы и что сэр Так-и-Так и академики X и Y проявили в данном случае не только слабость логики, но и значительную степень невежества.

Очень забавно наблюдать, как впавшие в соответственный соблазн и необычайно высоко ценящие самих себя граждане «высокой республики максимальной культурности» ссорятся между собой по поводу того, кто первый сказал «э», кто первый открыл какую-нибудь звезду тринадцатой величины и т. д.

Кстати сказать, эта смехотворная черточка начинает несколько отступать перед растущим духом куртуазности, и мы все чаще присутствуем при соглашениях на этой почве совершенно гоголевского типа, когда два или три ученых, открывших одновременно ту или другую «звезду», обмениваясь косыми взглядами и косыми улыбками, заявляют: «Э, сказали мы с Петром Ивановичем».

* * *

Обращаясь к человеку, которому посвящен настоящий сборник, я должен сказать, что мне часто казалось, будто он впадает и в соблазн куртуазности, и в соблазн ярко выраженной личности. Но к Д. Б. Рязанову я отношу от сказанного мною насчет соблазна куртуазности только то, что я отнес к привлекательности этой черты.

Так же точно знаю (да и кто не знает?) Давида Борисовича как полемиста. Мы часто наблюдаем те громы небесные, которые Юпитер этот вдруг посылает против нас в случае разногласий с ним. Не так-то легко устоять на ногах, когда получишь молнию

рязановского гнева за то или другое отличие твоего мнения от мнения уважаемого Давида Борисовича!

Но это не единственное оружие, которым он защищает свою ярко выраженную личность. У него есть и другое: очень веселая и очень меткая шутка... Речи т. Рязанова сопровождаются часто смехом и причиной этого смеха всегда является острота, почти классически литературная, очень тонкая и неожиданно часто очень больно разящая противника и иногда оставляющая каплю яда в царапине, которая отмечает место, где впилась рязановская стрела.

Столь боевые качества Д. Б. Рязанова, которые составляют неотъемлемую принадлежность его великолепного темперамента и всей его дорогой нам личности, могут заставить думать, что он весьма не чужд последнему из перечисленных мною соблазнов. Я все же думаю, что это не так. Дело в том, что гнев Рязанова отходчив и шутки его не злостны. Только в высшей степени мелочный человек может обижаться на яркую полемику т. Рязанова. В ней сказывается скорее очень большая убежденность, горячность натуры, прямота и то богатство арсенала, которое позволяет заимствовать из него подчас очень блестящее и очень отточенное оружие.

Во всяком случае, при свете того суммарного анализа соблазнов высокой культуры, который я делаю в этой статье, фигура Давида Борисовича вырисовывается в самом благоприятном свете. Но это было лишь весьма косвенной целью настоящей маленькой работы: мне хотелось просто бросить взгляд на опасности высокой культуры, осветить их и в то же время пожелать, чтобы возможно большее количество людей подвергалось этим опасностям — при том условии, разумеется, чтобы они сумели их преодолеть. Ибо всякая высокая культура есть вещь не только «вообще», не только «очень высокая», но и весьма необходимая в обиходе класса, который хочет по-новому перестроить мир.

Д. Б. РЯЗАНОВ КАК МАРКСОВЕД

I

Рязанов — самый выдающийся марксовед нашего времени, не только в русском, но и в европейском масштабе. Главным образом благодаря научной, издательской и организационной работе Рязанова марксоведение сделалось особой научной дисциплиной.

Марксоведение есть особая социально-историческая наука, наука о марксизме. Ее задача по возможности полностью, на широком историческом базисе, реконструировать и воспроизвести теоретическое и практическое творчество Маркса и Энгельса.

Согласно такому определению, задача марксоведения совпадает с задачей, которую Рязанов поставил Институту К. Маркса и Ф. Энгельса, а именно: изучить генезис, развитие и распространение теории и практики научного социализма, революционного коммунизма, как он был создан и формулирован Марксом и Энгельсом.

Марксоведение применяет марксистский метод исследования к специальной области — к истории и теории самого марксизма. Оно изучает те формы, в которых Маркс и Энгельс применяли марксизм к различным областям науки и политики. В его задачи — по крайней мере, непосредственные задачи—не входит разработка марксизма, его превращение в «систему», его дальнейшее применение к теоретическим и практическим проблемам современности. Марксизм есть оружие и рабочий инструмент революционного коммунистического пролетариата, — смертельное оружие, направленное против капитализма, и орудие для построения социализма и коммунизма. В границы марксоведения не входит тот период марксизма, когда последний в ленинизме нашел себе дальнейшее — как теоретическое, так и практическое — развитие. Оно является наукой о марксизме доленинской эпохи. Но так как труд

жизни Маркса и Энгельса безостаточно перелился в ленинизм, этот живой марксизм, то марксоведение служит живой революционной практике. Предметом его является марксизм — «научный социализм, революционный коммунизм, как он был создан и формулирован Марксом и Энгельсом».

Этой точной демаркационной линией задачам марксоведения ставятся отнюдь не узкие границы. Литературное наследие Маркса и Энгельса, письменное свидетельство их духовного творчества, напечатанные при их жизни и оставшиеся после их смерти произведения, записные тетради, выписки, подготовительные работы, письма — огромны. По содержанию они носили прямо-таки универсальный характер, охватывая все науки, все страны и все эпохи. Практическая деятельность Маркса и Энгельса также распространялась на все охваченные капитализмом страны и связывала их непосредственно или через переписку с несметным количеством личностей и с целым рядом организаций, союзов и партий.

Но марксоведение стремится вовлечь в свой круг не только теоретическое творчество Маркса и Энгельса, как оно выкристаллизовалось в их литературных произведениях, но и предпосылки их духовного развития, т. е. стремится к тому, чтобы все переработанные Марксом и Энгельсом элементы знания исторически и теоретически связать с марксизмом. И точно так же поступает марксоведение с практической деятельностью Маркса и Энгельса. Не довольствуясь тем, чтобы представить ее так, как она отразилась в исторических документах, оно стремится объяснить вмешательство Маркса и Энгельса в историческую действительность из всего того опыта, который они почерпнули из этой действительности.

Исследуя развитие взглядов Маркса и Энгельса на теоретические проблемы и на вопросы практической политики, вскрывая исторические корни их научной деятельности, марксовед, таким образом, по необходимости должен охватить обширные комплексы разнообразных проблем и целые периоды разных наук. История философии, естествознания, политической экономии, политических учений, социалистических идей — я называю только важнейшие дисциплины — должны быть привлечены на службу марксоведению. Исследование политической практики Маркса и Энгельса, в свою очередь, приводит к необходимости изучить политическую историю XIX века, — в особенности историю революционного и рабочего движения.

Что касается внешних обстоятельств жизни Маркса и Энгельса, то хотя изучение их и является одной из важнейших, далеко еще не разрешенных задач марксоведения, оно не может претендовать на центральное место; научная биография Маркса и Энгельса — не «конечная цель», а скорей исходный пункт марксоведения. Она имеет такое же «подсобное» значение для марсоведения, как и точное филологическое издание всех принадлежащих Марксу и Энгельсу текстов — задача, которая, впрочем, также еще ждет своего разрешения.

Не кто иной, как Рязанов, поставил марксоведению указанные выше широкие границы, утвердил его на таком солидном базисе и превратил в особую отрасль социально-экономических наук,— в дисциплину, которой посвящен целый исследовательский институт, один из крупнейших исследовательских институтов Союза, — Институт К. Маркса и Ф. Энгельса.

В качестве автора целого ряда исследований генезиса, развития и распространения марксизма, в качестве автора наиболее распространенного научно-популярного биографического очерка о Марксе и Энгельсе, в качестве издателя многих сотен впервые им открытых рукописей или вновь открытых, потому что всеми забытых, статей Маркса и Энгельса, в качестве редактора русского издания Собрания сочинений и международного («академического») полного собрания сочинений, в качестве организатора и директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса, в качестве редактора трех, посвященных марксоведению, журналов, в качестве руководителя все растущим числом специалистов-исследователей Рязанов предначертал марксоведению его предмет, его пути и его методы и вместе с тем создал организационные предпосылки к систематической и планомерной разработке марксоведения.

II

Марксоведение, т. е. историко-теоретическое изучение марксизма, является насущной потребностью политической практики; эта последняя сделала Рязанова марксоведом. В написанных им в 1902—1903 гг. работах о программе русской социал-демократии мы находим его первые экскурсы в области марксоведения — о программных работах Маркса, о его теории кризисов, о тактике Маркса и Энгельса в эпоху германской революции 1848—1849 гг. Во время первой русской революции Рязанов целиком отдался практической революционной деятельности. С 1907 г., очутив-

шись за границей, он почти исключительно посвящает себя марксоведению, начав прежде всего с изучения взглядов Маркса и Энгельса на русскую историю, на развитие русского революционного движения.

Так возникает его блестящий очерк «Англо-русские отношения в оценке К. Маркса» (1909 г.). Вопрос о судьбе революции в России, вопрос о ее революционном будущем он исследует, опираясь на историю ее контрреволюционной роли, как она была изображена Марксом в ряде полузабытых статей. Его «критические изыскания» вскрыли существенные заблуждения Маркса, — показав, прежде всего, что в возвышении России был «повинен» не политический курс английских государственных деятелей, — как предполагал Маркс, — а «европейский капитализм, использовавший Романовых как своих конквистадоров» («Очерки по истории марксизма»). Маркс недооценивал успехи капитализма в России и поэтому долго, вплоть до 60-х годов, считал незыблемым русское самодержавие, — дольше, чем Энгельс, который уже в 50-х годах гораздо сильнее подчеркивал в своих статьях и письмах обострение внутренних противоречий в России, усиление русского революционного движения, которое подтачивало гегемонию царской России в европейской внешней политике.

В этом очерке Рязанов взялся за тему, которая до него почти не привлекала внимания марксоведов, — за тему: Маркс, Энгельс и Россия. С той поры он уже не покидал этой темы, или — если угодно — тема эта не отпускала его. Длинный ряд его статей и публикаций относится к кругу этой проблемы, а с 1927 г. один из журналов, издаваемых Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса — «Летописи марксизма», посвящается, главным образом, изучению отношений Маркса и Энгельса к русским проблемам и русским общественным деятелям.

Рязанов создал русский «сектор» марксоведения. Теперь, на основании его работ и после всех вдохновленных им изысканий, легко констатировать, что русский сектор теоретической и практической деятельности Маркса и Энгельса не представляет собой территориально и национально ограниченную область исследования, непосредственный материал которого есть конгломерат нескольких случайных высказываний и взаимоотношений. Теперь мы знаем, что Маркс и Энгельс придавали русской проблеме то решающее значение, которое сделали таким очевидным для всех и каждого события последних десятилетий. Начиная с 60-х годов Маркс и Энгельс считались с возможностью, что судьба

русской революции превратится в судьбу европейской революции, и поэтому в их теоретических работах и политических связях Россия занимала весьма значительное, по временам даже центральное место. Это ставшее общеизвестным благодаря изысканиям и открытиям Рязанова значение русского сектора в деятельности Маркса и Энгельса не было оценено старым марксоведением, главными представителями которого были Каутский, Бернштейн и, — больше чем кто-либо, — Меринг. Поставив проблему «Маркс, Энгельс и Россия» на подобающее ей место, Рязанов не только расширил географические границы марксоведения, но и вообще углубил его, поднял качественно на более высокую ступень, внес оживление в центральную проблему — в вопрос о взглядах Маркса и Энгельса на революцию.

III

Суммарными и предварительными результатами своей первой более крупной работы Рязанов отнюдь не счел исчерпанными исследования о взглядах Маркса и Энгельса на Россию и, в частности, на возможности, перспективы и влияние русской революции. Очерк этот, как мы уже указывали, явился началом длинного ряда публикаций и детальных исследований. Но, продолжая итти вперед по уже проложенному им пути, Рязанов напал на другие области деятельности Маркса и Энгельса — области, которые точно так же остальными марксоведами были или вовсе оставлены без внимания, или подвергнуты поверхностному, основанному на недостаточном материале и притом методологически неверному анализу.

Чтобы возможно полней представить взгляды Маркса и Энгельса на Россию и наилучше осветить их, Рязанов в двух направлениях расширил материал своих исследований. Во-первых, он стал откапывать сотни статей, написанных Марксом и Энгельсом в 50-х и 60-х годах для разных чартистских и уркартистских органов, для немецких газет и, главным образом, для «Нью-Йоркской трибуны». Во-вторых, он начал изучать личные — прямые или письменные, политические или научные — отношения Маркса и Энгельса к русским общественным деятелям. Этим он открыл новые огромные области для марксоведения, — области, выводящие далеко за пределы темы «Маркс, Энгельс и Россия».

Множество статей — которые Рязанов, благодаря неутомимому анализу, открыл в американской, английской и немецкой прессе

50-х годов — точнее: от 1851 до 1862 г., — имели отношение не только к его первоначальной теме. В течение этих двенадцати лет Маркс и Энгельс высказывались в своих газетных статьях обо всех важнейших политических и экономических событиях того времени — о внутренней политике всех европейских государств, прежде всего Англии, о восточном вопросе, о русско-турецкой войне, о Крымской кампании, о восстании в Ост-Индии, об экономических и политических проблемах Китая, Персии, о кризисе 1857 г., о северо-американской гражданской войне и т. д. Часть этих статей — правда, незначительная — была уже более десяти лет известна, в то время когда Рязанов начал свои изыскания. В 1897 г. Эвелинги издали том на английском языке под заглавием «The Eastern Question». Еще несколько статей уже были напечатаны по-немецки в разных изданиях. Об интенсивном сотрудничестве Маркса и Энгельса в «Нью-Йоркской трибуне», в чартистских органах, в бреславльской «Neue Oder Zeitung», в венской «Presse» уже давно знали биографы Маркса и Энгельса и историки марксизма. Но никто до Рязанова не понял значения этих статей для теории и практики марксизма. Никто не отдавал себе отчета в том, что десять лет мировой политики в освещении Маркса и Энгельса являются десятью годами мировой политики с точки зрения пролетарской революции. Когда сборник Эвелингов «The Eastern Question» появился в Лондоне, Бернштейн, меньше чем через два года после смерти своего учителя Энгельса, написал о нем статью в «Neue Zeit». На основании этих статей Маркса и Энгельса по вопросам внешней политики он сконструировал и «своеобразный дуализм» в работах Маркса, в которых «как ученый перед революционером, так и революционер перед ученым никогда не отступал до конца» («Neue Zeit», 16/I, S. 210). Механистически мыслящий Бернштейн увидел у Маркса лишенную единства смесь науки и революционной практики; он не в силах был понять полное единство, диалектический синтез в мышлении Маркса, для которого «наука, — как сказал Энгельс у его могилы, — была двигающей историю, революционной силой». Критикуя Маркса, противопоставляя его ожиданиям и надеждам противоречившее им действительное развитие событий, Бернштейн ставил себе целью «исправить» в Марксе «ученого», — но фактически он тем самым подвергал в нем отрицанию практического деятеля — партийца, революционного политика, — которым Маркс, никогда не занимавшийся наукой ради нее самой, оставался во всех своих литературных произведениях. Придавая статьям Маркса

ценность лишь постольку, поскольку они «дают богатый фактический материал», содержат в себе многие подтвержденные дальнейшим развитием событий анализы и утверждения и являются в высшей степени увлекательным чтением», Бернштейн осудил политику пролетарской революционной политики, от лица которой они были написаны.

Не кто другой как Рязанов оценил значение публицистических работ Маркса и Энгельса, написанных ими в 50-х годах; он увидел в них документы внешней политики Маркса-Энгельса, документы внешней политики той великой державы будущего, полномочными представителями которой считали себя всегда, — даже в то время, когда могли по пальцам пересчитать своих друзей, — Маркс и Энгельс, из которых один был изнемогающим от тягот повседневной жизни ученым, а другой — стонущим под игом «собачьей коммерции» журналистом. Великая держава, о которой мы говорим, это — пролетарская революция.

Внешняя политика в освещении Маркса и Энгельса — вот вторая крупная тема, посредством которой Рязанов расширил область марксоведения. Значительная часть работ Рязанова посвящена этому комплексу проблем. Тут прежде всего мы должны назвать двутомное «Собрание статей» Маркса и Энгельса, появившееся сперва на немецком языке в начале 1917 года.

В нем Рязанов обнародовал около 250 статей, написанных Марксом и Энгельсом в 1852—1856 гг., главным образом, о вопросах международно политики: о восточном вопросе, о русско-турецкой войне, о Крымской кампании, о панславизме и т. д. Оба тома снабжены обширными введениями и примечаниями, которые далеко выходят за скромные рамки, поставленные себе Рязановым в предисловии: «облегчить понимание текста». В них исправляется целый ряд фактических ошибок, вкравшихся в газетные статьи Маркса и Энгельса, обычно писавшиеся на основании только что полученных сообщений; в них высказывания Маркса и Энгельса сопоставляются с другими их работами и письмами; в них произведена сводка высказываний по отдельным вопросам и в общих чертах набросана история развития взглядов Маркса и Энгельса на самые разнообразные проблемы международной политики. Они дают, кроме того, множество ценных указаний на то, как должна решаться задача, которую Рязанов считает основной для исследования внешней политики Маркса и Энгельса, — задача показать, каким образом Маркс и Энгельс в течение ряда лет «по-

следовательно выработали пролетарскую точку зрения на вопросы международной политики».

Задаче этой посвящен еще целый ряд статей Рязанова — «Маркс о Турции и восточном вопросе» (1913 г.), «Маркс и Энгельс о польском вопросе» (1916 г.), «Маркс и Энгельс о франко-прусской войне» (1915 г.), «Маркс о Китае и Индии» (1926 г.). Как мало значения придавало старое марксоведение детальному освещению революционной международной политики Маркса и Энгельса, ярко показывает то пренебрежение, с которым Меринг встретил изданные Рязановым два тома статей Маркса и Энгельса, написанных ими в 1852—1856 гг. Вместо того, чтобы указать на новые исследовательские перспективы, открывающиеся перед историком с опубликованием этих статей, он разделался с рязановским собранием посредством подстрочного примечания в своей биографии Маркса, основной текст которой был уже к тому времени сверстан: «Ценность статей Маркса и Энгельса, собранных Рязановым в двух томах, весьма различна: один из них удачно и остроумно дополняют крупные научные работы этих авторов, другие же... являются типичными газетными статьями, воскрешение которых менее всего порадовало бы самих Маркса и Энгельса».

IV.

Работа над проблемой «Маркс, Энгельс и Россия» непосредственно привела Рязанова к изучению революционной международной политики Маркса-Энгельса. Но кроме того она, как мы выше упомянули, подвела его к другой обширной области марксоведения. Занимаясь работами Маркса и Энгельса о России, он принужден был вовлечь в круг своего исследования все другие их работы по вопросам международной политики. Но когда, затем, он предпринял систематическое изучение личных отношений Маркса и Энгельса к русским общественным деятелям, их непосредственных связей с русским революционным движением, ему пришлось углубиться в тот период жизни Маркса, когда последний, принимая активное участие в возродившемся во всех более передовых странах рабочем движении, вошел в сношение — дружественное или враждебное — с целым рядом русских деятелей; это — период Первого Интернационала.

В 1910 г. Рязанов начал внимательно изучать документы Первого Интернационала. Очень скоро он пришел к убеждению, что в этой области есть проблемы еще гораздо более важные,

чем связи Маркса с Россией. Тема «Маркс и Россия» мало-помалу раздвинулась в тему «Маркс и Интернационал», чтобы скоро уступить место еще более широкой теме, а именно: истории Первого Интернационала. И в самом деле, если историк-марксовед стремится на практике рабочего движения изучить марксизм, как его применял сам Маркс — а для марксоведа это важнейшая задача, — то он, несомненно, прежде всего должен обратить внимание на те два периода жизни и деятельности Маркса, когда последний наиболее энергично — в качестве организатора, пропагандиста, вождя — влиял на рабочее движение. Первым из этих периодов являются годы Союза коммунистов: 1847—1852; второй образует десятилетие Первого Интернационала: 1864—1873. Можно держаться различного мнения о том, который из обоих периодов помогает нам лучше уяснить себе значение практической деятельности Маркса, — тот ли, который ознаменован буржуазной, но охватившей весь континент, революцией 1848—1849 г., или тот, кульминационным моментом которого была пролетарская революция Парижской коммуны. Рязанова — автора самого обширного комментария к Коммунистическому манифесту и наилучшего, сделавшегося классическим, популярного издания этого первоисточника коммунистически-революционного познания — нельзя упрекнуть в том, что он недооценил значение того опыта, который дал Союз коммунистов. В историографию этого Союза он внес новую живую струю. Но относящиеся сюда работы написаны им в более ранние годы. Они дают, так сказать, предисторию к истории Первого Интернационала, которой он уже раньше посвятил много лет, усердно и усиленно собирая материалы, предпринимая многочисленные исследовательские поездки и производя строго-научные изыскания. Около 1910 г. он, на основании тогдашней литературы по истории рабочего движения 60-х и 70-х годов, совершенно правильно осознал необходимость сосредоточить исследовательскую энергию именно на изучении истории Первого Интернационала.

По истории Интернационала имелись в то время две монументальные работы — биография Бакунина, принадлежащая перу Неттлау, и четырехтомная монография Гильома, в распоряжение которого Неттлау предоставил весь тот огромный материал, который он накопил за 20 лет. Господами положения были анархисты, превозносившие Бакунина; марксистская литература могла им противопоставить лишь бледную книжку Иекка. Гегемония бакунистов в литературе о Первом Интернационале имела своим

последствием не только то, что Маркс и его сторонники во всех спорных пунктах отступали перед противником и изображались последним как гнусные клеветники, опытные фальсификаторы и дьявольские интриганы, но и то, что история Первого Интернационала, — организации, бессмертной заслугой которой было то, что она под руководством Маркса, как действительно боевая организация рабочего класса, победила всякие социалистические, полусоциалистические и анархистские секты и тем самым создала основу для мировой борьбы пролетариата за социализм, — что история этой организации, господствовавшей над той стороной целого десятилетия, которая была обращена к будущему, была превращена в ряд бесконечных мелких распрей между личностями, группировавшимися вокруг фигур Маркса и Бакунина, в ряд жалких проявлений соперничества, зависти и интриганства, что она была, так сказать, атомизирована и тем самым исторически ликвидирована. Историческое значение Интернационала совершенно скрыли поднятые облака пыли. Десять лет работы Маркса и Энгельса по организации и поднятию уровня рабочего движения были объявлены бесполезными и даже вредными для освободительной борьбы пролетариата. Анархистские историографы Интернационала занимали господствующие позиции не только в анархистской литературе, не только в буржуазной науке, поскольку последняя занималась историей рабочего движения, — они могли гордиться еще тем, что оказали решительное влияние на социал-демократическую, якобы марксистскую, историографию. Не только Бернштейн и Курт Эйснер, но и Франц Меринг, главный представитель довоенного марксоведения, усвоил себе основные результаты бакунинской историографии и, специально в вопросе о роли Маркса, счел нужным — согласно известной формуле «с одной стороны, с другой стороны» — соблюсти то беспристрастие, которое было равносильно признанию правильными почти всех направленных против Маркса злостных бакунинских обвинений.

Рязанов решительно отвернулся от бакунинской — психологизирующей, морализирующей и атомизирующей — историографии. Свою задачу он видел в том, чтобы с помощью истории Первого Интернационала выяснить, в каких формах пролетариат осуществляет свою классовую организацию. Он задался целью подробнейшим образом проанализировать этот конкретный исторический процесс в эпоху Первого Интернационала, исследовать все исторические факторы, которые породили и обусловили развитие клас-

совой организации пролетариата в национальном и международном масштабе.

Благодаря его неукротимой энергии и его тонкому чутью, ему удалось собрать колоссальный архивный и печатный материал. Им составлено многотомное собрание источников к истории Первого Интернационала, которое еще до войны было набрано в Германии, но не появилось в свет из-за войны, и лишь теперь снова подготовляется к печати. Он сделался лучшим знатоком Первого Интернационала и рабочего движения 60-х и 70-х годов. События и личности он знает до мельчайших подробностей, но никогда не ограничивается деталями, никогда не теряет из виду общих и принципиальных исторических связей и взаимоотношений.

Вот почему в ряде удачных политических статей, направленных против Гильома, Брупбахера, Неттлау и Меринга, ему удалось разоблачить целую кучу заблуждений, легенд, наветов и подделок, а в ряде научных работ—о генезисе Первого Интернационала, об отношении Маркса и Энгельса к итальянским секциям, о международной политике Первого Интернационала и т. д. — сквозь подавляющую массу мелочей и подробностей — показать основные исторические линии. Этими работами Рязанов восстановил в исторических правах Интернационал и деятельность Маркса и Энгельса в рамках последнего. Он положил фундамент для действительно научной, марксистской истории Первого Интернационала.

V

До сих пор мы говорили, главным образом, о тех научных работах Рязанова, которые целиком или в большей своей части были написаны до Октябрьской революции. Они не только знаменуют собой значительное расширение рамок марксоведения путем обогащения последнего новым кругом проблем, но и в своей совокупности обнаруживают два признака, которые существенным образом отличают марксоведение, как его понимает Рязанов, от старого марксоведения, главным представителем которого был Франц Меринг.

Меринг по своему историческому образованию и историческому кругозору всегда, в сущности говоря, ограничивался Германией. Он был отличным знатоком германской или даже, вернее, прусской истории. В истории остальных европейских стран он никогда не чувствовал себя дома, и литература — не говоря уже об источ-

никах — по истории рабочего движения в не-германских странах была ему очень мало знакома. Крупные ошибки в его изображении развития германской социал-демократии — в особенности совершенно неверная оценка роли Лассаля и Швейцера — в большой степени объясняются его «специфически» прусским кругозором, который характеризовал его как историка и — за исключением последнего периода его жизни—как политика. И вот Рязанов— отличный знаток европейской истории XIX века, обладающий огромной эрудицией в области исторической литературы всех важнейших стран, особенно же первоисточников истории рабочего движения — открыл перед марксоведением всемирно-исторический международный горизонт, обогатил его новыми извлеченными из истории XIX века материалами и проблемами, которые были совершенно чужды старому меринговскому марксоведению или, во всяком случае, были для него чем-то далеким, периферическим. Меринг вставил биографию Маркса, в сущности говоря, лишь в рамки немецкой истории; лишь Рязанов дал ей подобающий всемирно-исторический фон.

Вторым признаком, выступающим уже в первый период марксоведческих изысканий Рязанова, является стремление к планомерному и, по возможности, исчерпывающему использованию и воспроизведению всего литературного творчества Маркса и Энгельса. Со времени появления мерингговского трехтомного собрания «Литературного наследия» (1902 г.) не было сделано ни одной попытки полностью опубликовать все забытые, мало доступные и оставшиеся в рукописях произведения Маркса и Энгельса. Правда, между 1902 и 1917 гг. было опубликовано много значительного из литературного наследия Маркса и Энгельса — переписка с Зорге (1906 г.), «Теории прибавочной стоимости» (1905—1910 гг.), переписка между Марксом и Энгельсом (1913 г.) и целый ряд более мелких перепечаток главным образом в «Neue Zeit», — но все это были изолированные друг от друга публикации, без заранее принятого плана, вне какой бы то ни было связи. Задача систематически и планомерно заполнить все пробелы в издании сочинений Маркса и Энгельса была Рязановым поставлена в порядок дня. Два тома статей, написанных в 1852—1856 гг., были им изданы как часть «Собрания сочинений Маркса и Энгельса 1852—1862». Сборник источников по истории Первого Интернационала должен был довести издание всех работ Маркса и Энгельса, — правда, за исключением «Капитала», — приблизительно до 1876 г. Точно так же еще до Октябрьской

революции Рязанов начал публиковать многие статьи, написанные до 1858 г., которыми пренебрег Меринг — статьи из «Deutsche Brüsseler Zeitung», из «New Moral World» и т. д.

Заполнив таким образом фактически много пробелов в издании сочинений Маркса и Энгельса, он в рецензии на бернштейновское издание переписки (1914 г.) первый выставил принцип, что при издании сочинений Маркса и Энгельса нужно стремиться к абсолютной полноте; ко всему, что написано Марксом и Энгельсом, должен быть открыт доступ науке, — независимо от того, что̀ «актуально» и «интересно» и что̀ «устарело» и «безразлично».

Ибо Маркс и Энгельс «интересны» в каждой написанной ими строчке, в каждой мельчайшей детали их политической деятельности. Конечно, в различные исторические этапы и в различных политических ситуациях разные элементы и разные стороны марксизма, т. е. научного коммунизма, приобретают особую актуальность, особенно крупное практическое значение. Но отсюда следует только то, что те или другие произведения Маркса и Энгельса, те или другие элементы или проблемы марксизма, в зависимости от их актуального значения, в разные эпохи должны быть предметом особенно интенсивного изучения, особенно усердной пропаганды. Тем не менее наука не может отказаться от того, чтобы по возможности целиком и без урезок реконструировать марксизм. В руки борющегося пролетариата должен быть предоставлен весь арсенал марксизма, каким его создали и применяли Маркс и Энгельс сами; ему должен быть открыт доступ ко всей совокупности их теоретического творчества и политического опыта. Чем больше Маркса, тем больше марксизма, чем больше марксизма, тем сильнее теоретическое оружие, которым революционный пролетариат доведет до конца свою борьбу за освобождение, завершит коммунистическую революцию — величайший переворот во всемирной истории, тем легче будет ему раз навсегда покончить со старыми имущественными отношениями и традиционными идеями.

Но первой предпосылкой по возможности полной реконструкции теории и практики Маркса и Энгельса является по возможности полное воспроизведение их литературного наследия и переписки. Рязанов еще до войны поставил эту задачу в порядок дня, еще до войны она была путеводной звездой его исследовательской работы. Но лишь победа Октябрьской революции сделала возможным ее осуществление. Победа

этой революции была триумфом марксизма на практике. Советский Союз, страна пролетарской диктатуры, сделался центром марксоведения, а тем самым и изучения жизни и творчества Маркса и Энгельса; руководителем этой дисциплины, само собой разумеется, сделался Рязанов.

VI

Научная деятельность Рязанова в области марксоведения после Октябрьской революции развивается по трем перекрещивающимся между собой и направленным к единой цели линиям. Во-первых, он создал организационную и материальную основу для систематического, планомерного и коллективного культивирования марксоведения — великолепную, снабженную обильными и наилучшими средствами марксоведческую лабораторию: Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Во-вторых, в структуре и практической работе Института им даны внешние контуры и внутреннее содержание марксоведения как особой научной дисциплины. В-третьих, он развил огромную и планомерную издательскую деятельность, посредством многочисленных публикаций из рукописного наследия Маркса и Энгельса дал могучий толчок марксоведческим изысканиям, выковал острое оружие против оппортунистического калечения марксизма и поставил себе целью полностью издать все произведения и письма Маркса-Энгельса — великая задача, разрешение которой благодаря ему обеспечено в ближайшем будущем.

Вряд ли должны мы вышесказанное иллюстрировать отдельными фактами и моментами научной, организаторской и издательской деятельности Рязанова. Достаточно подчеркнуть некоторые в принципиальном и методологическом отношении особенно важные результаты. Первые годы после Октябрьской революции Рязанов посвятил практической революционной деятельности. Одно время он стоял во главе русского архивного ведомства и принимал активнейшее участие в организации Коммунистической (тогда еще Социалистической) академии, в стенах которой он в 1919 г. создал скромный, состоявший из нескольких маленьких комнат, «Кабинет марксизма». В 1922 г. он прочел в Коммунистической академии цикл лекций о Марксе и Энгельсе, из которых составилась небольшая, но в высшей степени богатая по материалу и по новым результатам книжка — единственная действительно марксистская биография Маркса и Энгельса, — правда, носящая характер только очерка. В том же 1922 г. им был издан «Коммунистический манифест» с обширными, основанными на многолетней пропа-

гандистской практике примечаниями, которые в своей совокупности дают блестящее введение во все отрасли марксизма. В начале 1923 г. им был издан «Манифест» с более короткими примечаниями, которые с необыкновенной ясностью и четкостью выявляют квинт-эссенцию марксизма. Издание это, напечатанное в количестве многих сотен тысяч экземпляров, стало самым распространенным из всех изданий «Манифеста». Как и лекции о Марксе и Энгельсе, оно переведено на многие языки.

Наряду со всеми этими пропагандистскими работами Рязанов с 1920 г. с огромным успехом выступает как организатор, создавая марксоведческую лабораторию, являющуюся основой как для планомерных марксоведческих изысканий, так и для критического издания всех известных и неизвестных произведений Маркса и Энгельса. Уже в течение восьми лет Институт К. Маркса и Ф. Энгельса занимает особое здание, которое пристройками утроено за это время. Благодаря энергии и умелому руководству Рязанова Институт сделался мировым центром марксоведения. Его книжные богатства — 400 000 единиц — образуют самую крупную из специальных библиотек, посвященных истории революционного и рабочего движения. С тех пор как в 1923—1924 гг. Рязанову удалось — а это не удалось никому, кроме него — снять фотокопии со всех рукописей, заметок и писем, хранящихся в берлинском Архиве социал-демократической партии, Архив Института заключает в себе — за немногими исключениями, чтобы быть педантически точным — все литературное (в том числе и переписку) наследие Маркса и Энгельса — частью в оригиналах, частью в фотокопиях. Институт продолжает получать из заграничных архивов и частных собраний фотограммы документов, имеющих отношение к организациям, движениям и отдельным лицам, с которыми Маркс и Энгельс приходили в хоть сколько-нибудь близкое соприкосновение.

Собранный в Музее Института иконографический и иллюстрационный материал к истории революционного и социалистического движения в XIX веке содержит в себе больше 100 000 единиц. В рамках музея Рязанов организовал первую научную выставку, посвященную творчеству Маркса и Энгельса, которая, совмещая своей экспозицией библиотечные, архивные и музейные материалы, служит не только педагогическим и пропагандистским целям, но и научному исследованию, давая в высшей степени подробный и в высшей степени наглядный обзор первоисточников марксоведения. Таким образом, Рязанов привлек иконографию и

музейную экспозицию на службу марксоведческой дисциплины. Издания Института — все под руководством Рязанова и почти все под его редакцией — насчитывают свыше 100 названий и около 150 томов. Каждый том «Архива», выходящего не только на русском, но и на немецком языке, и каждый номер «Летописей марксизма» содержат в себе какие-нибудь открытия и новые результаты, которые существенным образом расширяют наши знания в области истории и теории марксизма. Журналы и серии Института, по своему содержанию, носят энциклопедический и универсальный характер. Институт издает не только произведения, письма, выписки и заметки самих Маркса и Энгельса, но также и произведения идейных предшественников марксизма, классиков политической экономии, французских и английских материалистов, немецких классических философов, издает исследования не только о жизни и деятельности Маркса и Энгельса, но и о предтечах современных пролетарских движений, об истории, структуре и тактике буржуазных революций, — больше того, обо всех исторических событиях и процессах, которые интересовали Маркса и Энгельса. Многообразие этих научных тем, как и многообразие в структуре и материалах Института, служит общей задаче — основной задаче марксоведения, а именно: возможно полному восстановлению и воспроизведению духовной эволюции Маркса и Энгельса.

Рязанов принимает живейшее участие во всех этих работах и изданиях в качестве руководителя и редактора, а также в качестве автора многочисленных исследовательских работ, публикуемых большей частью в форме предисловий и введений. Некоторые из его публикаций имели прямо-таки политическое значение— таковы письма Энгельса к Бернштейну, которые показывают Энгельса в пылу борьбы против свирепствующего в рядах западноевропейской социал-демократии оппортунизма, таковы примечания Маркса к бакунинской книге «Государство и революция», выясняющие позицию пролетариата по отношению к различным слоям крестьянства в эпоху пролетарской революции, таковы статьи Маркса о Китае и Индии, написанные им в 50-е годы, таковы, прежде всего, отдельные абзацы из энгельсовского предисловия к «Классовой борьбе во Франции», которые были изъяты центральным комитетом социал-демократической партии и десятки лет скрывались Бернштейном. Могучий стимул культурной революции, идущей в стране Советов рука об руку с социалистическим строительством, дало опубликование рукописи о

Фейербахе, представляющей собой подробнейшую характеристику Марксом и Энгельсом исторического материализма, и издание энгельсовских очерков о «диалектике в природе», которые в борьбе за марксистское миросозерцание так сильно способствовали победе последовательного диалектического материализма.

Период ускоренных темпов в социалистическом строительстве и обострения классовой борьбы нашел Рязанова подготовленным. Книжки «Библиотеки марксиста», номера «Летописей» и томы «Архива» стали появляться быстрее друг за другом. В начале 1929 г. начинает выходить в свет большое издание сочинений Маркса и Энгельса, из которых уже печатается всьмой том, а из международного, «академического» издания мы в 1930 г. будем иметь 8 томов; быстро движется работа по составлению словаря, посвященного жизни и творчеству Маркса и Энгельса, — по существу являющегося энциклопедией социалистического и рабочего движения до конца XIX века. Многочисленные исследования, посвященные духовной эволюции Маркса и Энгельса и их политической деятельности, получают огромную помощь от богатых собраний и научного аппарата Института и играют, таким образом, значительную роль в массовой пропаганде марксизма и в насаждении марксистского метода во всех отраслях знания; они поддерживают воинствующий марксизм в его борьбе против всех форм идеологий, коренящихся в капиталистической почве. Значение марксизма на идеологическом фронте в качестве оружия пролетарской борьбы за освобождение, в качестве орудия социалистического строительства растет с каждым днем, и вместе с тем все повышаются требования, предъявляемые к марксоведению. С каждым днем становится яснее, как велика заслуга Рязанова, превратившего марксоведение в особую научную дисциплину.

Для этой новой научной дисциплины Рязанов отвоевал широчайшую область, овладение которой потребует еще много времени и сил. Он поставил ей задачу осветить все элементы, факторы и фазисы этого процесса в истории человечества, который привел к возникновению и распространению марксизма, т. е. теории и практики научного социализма, революционного коммунизма. Марксоведение — история теории и практики марксизма, по возможности полная реконструкция и воспроизведение духовного творчества и практического опыта Маркса и Энгельса — превратилось, таким образом, в руках Рязанова в историю красной, пролетарско-революционной нити, проходящей сквозь экономическую, социальную, политическую и идеологическую структуру всех стран и народов

вплоть до той хронологической границы, на которой начинается область новой специальной научной дисциплины — область ленинизма. Ядром, «золотым фондом» поставленного на такой широкий базис марксоведения остается и навсегда останется совокупность письменных свидетельств духовного творчества Маркса и Энгельса. Рязанов больше, чем кто-либо другой, сделал для разрешения великой, трудной и крайне спешной задачи — передать в руки пролетариата этот «золотой фонд»; больше, чем кто-либо другой, он способствовал восстановлению всего Маркса.

Но весь Маркс — это революционный Маркс. Поэтому-то труд жизни Рязанова немыслим без Октябрьской революции: он — плоть от плоти русского пролетарско-революционного движения, доведенного Лениным до победного конца. Октябрьская революция на практике восстановила революционного Маркса. Но восстановить революционного Маркса значит восстановить всего Маркса, ибо революционная диалектика является тем фокусом его учения, который дает единство всему его творчеству. Октябрьская революция восстановила революционного, всего Маркса в живой практике нашей эпохи; Рязанов восстановил всего, революционного, Маркса в современной историографии.

Значительную часть задачи, поставленной себе Рязановым — восстановить всего Маркса и всего Энгельса, — выполнена им самим в многочисленных работах, которым он посвятил уже несколько исполненных труда десятилетий. Но еще более значительна та часть задачи, которая еще ждет своего выполнения. Рязанов разрешил много проблем марксоведения; но еще больше проблем он поставил; им сделано немало изысканий, но еще больше изысканий он наметил. Он — основатель марксоведения как особой научной дисциплины. Несмотря на все, что сделал Рязанов, дисциплине этой предстоит еще развиться. Рязанов обеспечил ее будущность теоретически, методологически, а также — основав Институт К. Маркса и Ф. Энгельса — и организационно. Мы надеемся, что в дальнейшем развитии основанной им науки Рязанов долго еще будет принимать непосредственное активное участие.

Д. Б. РЯЗАНОВ И ФИЛОСОФСКИЙ СЕКТОР МАРКСОВЕДЕНИЯ

Изучение философской теории марксизма невозможно без полного собрания сочинений Маркса и Энгельса. Всякое исследование философского мировоззрения Маркса и Энгельса, если в основу его не будет положено критическое издание сочинений Маркса и Энгельса, всегда будет страдать односторонностью, отрывочностью, механистичностью. Без этой «объективной основы», как говорит Д. Б. Рязанов, «не может быть и речи о научном изучении эволюции их взглядов, нет никакой возможности приступить к критической разработке их огромного литературного наследства».

Писать о Д. Б. Рязанове это значит, однако, писать не только о том, как создавалась в Советском Союзе «первая, важнейшая объективная основа для всестороннего изучения Маркса и Энгельса», не только о том, как десятки и сотни печатных листов революционного теоретического наследства бессмертных учителей рабочего класса впервые собирались и передавались т. Рязановым в духовный арсенал борющихся за свое освобождение рабочих, не только о том, как восстановление подлинного текста Маркса и Энгельса, или открытие новых сочинений их, разоблачало попытки бернштейнианцев сфальсифицировать истинный, революционный смысл заветов учителей (трудящиеся Запада знают, напр., что напечатанный бернштейнианцами текст «Введения» к «Классовой борьбе во Франции» является извращением действительного текста, как он вышел из-под пера Энгельса!) — писать о т. Рязанове значит писать не только об этом, но и об огромном значении его работ для разработки истории и теории марксизма. Если иметь в виду философский участок марксоведения, то это значение следует выдвинуть в трех отношениях. Во-первых, эти работы представляют собою один из блестящих образчиков применения метода материалистического понимания истории к марксоведению, один из образчиков после-

довательного применения материалистического историзма к творцам исторического материализма.

Во-вторых, работы т. Рязанова вносят существенные поправки в общую, известную нам по работам Каутского, Меринга и Плеханова, картину философской эволюции Маркса, не говоря уж о том, что они вносят коренное изменение в традиционную картину духовного развития Энгельса, как она вышла из-под пера Каутского и Меринга; наконец, исторические работы т. Рязанова служат точкой опоры для разработки теории марксизма, так как подлинно научное изучение марксизма невозможно без знания исторического пути формирования марксизма.

Начнем с первого значения.

Для историка марксизма значение рязановских исследований по истории философских взглядов Маркса и Энгельса состоит в том, что он и по отношению к творцам материалистического понимания истории требовал применять выработанный Марксом и Энгельсом метод; так, т. Рязанов требует «отличать между действительным движением, как оно фактически происходило, и идейными формами, в которых оно отражалось в их сознании спустя 30 или 20 лет» [1], — уловить и проследить процесс изменения отдельных, связанных с различными областями теоретического знания, взглядов как единый исторический процесс возникновения целостного мировоззрения — в этом задача историзма т. Рязанова. Его интересует движение мысли, процесс перехода от старого, преодоленного к новому, еще непреодоленному. Эволюция проблем, развитие и преобразование теории становится основной, стержневой проблемой исследования. Научное исследование — это то исследование, которое в постановке, освещении и решении проблем последовательно проводит историзм. Выяснить теоретическое значение того или иного положения марксизма, понять его теоретическое содержание, значит понять его историческую обусловленность; и задача, следовательно, в том, чтобы вскрыть анатомическую ткань идеологии, как она дана в материальных корнях исторического процесса, как процесса естественно-необходимого, как она дана в тех условиях среды, общеисторической и индивидуальной, которые люди находят и которые даны независимо от их воли. Поэтому «одной из задач марксоведения, — по его мнению, — является

[1] Д. Б. Рязанов, Очерки по истории марксизма, М. 1928 г., т. I, стр. 10.

исследование развития науки, «истории культуры» и истории хозяйства до 1845 года в Англии, Германии, Франции и Италии» [1].

Переходя конкретно к эпохе сороковых годов и характеризуя влияющие на Маркса и Энгельса идейные веяния, Рязанов требует тщательного изучения именно этой идеологической «формы общественного сознания», требует «установления корней духовного развития и связи его с эволюцией германской литературы и философии, с развитием немецкой «буржуазной интеллигенции», приходившей к республиканским и коммунистическим взглядам преимущественно из идеологических мотивов» [2]. И нельзя лучше охарактеризовать рязановский историзм, его задачу, его конкретную форму, его значение для исследования идеи марксизма, чем словами самого т. Рязанова, поставившего себе задачу и в значительной степени, поскольку такая задача вообще может быть решена одним человеком, — приблизившегося вплотную к ее решению, — именно задачу «вставить всю литературную работу Маркса и Энгельса от 1843 до 1895 г. в исторические рамки, определить место каждого крупного произведения в истории социализма и человеческой мысли, сделать каждую публицистическую статью Маркса и Энгельса настолько же понятной со всеми ее намеками современному читателю, как она была понятна в свое время передовому отряду революционной интеллигенции и рабочего класса» [2].

В то же время рязановский историзм — это историзм материалистической диалектики, а не бесплотного, апологетического объективизма буржуазных историков, это не бесплодный историзм вообще, а историзм конкретной эпохи, тех или иных эпох, тех или иных перемен в жизни народов, взятых в их своеобразии, в закономерности, им свойственной и для них характерной. Отсюда это постоянное, характерное скорее для художника, чем для академического исследования, пристальное внимание к персональным факторам, к биографической ткани событий, к деятельности людей, бывших активными участниками определенной эпохи, вообще к влиянию, которое оказывают в известной мере на исторический процесс так называемые исторические личности, хотя они и не могут изменять или направлять

[1] Д. Рязанов, Очерки по истории марксизма, Госиздат, М. 1928 г., т. I, стр. 271.

[2] Д. Рязанов, Предисловие к Сочинениям Маркса и Энгельса, 1929 г., т. I, стр. XXI.

его по своему произволу, выступая всегда в определенном классовом одеянии. «Данный исторический процесс во всем его своеобразии», в той форме, как он выступает уже в комплексе данных, имевших место отношений и событий, может быть вполне понятен, — и объяснен нами, — говорит Рязанов, — лишь в том случае, если мы в состоянии правильно понять и его персональные факторы» [1].

Диалектика исторического процесса развития философских взглядов Маркса такова, что для осуществления этих идей, для их воплощения в действительность, для распространения их в общественной среде необходим целый ряд факторов, которые не зависят от воли личностей и которые одни только превращают эти идеи в творческие силы, но эти же идеи были внесены Марксом и Энгельсом в исторический процесс и в свою очередь стали могущественными идейными движущими силами этого процесса» [2]. Отсюда биографический элемент, как одна из необходимых точек опоры для критического разбора идей,— биографический элемент, «сохраняющий большое значение для материалистического понимания истории не только в качестве показателя великих исторических перемен» [1]. Отсюда анализ, как основная форма исторического исследования, и притом анализ фактов, анализ, благодаря которому «можно проследить данный новый фактор, можно проверить новые указания при помощи старых, можно из нового сведения почерпнуть новое освещение события, казалось бы, уже прочно установленного» [3]. Отсюда этот поразительный интерес к хронологии, превращающейся в его руках в живую органическую ткань событий, встреч, столкновений из жизни Маркса и Энгельса, писем, документов борьбы, позволяющих проследить, сквозь цепь случайности, необходимое движение их мысли, шаг за шагом, поворот за поворотом, буквально по месяцам и дням и притом до мельчайших подробностей. Отсюда документальный стиль его историографии, с его высоким мастерством — применения литературных прямых и косвенных улик, посредством которых автор, вооруженный сомнением, недоверием, доискивается «истинных корней» не только теорий,

---

[1] Д. Рязанов, Очерки по истории марксизма, 1928 г., т. I, стр. 4.

[2] Д. Рязанов, Предисловие к международному изданию сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, Соч., т. I, 1928 г., стр. VII.

[3] Д. Рязанов, К. Маркс и Ф. Энгельс в их переписке до 1848 г., «Очерки», т. I, стр. 9.

понятий, но и всех важнейших терминов, до сих пор неизвестных науке, «корней» духовного развития, как они вытекают не только из индивидуальных особенностей Маркса и Энгельса, но и из воздействия исторической среды, которая сама, по словам т. Рязанова, «также проходит различные ступени развития, начиная с непосредственной и кончая всемирно-исторической» [1].

В работах Д. Б. Рязанова разбросаны все важнейшие черты своеобразнейшей палеонтологии исторического процесса, которая после мучительных поисков источников, их взаимозависимости, исторически неисследованной, после их исторического обоснования, сопоставлений, после открытия совершенно новых рукописей собирает воедино membra disjecta потерянной рукописи, и вдруг открывается изумленному взору читателя органическое целое их замысла.

Изучение истории марксизма, таким образом, не случайно служит одной из точек опоры для понимания самой теории марксизма. «Перед нами фактически обнаруживается до мельчайших подробностей тот процесс самоуразумения, которого Маркс и Энгельс искали с неизменным воодушевлением стремящейся к наивысшим задачам юности. Мы можем бесконечно больше научиться, наблюдая этот совершающийся перед нашими глазами процесс, чем если бы Маркс и Энгельс представили нам результат своего исследования, так сказать, «в виде готовых кристаллов». Так писал Фр. Меринг в своих комментариях к «Литературному наследству» Маркса и Энгельса. Эти слова целиком применимы и к работам Маркса и Энгельса, вновь найденным и опубликованным Рязановым, и к популяризирующим, комментирующим и разрабатывающим эти работы сочинениям самого Рязанова.

Это и есть диалектическая постановка вопроса, требующая изложения теории в ее развитии, движении, которое практически, тем самым, доказывает единство теории и практики, т. е. самую суть той же теории.

Но, прежде чем поставить некоторые вопросы разработки теории марксизма на интересующем нас участке марксоведения, обратимся ко второму значению исторических работ Рязанова, проследим историю марксизма, как она выступает в работах т. Рязанова, и то новое, что внесено в нее его работами.

---

[1] Д. Рязанов, Очерки, 1928 г., т. I, стр. 5.

Для того, чтобы представить, что нового внес Рязанов в изучение философской эволюции Маркса и Энгельса, необходимо бросить взгляд на общую, известную нам до сих пор, картину духовного развития основоположников научного коммунизма.

Первая попытка научного изучения философской эволюции Маркса и Энгельса принадлежит Рингу. Значение работы Меринга состоит в том, что он собрал в числе других и те сочинения Маркса и Энгельса за период от 1841 до 1850 г., которые принадлежали к «доисторическому периоду» их развития и бросали свет на еще неисследованные корни и истоки формирования диалектического мировоззрения. Самую ценную часть его издания, как говорит т. Рязанов, составлял в свое время комментарий, который и теперь еще, пока не будут изданы целиком письма к Марксу, бывшие в распоряжении Меринга, сохраняет значение первоисточника.

Тем не менее освещение Меринга философской эволюции Маркса и Энгельса представляет собою, в сущности, ряд еще непоставленных и неразрешенных проблем. То, что впоследствии сформулировал Плеханов, целиком укладывается именно в схему Меринга. «Весь путь их представляет три этапа; первый этап — абстрактное гегелевское самосознание, второй этап — конкретно-абстрактный человек Фейербаха, третий и последний этап — реальный человек, живущий в реальном классовом обществе в определенной общественно-экономической обстановке». Младогегельянство, реальный гуманизм, научный социализм — таковы основные вехи духовной эволюции Маркса и Энгельса в освещении Меринга.

В своем изложении «философской эволюции Маркса» Плеханов также следует схеме Меринга. «В молодости, — читаем мы у Плеханова, — Маркс был безусловным поклонником философии Гегеля. Это — Маркс второй половины тридцатых годов. К этому периоду относится его диссертация об Эпикуре, предисловие которой помечено: март 1841 г. Марксу тогда было 23 года. В этой первой теоретической работе Маркса гегелевское Selbstbewusstsein — самосознание — играет роль руководящей идеи. По мнению Плеханова, второй фазис философского развития Маркса — это период его решительной борьбы с традиционным гегельянством, когда он становится редактором радикального демократического органа и «покидает заколдованное царство спекулятивной философии для суровой практической борьбы». Это — пе-

риод сороковых годов, и «Святое семейство» — важнейший философский документ этого периода. В нем Маркс «безжалостно срывает, по словам Плеханова, с спекулятивной философии Гегеля ореол философского величия, показывая ее во всей ее абстрактной наготе». Ко второму же периоду относится знакомство Маркса и Энгельса с Фейербахом. Это — промежуточная стадия развития, переходный период, когда Маркс и Энгельс ушли и освободились от Гегеля, но все еще не стали вполне на «собственный настоящий путь». Третий этап — это окончательный, последний этап сформирования диалектически-материалистического мировоззрения.

Историю философского развития Маркса, однако, теперь приходится пересматривать, благодаря работам т. Рязанова.

Д. Б. Рязанов доказал, что между реальным гуманизмом фейербахианства и научным социализмом лежит ряд важнейших переходных моментов, которые отнюдь не укладываются в рамки «антигегелевского» периода, как это, например, вытекает из статьи Плеханова: «Философская эволюция Маркса».

Если Меринг и Плеханов видели три этапа в развитии философских взглядов Маркса, то Рязанов обнаруживает ряд качественных переходов между ними, а в самих переходах от этапа к этапу до мельчайших подробностей ряд новых качественных различий.

Характеристика первого периода как периода «философии самосознания» меньше всего потребует изменения. Но уже переход к фейербахианству включает целый ряд переходных этапов, неизвестных Рингу. Д. Б. Рязанову удалось найти рукопись Маркса в 131 страницу in folio, в которой содержится критика, параграф за параграфом, философии права Гегеля. Эта работа, хранившаяся в архиве немецкой социал-демократии со времени смерти Энгельса, осталась, как сообщает т. Рязанов, неизвестной всем работавшим над разбором литературного наследства Маркса. «О ней не упоминает даже Энгельс». Благодаря этому открытию Д. Б. Рязанова, мы имеем возможность восстановить основные вехи духовного развития Маркса за целый период от выхода Маркса из «Рейнской газеты» до «Немецко-французских летописей».

Д. Б. Рязанов с исчерпывающей, не оставляющей никаких сомнений, полнотою показал, что уже все темы крупных статей Маркса в «Рейнской газете» так или иначе связаны с «Философией права» Гегеля, причем Маркс все еще продолжает разделять

основную точку зрения своего учителя, на государство [1]; при этом Рязанов анализирует, на каких вопросах, в какой форме, в какой связи вскрывает Маркс противоречие между «разумом» и «действительностью», как постепенно Маркс переходит к критике той «прусской» «действительности», которая обнаруживала это противоречие. Знаменитая гегелевская формула о «разуме» и «действительности», таким образом, толкает Маркса к изучению «действительности», к изучению «материальных интересов», но именно это изучение позволяет ему направить критическое оружие прежде всего против самого же Гегеля.

Период редактирования Марксом «Рейнской газеты», 1842—1843 гг. — это именно тот период, когда, по выражению самого Маркса, он был поставлен в необходимость высказать свое мнение о «так называемых материальных интересах»; этот период был дальнейшим развитием тех мыслей, которые мы уже в неразвитой форме находим в его высказываниях о «материальных интересах» в «Рейнской газете». «Первый труд, который был мною предпринят для разрешения мучивших меня сомнений, был критический пересмотр гегелевской «Философии права», — так писал Маркс в предисловии к «К критике политической экономии».

Маркс приступил к этой работе после выхода из редакции «Рейнской газеты» и после ознакомления с тезисами Фейербаха. К содержанию его работы, впервые напечатанной в 1927 г., примыкают статьи из «Немецко-французских летописей»: «К критике гегелевской философии права» и «К еврейскому вопросу». «Вопрос об отношении политического государства к гражданскому обществу, который так подробно разбирается в статье «К еврейскому вопросу», — говорит Д. Рязанов, — является одним из важнейших вопросов в критике гегелевской философии права». И рядом подобранных цитат т. Рязанов доказывает, что основные положения Маркса в статье «К еврейскому вопросу» опираются не только на проделанную им подготовительную работу по критике «Философии права» Гегеля, но и в то же время представляют дальнейшее развитие, а местами важное дополнение: «они представляют различные этапы в развитии мысли Маркса» [2]. Именно, требование связать критику философскую с критикой политики Маркс уже конкретизирует на ряде актуальных во-

---

[1] Д. Рязанов, От «Рейнской газеты» до «Святого семейства» «Архив», кн. III, стр. 106.

[2] Д. Рязанов, Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. III, стр. 216.

просов политики и философии права. Однако в этой статье еще не поставлен вопрос об отношении человеческой эмансипации к эмансипации пролетариата; подвергая обстоятельной критике учение Гегеля о сословиях, — говорит Рязанов, — Маркс точно забывает о пролетариате. Даже в статье «К еврейскому вопросу» он ни разу не вспоминает о пролетариате, а между тем уже анализ «гражданского общества» должен был его натолкнуть на вопрос: чем отличается пролетарий от других частей «гражданского общества»? Этот вопрос поставлен, и ответ на него дан только в статье «К критике гегелевской философии права». Таким образом, т. Рязанов доказывает и тут, что последняя статья является важнейшим этапом в развитии тех мыслей, которые мы проследили от подготовительных работ по критике «Философии права» Гегеля до «Еврейского вопроса».

Короче говоря, т. Рязанов впервые развернул в аналитическом исследовании все детали замечательного процесса превращения гегелевской формулы — «что действительно, то разумно» — из консервативной в революционную, все этапы процесса постепенного сознания Марксом необходимости критического пересмотра всей философии права Гегеля.

Таким образом, между младогегельянством и реальным гуманизмом лежит ряд промежуточных переходных периодов в духовном развитии Маркса, и, только изучая качественные различия между этими фазисами его духовного развития, мы сможем подойти к пониманию ряда проблем, которые неизбежно встанут перед всяким, сравнивающим докторскую диссертацию со «Святым семейством».

Не меньшего уточнения, а в некоторых пунктах и существенного изменения требует после работ Рязанова данная Рингом характеристика следующего периода в развитии Маркса — начиная от «Святого семейства» и кончая «Нищетой философии».

Из предисловия «К критике политической экономии» мы знаем, что в двух толстых — в восьмерку — томах Маркс и Энгельс подвергли критике немецкую идеологию, т. е. всю послегегелевскую философию и «истинный социализм» во всех его направлениях. «Только открыв эти два тома, можно заполнить пропасть, которая существует между двумя фазами литературной деятельности Маркса и Энгельса» (Рязанов). В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс подвергли критике всю послегегелевскую философию в лице Фейербаха, Бруно Бауэра и Макса Штирнера, а также немецких «истинных социалистов». «Мы в 1845 г. в

Брюсселе решили, — вспоминал сорок лет спустя Энгельс в предисловии к «Людвигу Фейербаху», — вместе заняться разработкой наших взглядов, т. е. найденного Марксом материалистического понимания истории — в противоположность с идеологическими взглядами немецкой философии, и таким образом свести счеты с нашей тогдашней философской совестью».

Меринг не видел этой рукописи. Рязанов доказал, что Бернштейн, начавший в 1903 г. опубликование в «Dokumente des Sozialismus» рукописи Маркса-Энгельса о Штирнере («Лейпцигский собор»), не имел представления о том, частью какой большой работы она является. В 1918 г. в биографии Маркса Меринг вновь возвращается к этой рукописи в следующих словах: «Мыши выполнили свое дело в буквальном смысле слова и порядком изгрызли манускрипт, но сохранившиеся части его объясняют нам, почему авторы не особенно были огорчены этим несчастьем».

Рязанов доказывает всю необоснованность такого отношения Меринга к работе Маркса-Энгельса и приходит к выводу, что Меринг из Not — невозможности получить в свои руки все литературное наследство Маркса и Энгельса — легко делает «теорию» о том, что в сущности все эти работы Маркса и Энгельса особенного значения не имеют.

К тому же вопросу возвращается Густав Мейер в биографии Энгельса. Ему удалось получить часть рукописей от Бернштейна. Рязанов доказывает, что и Густав Мейер не имел в своих руках всех сохранившихся частей «Немецкой идеологии».

Теоретическое значение этой работы, все membra disjecta которой благодаря Рязанову теперь собраны воедино, для исторического изучения философской эволюции марксизма огромно. Она дает (точно установленный в специальной статье Рязанова) отправной пункт для исследования самой ранней формулировки материалистического понимания истории. Она представляет собой самое раннее изложение материалистического понимания истории, давая решающие точки опоры для применения метода материалистического понимания истории к человеческому мышлению.

Проблема историко-материалистического освещения вопросов мысли, конкретизация исторического взгляда на познание на примере одной конкретной эпохи, разоблачение исторической обусловленности абстрактнейших категорий, беспощадная борьба со всеми оттенками оторванного от действительности идеологического мышления — все это делает «Немецкую идеологию» одной из актуальнейших книг современности. Такие идеологи-

ческие категории, как: «закон», «призвание», «назначение», задача, «идеал», являются «идеально» выраженными в законах, в морали и т. д. условиями существования господствующего класса (обусловленными прошлым развитием производства), которые были, более или менее сознательно, объективированы идеологами этого класса, — условиями существования, которые представляются в сознании отдельных индивидов этого класса в виде «призвания» и т. д. и противопоставляются индивидам угнетенного класса в виде «нормы жизни». «Здесь, как и вообще в других случаях, приходится заметить, что идеологи неизбежно ставят дело на голову и рассматривают идеологию как творческую силу и как цель всех общественных отношений, между тем как она является лишь выражением их и симптомом [1]. «Как от их идеалистической воли не зависит тяжесть их тел, так от них не зависит и то, что они проводят свою собственную волю раньше закона» [2].

Однако в этой работе мы еще не встречаем понятия производительных сил и производственных отношений, здесь еще нет анализа капиталистического способа производства, и вся работа представляет также переходный этап к «Нищете философии». Только в «Нищете философии» Маркс формулирует принципы исторического материализма, уже ставит вопрос о зависимости между развитием способа производства и борьбой классов, как движущей причиной исторического процесса, набрасывает первый очерк эволюции различных фаз капитализма. В «Нищете философии» Маркс впервые применяет диалектический метод к исследованию экономических явлений, вскрывая исторический преходящий характер всех экономических категорий. В «Нищете философии» Маркс, — говорит Рязанов, — впервые «ставит рабочее движение в связь с развитием капиталистического производства и показывает, каким образом самый механизм развития капиталистического общества вызывает к жизни движение рабочих масс, как профессиональное движение рабочих становится основным классообразующим фактором, как в непрерывной и упорной борьбе рабочих против капиталистов сплачивающаяся рабочая масса превращается мало-по-малу из класса в себе в класс для себя» [3].

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», кн. IV, стр. 285.

[2] Там же, стр. 219.

[3] Д. Рязанов, Предисловие к т. II Сочинений Маркса и Энгельса.

Мы лишены возможности проследить эволюцию взглядов Маркса, как она вышла из-под пера Рязанова. Мы не можем останавливаться и на подробном освещении даже основных вех в духовном развитии Энгельса. Следует помнить, что работы т. Рязанова вносят коренное изменение в принятую картину философской эволюции Энгельса. «И первый биограф Энгельса — Каутский — и издатель его литературного наследства — Меринг — исходили из того,— говорит Рязанов,— что литературная деятельность Энгельса началась его статьями в «Немецко-французских летописях», т. е. в 1844 году. Отсюда и известное противопоставление: Энгельс начал экономистом, кончил философом, Маркс — наоборот. Создалась своего рода «догма», что Энгельс начал свою литературную деятельность работой, которая отличается большей зрелостью теоретической мысли, большим приближением к научному коммунизму, чем ранние работы Маркса, — гениальными «Очерками критики политической экономии». Мы теперь знаем, что Энгельс пережил в основном те же стадии развития, как и Маркс: он также начал с младогегельянства и «философии самосознания», как и Маркс.

Благодаря работам Рязанова, таким образом, мы знаем духовный путь бессмертных учителей рабочего класса гораздо ближе, глубже, конкретнее. И разве в этом историческом уяснении революционной теории не заложена уже теоретическая суть марксизма? Работы т. Рязанова являются блестящим доказательством того, что разработка марксистской теории невозможна без знания исторических корней взглядов Маркса и Энгельса. Вот почему философское марксоведение будет опираться на работы т. Рязанова.

Обратимся к третьему значению исторических работ Рязанова.

В самом деле, историческое изучение философских взглядов Маркса и Энгельса, как оно дано в работах т. Рязанова, имеет глубоко теоретическое значение, так как оно соответствует существу самой теории. Разве марксистская теория познания не является историческим взглядом на познание? Разве доказательство и обоснование марксистской теории не принадлежит уже изложению самой истории ее возникновения и развития? И не проверяем ли мы марксистскую теорию истории на истории теории марксизма? Было бы глубоким заблуждением думать, что с установлением основных вех духовного развития Маркса и Энгельса задача исторического изучения марксистской философии снимается. Философская эволюция Маркса и Энгельса бросает яркий

свет на весь комплекс идей, входящих в революционную теорию,— в мировоззрение диалектического материализма. Теоретическое значение исторического исследования состоит, во-первых, в том, что для борьбы с ревизионизмом мы приобретаем новую опору в историческом генезисе философских взглядов Маркса и Энгельса; оно состоит, во-вторых, в том, что само историческое развитие диалектики, как теории развития, есть самоуразумение самой же теории, ее углубление и обоснование.

Начнем с первого значения.

Историческое изучение философской эволюции Маркса и Энгельса, изучение генезиса мировоззрения марксизма имеет глубоко актуальное и теоретическое значение в борьбе с ревизионистами всех течений и оттенков. Это прекрасно учитывал Плеханов. «Все те, — говорил он, — которые в настоящее время стремятся к «реформе» и «пересмотру» марксизма внесением в него так называемого общечеловеческого и морального элемента, должны, по добросовестном изучении генезиса этого миросозерцания, признать, что они, в сущности, апеллируют от Маркса к Марксу же, т. е. от зрелого и окончательно установившегося Маркса к Марксу же, находившемуся в периоде колебания, к исторически пройденной и изжитой самим Марксом ступени развития». Плеханов правильно замечает после этого, что наш девиз должен быть скорее «вперед!», чем «назад!», и что, развиваясь «по Марксу», но в обратном направлении, можно, пожалуй, добраться и до еще более раннего периода его развития вплоть до его юношеского восторга перед гегелевским «самосознанием» [1]. Слова Плеханова блестяще подтвердились на ряде исторических боев марксизма с ревизионизмом. Мысль о важном теоретическом значении знакомства с историей марксизма для борьбы с ревизионизмом подтвердилась и в настоящее время в борьбе диалектиков с механистами.

Известно, что механисты в своих работах усиленно подчеркивали мнимое расхождение между Энгельсом семидесятых годов и Энгельсом 1881—1882 гг. Тов. Степанов утверждал, будто бы Энгельс в семидесятых годах стоял на точке зрения, близкой к витализму, и только в заметках 1881—1882 гг. Энгельс будто бы решительно поворачивает к механистическому миропониманию [2].

---

[1] Г. В. Плеханов, Соч., т. XVIII (под ред. Д. Б. Рязанова), стр. 334.

[2] Этот вопрос в дискуссии см. у А. Деборина, Диалектика и естествознание, 1929 г., стр. 73.

Историческое исследование эволюции взглядов Маркса и Энгельса на диалектику природы приводит Рязанова к выводу о вздорности всякого противопоставления Энгельса, близкого к витализму, Энгельсу — механическому материалисту. Разумеется, те, кто думает, что «диалектический материализм» за 40 лет, прошедших от 1844 до 1883 г., не подвергался никаким изменениям, что он оставался совершенно неизменным, ошибаются, конечно, грубейшим образом» [1]. Однако совершенно несостоятельной окажется всякая попытка конструировать какое-нибудь противоречие между Энгельсом «Анти-Дюринга» и Энгельсом заметок и экскурсов, написанных в 1878—1882 гг. [2].

Обратимся ко второму значению исторического исследования философской эволюции Маркса и Энгельса. Оно состоит в том, что работы Рязанова по истории марксизма служат необходимой точкой опоры для теоретической разработки важнейших методологических проблем, для теоретического углубления диалектического материализма. Не говоря уже об огромном умственном движении, вызванном опубликованием «Диалектики природы» Энгельса, мы остановимся вкратце на других менее исследованных фактах и проблемах.

Надо прежде всего подчеркнуть, что мы далеко еще не разработали опубликованного Рязановым литературного наследства Маркса и Энгельса, не сделали его доступным для широких масс. Теоретическая мысль должна вплотную подойти к этому великому наследству, опираясь на историко-критические указания Рязанова.

Мы остановимся на одном из таких вопросов, подлежащих в дальнейшем теоретической разработке. Плехановская характеристика «второго периода» в развитии Маркса, как периода «антигегелевского», страдает некоторой односторонностью, так как с этой точки зрения никак не заполнить пропасть между этим периодом и периодом, когда Маркс и Энгельс чрезвычайно высоко ставили Гегеля. Рязановское «Введение» к «Немецкой идеологии» ставит ряд вопросов из области отношений Маркса к Фейербаху с новой стороны.

Д. Б. Рязанов доказал, что уже в «Святом семействе» Маркс был больше продолжателем Фейербаха, чем его учеником. «Можно сказать, что когда Маркс закончил «Святое семейство», он уже

[1] Д. Рязанов, Предисловие ко 2-му изданию «Диалектики природы», 1929 г., стр. III.

[2] Там же, стр. V.

перестал быть фейербахианцем даже в области философии. Поэтому ему было так легко проделать тот разрыв с Фейербахом, который Энгельс застал уже весной 1845 г.».

Между тем, как показывает Д. Б. Рязанов [1], в одном отношении Фейербах делает значительный шаг назад от Гегеля. В критических замечаниях о гегелевской философии права Фейербах не заметил ее важной особенности — понятия «гражданского общества», в котором так наз. «общественные качества» или функции отчуждаются от «человека» в результате единственного развития, общественного разделения труда. Напротив, протестуя против того, что Гегель отнимает у человека ряд общественных качеств и отделяет просто человека от художника, мыслителя, судьи, Фейербах в то же время превращает эти качества в естественные свойства человеческого существа вообще. На недостаток мышления Фейербаха в сравнении с Гегелем указал после Энгельс. «Все отношения между людьми, — говорил он, — имеют в его глазах только одну сторону: нравственность. И здесь нас опять поражает удивительная бедность Фейербаха в сравнении с Гегелем. У Гегеля этика или учение о нравственности есть философия права и обнимает: 1) отвлеченное право, 2) мораль, 3) нравственно-бытовые отношения, к которым относятся семья, гражданское общество, государство. Насколько идеалистична форма, настолько же реально содержание. Вместе с моралью оно заключает в себе всю области права, экономии и политики». Подчеркивая это преимущество Гегеля перед Фейербахом и прослеживая влияние Гегеля на Маркса во вновь найденных работах, Рязанов вносит еще одну новую черту в образ Маркса эпохи 1844—1845 гг.

Ряд проблем исторического изучения только в последние годы мы начали ставить, но они еще ждут научного исследования; взять, например, вопрос о том, «в какой степени та революция, которая происходит в настоящее время в естествознании, методологически предвосхищена в работах Энгельса», вопрос о том, «в какой степени работы Энгельса в области физики, химии, механики подтверждаются или «снимаются» современным естествознанием» [2] — этот вопрос в литературе уже ставился, и мы имеем несомненные успехи теоретической мысли в философии благодаря работам т. Деборина. Но задача, поставленная т. Ря-

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. III, стр. 110.

[2] Д. Рязанов, Предисловие к «Диалектике природы», 1930 г.

зановым перед естествоиспытателями при издании «Диалектики природы», по-настоящему еще не выполнена ими. «Пожелаем, — говорит он, — чтобы специалисты-естественники, если зрение их не ущерблено шорами эмпиризма, если они не заражены классовым дальтонизмом, если они не боятся нарушить целость диалектических основ буржуазного общества острым ножом диалектической критики, изучили работы Энгельса и сказали нам, насколько «устарели» его работы в области философии и естествознания»[1].

[1] Д. Рязанов, Очерки, т. I, стр. 318.

Ц. ФРИДЛЯНД

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ XIX ВЕКА В ОСВЕЩЕНИИ Д. Б. РЯЗАНОВА

Исторические работы Д. Б. Рязанова посвящены одной центральной задаче: создать научную биографию К. Маркса и Ф. Энгельса. Речь идет не о «биографии людей», а об «истории идей». В этом смысле Д. Б. Рязанов является основоположником новой отрасли исторической науки — марксоведения. «Одною из важнейших и интереснейших задач современной истории, — пишет он, — является научная биография Маркса и Энгельса, которая исчерпывающим образом показала бы всю их деятельность — теоретическую и практическую, которая объяснила бы нам их личности как из их индивидуальных особенностей, так и из воздействия исторической среды — понимая под последней самые различные ее ступени, начиная с непосредственной и кончая всемирно-исторической, — которая нарисовала бы во всех фазах развитие их миросозерцания, одновременно сделавшегося господствующей теорией международного рабочего движения». Этим, собственно, наш историк сам определил и сферу своих интересов в области научного исследования, и охват той новой дисциплины, которая им разрабатывается.

Научная биография К. Маркса и Ф. Энгельса, таким образом, прямо упирается в историю революционного и рабочего движения XIX столетия. Эта задача требует для своего выполнения революции в исторической науке. Д. Б. Рязанов прав, утверждая, что до сих пор европейская наука ничего или почти ничего не сделала для изучения истории рабочего класса. «Маркс и Энгельс «открыли» пролетариат как действенную силу исторического развития и вместе с тем поставили перед наукой задачу — исследовать процесс выделения пролетариата из крестьянства и ремесленничества, процесс его превращения из класса an sich в класс für sich, в класс, сознающий определенную историческую миссию, возникновение и развитие его классовой организации

во всех ее формах». Исследование вновь «открытой земли» тем самым становится обязанностью тех, кто борется за этот класс, за победу его идеалов. История пролетариата мыслима таким образом только как *марксистская история*. Для решения этой задачи необходимо будет, по словам Д. Б. Рязанова, «критически пересмотреть всю историю рабочего движения и социализма в различных странах. В первую очередь придется подвергнуть критике не официозную, как часто ее называли, но все же слишком официальную, несмотря на все старания автора быть самостоятельным, «Историю германской с.-д.» Меринга»... Как мы увидим в дальнейшем, критикуя лассальянские традиции в марксистской историографии, Д. Б. Рязанов делает и дальнейший логический вывод из своих рассуждений о необходимости заново написать историю рабочего движения XIX в., а следовательно и биографию Маркса и Энгельса, — это задача не вообще «марксистской» науки, а марксистской истории в ее современном *коммунистическом* обличии. В этой идее смысл прекрасной статьи Д. Б. Рязанова: «Карл Маркс и РКП» («К 25-летию»): «В лице РКП русское революционное движение, которое в 1870 г. получило в лице Маркса своего первого представителя в старом Интернационале, стало теперь, как руководящая партия Коминтерна, основным стержнем нового Интернационала». *Только под этим углом зрения и мыслима подлинно-научная, заново написанная история социалистической мысли и рабочего движения XIX—XX вв.*

Но было бы неправильно предполагать, было бы недооценкой методологического значения приведенных выше указаний Д. Б. Рязанова, если бы мы считали, что подобный взгляд на задачи революционной истории есть только *добавление* новой темы к старым объектам исторического исследования. Пора раз навсегда понять, что мы имеем здесь дело с переворотом в исторической науке. Коммунисты дают не только новый метод исследования, не только новый объект изучения, они все прошлое человечества пересматривают под углом зрения нового класса и задач его революции. Разве историки буржуазии эпохи реставрации внесли принципиально новое в историческое исследование только тем, что изменили технику своих архивных изысканий? Конечно, нет! Они продолжили работу блестящих представителей социальной мысли XVIII в. и *«открыли» третье сословие в истории*. История борьбы городских коммун была политическим манифестом нового класса, по-своему оценивающего прошлое. Буржуазные

идеологи делали, таким образом, это прошлое своим настоящим. На этой базе они строили свое будущее и обращались за советами к истории в своей политической борьбе. История «гражданского общества», рожденного и растущего в недрах феодализма, правда, вскоре стала теоретическим обоснованием социальной реакции, — но это свидетельствовало только о появлении в недрах этого гражданского общества младенца-богатыря, — пролетариата. Историку предстоит теперь новая задача — «отдать себе отчет в той сложной эволюции, которую проделывает развитие пролетариата, как особого класса в буржуазном обществе». Для этого необходимо начать с азов: «вытащить из пыли архивов скрывающиеся в них материалы по истории международного рабочего движения, надо сделать их доступными для научных исследований, надо создать максимум благоприятных условий для их изучения» (Д. Рязанов).

Д. Б. Рязанов прекрасно понимает, что не только это является необходимым предварительным условием для плодотворного научного изучения и критического пересмотра прошлого. Историк находит нужное ему в материалах, если он знает, где и что искать. История не лже-учение, не академическое крохоборство, хотя она и требует от историка, как и всякая наука, тяжелой, «черной работы». Д. Б. Рязанов не редко ведет упорную войну с молодым поколением за эту «черную работу», и подрастающее поколение историков радо, когда оно может в полемике с Д. Б. Рязановым выдвинуть против него его же собственную мысль. «В области исторической науки Чернышевский... не являлся специалистом. Ему не удалось написать ни одного исторического труда. Правда, ни одного исторического труда не удалось написать ни Марксу, ни Энгельсу, — конечно, такого исторического труда, за который человек может попасть в какую-нибудь Академию наук. У нас и теперь есть такие ученые, которые «научность» определяют числом примечаний». Маркс, Энгельс и Ленин дают ключ историку пролетариата в его аналитической и синтетической работе.

Утверждения Д. Б. Рязанова идут дальше этих общих положений. Его отдельные замечания по вопросам методологии истории революционного движения представляют значительный интерес для исследователя именно потому, что они высказаны человеком, который требует от историка кропотливой архивной работы; мы охотно напоминаем Д. Б. его высказывания. В связи с дискуссией о Н. Чернышевском Давид Борисович заметил: «Нам при-

дется в своих исследованиях поставить вопрос о влиянии Чернышевского на русскую историографию как в области русской истории, так и всеобщей. Меня уже давно интересует этот вопрос, и не только в связи с Чернышевским». Он дальше обобщает свою мысль таким образом: «нужно исследовать, каким образом идейные споры, борьба и полемика в революционных кружках XIX столетия определяли и устанавливали главные вехи в развитии русской исторической литературы». Разве не ясно без долгих разъяснений, что принципиально нового вносит это положение в задачи исторического исследования? В результате перед историками должны стать новые темы исследования, арена истории наполняется новыми персонажами... Но для этого история должна сменить историков. Классовая природа и политическая целеустремленность нашей науки в этом случае выступает с особой отчетливостью.

Естественно, что два автора, изучавшие историю «Коммунистического манифеста», — Д. Рязанов и G. Below, — пришли к двум классово-противоположным выводам. Для одного «Коммунистический манифест» вырос из практической революционной работы сороковых годов, из теоретических поисков революционных борцов и социальных мыслителей первой половины XIX в., для второго корни экономико-материалистических идей «Манифеста» следует искать в работах немецких историков нео-романтиков (Раумера).

Буржуазные историки, как известно, в разных вариантах, готовы повторить слова Дельбрука, что «марксисты философствуют по поводу истории, но не занимаются историей»; они готовы повторить за Оларом, что у Маркса и его учеников «не хватало терпения» заниматься исследованием архивных материалов и т. д. Д. Б. Рязанов служит в своих работах блестящим опровержением подобных утверждений. Интерес к конкретной детали, — «буквоедство», — одно из основных орудий нашего производства, и Д. Рязанов владеет им в совершенстве. И вместе с тем его работы в своем большинстве публицистичны, — публицистичны в лучшем смысле слова, в том, в каком для Н. Чернышевского публицистика сливалась с историей. Пишет ли Д. Б. Рязанов историю «Коммунистического манифеста» или историю I Интернационала, о бланкистах или бакунистах, о Бернштейне или Меринге, — он всегда опровергает, ведет борьбу, настаивает на известных для марксизма существенных положениях, превращая тем самым свои работы в оружие борьбы за

марксистскую историю революционного движения против уклонов и извращений. Его работы дают нам возможность бороться со всеми, кто хочет из истории марксизма сделать знамя борьбы с коммунизмом.

В краткой статье нет возможности подробно проанализировать работы Д. Б. Рязанова в той их части, в какой они прямо или косвенно трактуют проблемы истории социалистического и рабочего движения XIX века. Но я хотел бы обратить внимание на две-три темы, где значение работ Д. Б. Рязанова особенно велико. Изучая генезис марксизма, его формирование в сороковых годах, Давид Борисович поставил вопрос о появлении понятия диктатура пролетариата в работах основоположников научного социализма. В своем вступлении к «Критике философии права Гегеля» (см. статью «От «Рейнской газеты» до «Святого семейства») Д. Рязанов проследил путь Маркса от политического радикализма к коммунизму; в интересном предисловии к V тому Сочинений Маркса и Энгельса он расширил задачи своего исследования и, анализируя ход и исход их борьбы с «истинными социалистами» и радикалами, показал нам, как постепенно научный социализм заполняет «демократию» классовым содержанием. Но в ранних работах К. Маркса вплоть до 1846 г. критика демократии еще не превратилась в обоснование положения о «диктатуре пролетариата». В промежутке между 1846 и 1848 гг. в самом «Коммунистическом манифесте» целью революционной борьбы объявляется господство пролетариата, и хотя его содержанием является уже то, что мы позже вкладываем в понятие диктатуры пролетариата, само учение о диктатуре появляется в итоге борьбы 1848 г. Учение это выросло в революции, оно оформилось в борьбе с доктринерским социализмом, оно стало позже знаменем всех подлинных революционных пролетарских сил. Исследования Д. Б. Рязанова в этом вопросе тем самым ставят на научную почву изучение одной из сложнейших и интереснейших проблем истории пролетарского движения XIX века. Здесь Д. Б. Рязанов выступает на защиту коммунизма против Каутского и Бернштейна.

Оставляя в стороне огромной важности область исследования Д. Рязанова — по истории марксизма в России, мне хотелось бы обратить внимание на его статьи по «национальному вопросу». Отношение Маркса к полякам и к царской России является одной из интереснейших тем не только в биографии учителей научного социализма, но и в истории революции XIX века. Перед нами

почти не исследованная область. Д. Рязанов облегчил нам ее изучение тем, что доказал необоснованность утверждений о полонофильстве и славянофобстве Маркса и Энгельса.

Второй раздел работ Д. Рязанова охватывает период пятидесятых и шестидесятых годов XIX века. Этот раздел тесно примыкает к его работам по истории Интернационала. Мы оставляем в стороне издание им публицистических работ Маркса и Энгельса эпохи Крымской войны. Обратим здесь внимание на то, что сделано Д. Рязановым по разоблачению лассальянских традиций в исторической литературе. В основном Д. Рязанову пришлось в этом случае иметь дело с Ф. Рингом, который невольно дал оружие в руки Бернштейна и современной с.-д. для творимой ими легенды о Лассале. Восстановив подлинное отношение Маркса и Энгельса к Лассалю и лассальянству, Рязанов помог нам приступить к изучению рабочего движения в Германии, вскрыть идейные корни оппортунизма социал-демократии: ведь реформизм теоретически восходит к учению Лассаля о государстве и демократии!..

Забегая несколько вперед, можно сказать, что продолжением этой задачи является поставленный Д. Б. Рязановым вопрос об изучении истории «Анти-Дюринга». В его статье «К 50-летию Анти-Дюринга» мы впервые получили научную разработку вопроса о той идеологической атмосфере, которая питала социалистов Германии эпохи Готской программы и в дальнейшие годы вплоть до падения исключительного закона. Недаром Эд. Бернштейн был «главным апостолом Дюринга в немецкой социал-демократии». Под влиянием Лассаля и Дюринга складывалась с.-д. Германии. Влияние Маркса пришло позже, и оно не вытравило идей первых апостолов немецкого социализма. Недаром Эд. Бернштейн заявляет: «не Энгельс убил Дюринга, а Дюринг сам себя убил», заразив, прибавим мы от себя, значительную часть социал-демократов.

Исследование вопроса о природе лассальянства и истории его борьбы с марксизмом Д. Рязанов повел и в другом направлении, выяснив разницу в их отношении к крестьянству. В небольшом предисловии к книге Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» Д. Рязанов поставил вопрос об отношении Маркса к крестьянству и его роли в революции. Установив, что Маркс и Энгельс во все периоды своей деятельности проявляли интерес к вопросу о роли крестьянства в революции, он тем самым отвергает широко распространенное утверждение, еще со времен революционных народников, будто «взгляды Лассаля и Маркса и Энгельса

на крестьянство совпадают». И в вопросе об отношении к «народному государству», и в вопросе об отношении к крестьянству Маркс и Лассаль радикально расходились между собою, как ныне расходятся коммунисты и социал-демократы. Но здесь и основной водораздел, отличающий Маркса от Бакунина. «М. Бакунин, — цитирует его слова Д. Рязанов, — утверждает, что марксисты государственники во что бы то ни стало, они должны проклинать всякую народную революцию, особенно же крестьянскую, по природе анархическую и идущую прямо к уничтожению государства». В учении о диктатуре пролетариата и о роли крестьянства «в эпоху социальной революции и в борьбе с феодалами и помещиками» — сила научного социализма, его историческое превосходство над всякими разновидностями утопического социализма.

Всякая попытка идеализации Лассаля и Бакунина встречает со стороны Д. Б. Рязанова решительный отпор. Молодому поколению историков-марксистов есть в этом отношении чему научиться у «старика». Вспомним только, как Д. Рязанов встретил в штыки намерения Меринга защищать «товарища Брупбахера». «Меринг на страницах «Neue Zeit» сделал попытку, — гневно и со страстью, необходимою для борьбы с уклонами, заявляет наш историк, — превратить «литератора, как нельзя более чуждого марксизму», в признанного представителя «марксизма»,— конечно, не «окостеневшего», а размягченного до мозга костей»... Д. Б. Рязанов прекрасно знает, какую научную ценность имеет борьба с ревизионистами всякого рода за чистоту марксистских взглядов. Он знает, что победителем в борьбе с извратителями и толкователями марксизма выйдут только те, кто «обнажает меч со страстью». Мы, новое поколение историков, воспитанных революцией, с успехом ведущие борьбу со всякого рода механистами и идеализаторами «мелкого производителя в истории», охотно пользуемся оружием Д. Б. Рязанова, даже против него, когда во имя «научной объективности» он зовет нас от «страсти» к «примечаниям»...

Но так же, как проблема о взаимоотношениях Маркса и Лассаля не сводится только к изучению одной из интереснейших страниц их биографии, а к выяснению исторического значения лассальянства в борьбе с марксизмом в рядах рабочего движения, так же спор между Бакуниным и Марксом глубже истории драматического конфликта между двумя революционными борцами. Спор в основном сводится к выяснению судеб революционного

движения между 1848 г. и Коммуной 1871 г. Опубликованные Д. Рязановым материалы и в частности конспект Маркса на книгу Бакунина «Государственность и анархия» вскрыли перед нами борьбу двух социально-политических мировоззрений. Для Бакунина центр тяжести споров против марксизма в вопросе о диктатуре пролетариата, как господства рабочего класса над «пятым сословием», над «крестьянской чернью». Но Бакунин тем самым обнаружил непонимание центральной мысли марксизма. «Если не исчезли еще, — пишет Маркс, — экономические условия, на которых покоится классовая борьба, т. е. существование классов, они должны насильственно быть устранены и преобразованы, процесс их преобразования должен быть ускорен». И этим определяется отношение марксизма к «крестьянскому вопросу». «Там, где крестьянин, — приводит Д. Рязанов слова Маркса, — в своей массе является частным земельным собственником... там будет следующее: либо он станет препятствовать и приведет к крушению всякую рабочую революцию, как это было до сих пор во Франции, или же пролетариат (ибо крестьянин-собственник не принадлежит к пролетариату и даже тогда, когда по своему положению он к нему принадлежит, он не думает, что принадлежит к нему) должен в качестве правительства принимать меры, вследствие которых положение крестьянства непосредственно улучшится и он сам перейдет на сторону революции, принимать меры, заключающие в себе зародыш перехода от частной собственности на землю к собственности коллективной...» В борьбе против Лассаля и Бакунина оформилось рабочее движение, как марксистское движение. Работы Д. Б. Рязанова и посвящены этому процессу борьбы и победы научного социализма над всеми разновидностями утопического социализма второй половины XIX в.

Но было бы ошибкой предполагать, что борьба марксизма с его идейными врагами, между двумя революциями, сводилась только к теоретическим спорам. Исторической заслугой Д. Б. Рязанова является то, что он показал нам учителей научного социализма не только как мыслителей, но и как революционеров практиков, организаторов и бойцов. Маркс и Энгельс в эпоху «Коммунистического манифеста», как и в эпоху «Учредительного адреса», стояли во главе революционного рабочего движения своего времени, они меньше всего были «кабинетными учеными» — авторами научных трактатов академического типа. Вот почему Д. Б. Рязанову важно было для выяснения вопроса о роли Маркса и Энгельса в I Интернационале обратиться к конкретной исто-

рии европейского рабочего движения первой половины шестидесятых годов. В своей работе «Возникновение Интернационала» он не только установил новые даты и факты, он показал нам рождение Международного товарищества рабочих, как результат перелома в европейском рабочем движении. В Англии и Франции экономическая борьба пролетариата подвела рабочих в массе к вопросу: «Who gets the increase of wealth? We are pretty certain it is not we that get it»... Экономическая борьба поставила перед ними задачу интернационального объединения, во весь рост выдвинула проблему политической власти. Впервые речь зашла не об идейных группировках сторонников и врагов научного социализма, а об организации массового рабочего движения, интернационального объединения международного пролетариата. Английские стачки шестидесятых годов и «Манифест 60» французских рабочих одинаково свидетельствуют о кризисе пролетарского движения. Здесь Д. Б. Рязановым открыто широчайшее поле деятельности для исследователя. В самом деле, брошенные им замечания о стачечной борьбе английских рабочих 1857—1861 гг. заставляют нас по-иному подойти к оценке и внутренней истории Англии «эпохи второй избирательной реформы». Я не могу в этой статье остановиться на разборе проблемы, но сошлюсь только на «Письма из Англии» Луи Блана, чтобы показать, как для формирования идеологии рабочего класса, для очищения его сознания от утопических социалистических систем экономическая и политическая борьба этих лет, эпохи возникновения I Интернационала, имела решающее значение.

Собственно в оценке этих разногласий ключ к вопросу о борьбе течений внутри Интернационала, борьбы не только между Марксом и прудонистами, но и между марксистами и бакунистами. Проблемы английского рабочего движения — центральный пункт разногласий. Не забудем при этом заслуг Д. Б. Рязанова, который указал нам, что поворот, созданный в Интернационале Парижской коммуной, в свою очередь связан с позицией английских тред-юнионов. Словом, Д. Б. Рязанов в своих работах об Интернационале впервые на научную почву поставил дело изучения «социалистической партии» и научного социализма, — вскрывая корни их эволюции в самом рабочем движении, в классовой борьбе изучаемой эпохи.

Изучая эпоху I Интернационала, Д. Рязанов вместе с тем выполнил огромной важности политическую задачу: против бакунистов (Сажина) и против социал-шовинистов (Гарденина); он

доказал с документами в руках революционно-интернационалистскую позицию Маркса и Энгельса в годы франко-прусской войны и Парижской коммуны. В своих статьях Д. Рязанов рассеял легенду о творцах научного социализма, как «германофилах» и «реформистах». Он выяснил характер той революционной работы по собиранию и воспитанию основных кадров рабочего класса, которую Маркс и Энгельс вели в эпоху МТР и Коммуны 1871 г., — эта работа сопровождалась жестокой фракционной борьбой с бакунистами и прудонистами. На этом примере выполнения политических задач революционной борьбы в историческом исследовании молодому поколению следует учиться, ему они должны следовать в своей работе...

В том же направлении ведет свои исследования Д. Б. Рязанов, вскрывая фальсификацию истории марксизма идеологами современной социал-демократии. Публикуя подлинный текст введения Энгельса к «Классовой борьбе», он выполнил боевую задачу историка и революционера: дать точный текст по изучаемому нами вопросу и показать, «как, основываясь на Введении в «Классовую борьбу во Франции», т. е. в ту работу Маркса, которая дает самое яркое обоснование революционной диктатуры пролетариата, делали попытку превратить Энгельса в «мирного поклонника законности quand même». В особенности, когда это делали те его друзья, которые прекрасно знали, что они играют при этом крапленными картами». Эта характеристика идеологов современной с.-д. как фальсификаторов марксизма, сделанная на основании строго-научного изучения документов, наряду со специальными работами Д. Б. Рязанова по вопросу о роли и значении лассалианства и дюрингианства в первые годы деятельности немецкой с.-д., дает нам исключительно много для изучения реформистского перерождения европейского социализма. И здесь историческая задача совпадает с политической. «История, — как удачно отметил М. Н. Покровский, — политика, опрокинутая в прошлое» — служит политикам сегодняшнего дня в их борьбе за или против коммунизма...

В «Философии истории» Гегеля в главе «Die verschiedenen Arten der Geschichtsbetrachtung» мы читаем: «В древности историки были неизбежно или «великими капитанами», или государственными деятелями; в средние века, если мы исключим епископов, которые стояли во главе государственной политики, среди историков преобладающее место занимали монахи; эти наивные летописцы, которые были столь же изолированы в своем твор-

честве, сколько те мужи античного мира находились в центре событий (im Zusammenhange sich befanden). В новое время все отношения изменились...». Не будем следовать за «триадой» Гегеля: в наши дни новую историю человечества сможет написать только тот, или вернее только те, кто стоят в рядах революционных борцов и видят в исторической науке орудие своей борьбы. Только они смогут преодолеть ограниченный эмпиризм конкретной истории, превратив ее, говоря словами Гегеля, в «философствующую всемирную историю». В этом смысле «Маркс и Энгельс сделали наибольший шаг вперед» по сравнению с Гегелем. После их работ не только Гегель, но и вся буржуазная историческая наука больше, чем другие науки, «устарела и антикварна» (Ленин).

В «Oldenburgische Landeszeitung» (январь 1928 г.) некий корреспондент, описывая Институт Маркса и Энгельса, пишет: «В этой крепости большевистской идеологии, помещающейся во дворце б. вел. князя Сергея Александровича..., готовят научные силы для преподавания в народных школах..., а седобородый ученый Дмитрий Рязанов с утра до вечера сидит в Архиве Института, где подготовляет новые труды Института»... Даже в преувеличениях классового врага есть доля правды. На страже боевой марксистской исторической науки молодое поколение историков хотело бы видеть долгие и долгие годы седобородого Д. Б. Рязанова.

Д. Б. РЯЗАНОВ КАК РЕДАКТОР-ИЗДАТЕЛЬ

О Д. Б. Рязанове, как о лучшем знатоке Маркса (тогда еще не говорили «марксовед»), я узнал 28—29 лет тому назад в Олекминской ссылке (в Якутской области). Мне тогда было 21—22 года и я уже перечитал — во время продолжительных тюремных сидений и в перерывах между этими сидениями — почти всю марксистскую литературу, имевшуюся тогда на русском языке, и кое что на немецком.

В Московской Бутырке, в этапных тюрьмах, в Александровском централе и, наконец, в Олекминске приходилось встречаться со многими молодыми ребятами, прошедшими, несмотря на свою молодость, значительный революционный стаж и не меньше моего прочитавшими. Все же мы, однако, чувствовали, что больше увлекаемся Марксом, чем знаем его, и что наших марксистских знаний совершенно недостаточно для роли руководителей рабочего движения (а какой же молодой человек не чувствовал себя в это время руководителем хотя бы в городском или губернском масштабе?).

В Якутской ссылке мы чувствовали этот недостаток марксистских знаний с особенной остротой. Как социал-демократам-марксистам нам приходилось в это время отбиваться не только от народников (уже появились эсеры из «союза социалистов-революционеров», в ссылке оставались старики из бывших народовольцев и «молодых народовольцев» и т. д.), но и от последователей Махайского (помнится, тогда еще не говорили «махаевцы»). По рукам ходили вызывавшие страстные споры затрепанные экземпляры гектографированной брошюры Махайского «Умственный рабочий» и какие-то другие гектографированные издания, в которых марксизм подвергался заушению и извращению. Вызывала споры и каждая книжка «Русского богатства» со статьями Михайловского и молодых только что выходивших на литературно-политическую сцену народников вроде Гарденина (Чер-

нова). Нам, марксистам, приходилось круто, ибо хотя нас становилось уже много, но мы были молоды, недостаточно теоретически подготовлены и имели против себя старых ссыльных, образованных, начитанных, знавших языки, авторитетных в глазах не только «колонии», но и местной интеллигенции, тяготевшей к политической ссылке. Мы поэтому вздыхали по высоко образованным марксистам, и мне неоднократно приходилось слышать, что есть в революционном мире молодой Рязанов (ему тогда было лет 30 с чем-то), который по своим марксистским знаниям пожалуй что не уступает «самому Плеханову».

О Ленине как о великом марксоведе еще тогда не говорили в ссылке, потому что не все знали, что Ленин и Ильин — это одно и то же лицо, почти никто не читал его замечательной гектографированной книги «Что такое друзья народа», и многие, — даже после выхода марксистско-теоретической брошюры «Что делать?», которая по каким-то путям дошла до Олекминской ссылки, — ценили Ленина как великого политика, но не дооценивали как теоретика и марксоведа.

Рязановская легенда великого марксоведа всплыла для меня опять в 1905 г. После ссылки я очутился почти накануне октябрьской забастовки (в сентябре 1905 г.) в Питере. Свое время я делил между беганьем по митингам, устраивавшимся в университетских аудиториях и на заводах, и работой в издательстве «Просвещение», где я вместе с И. Л. Давидсоном («ученым евреем при Искре», как его называли бундовцы, подписывавшимся в «Искре» псевдонимом «К. К.») работал над редактированием и выпуском марксистских книг, выходивших в серии «Библиотека Просвещения». В это время выпускалась значительная (по тогдашнему времени) масса марксистских изданий в Одессе (изд. Е. М. Алексеевой), начал работать «Молот», несколько позднее — ряд других издательств, выпускавших не мало марксистской и так называемой марксистской литературы. В нашей редакционно-издательской среде не мало разговоров было о разных промахах этих издательств. Мы приписывали это недостаточному знанию иностранной марксистской литературы у переводчиков и редакторов. «Вот кто знает марксистскую литературу, — говорили все, кто хоть сколько-нибудь знал Давида Борисовича, — так это Рязанов!» В особенности много, захлебываясь от восторга, рассказывал о библиографических познаниях Рязанова И. Л. Давидсон. Он говорил, что Рязанов знает все издания и все переводы любой марксистской

книги, что он помнит даже, как ученый еврей талмуд, что на каждой странице написано, что он знает историю любого произведения Маркса, Энгельса, Каутского, Лафарга, Бебеля и др. марксистов.

Мне тогда было 25 лет и для меня было простительно увлекаться не только марксизмом, но и знаменитыми марксистами. Я уже встречал на работе таких знаменитых людей в партии, как Ленин и Мартов, и как мне было не мечтать о встрече с знаменитым знатоком Маркса? Увы, до 1921 г. — до моего приезда на работу в ГИЗ с Украины, где я провел бурные годы гражданской войны, мне, старому редакционно-издательскому работнику, так и не довелось познакомиться и сблизиться на редиздательской работе с человеком, который, как я это теперь знаю, является воплощением идеальной редакционно-издательской работы. Я видал его и слыхал его громовые речи в бурные дни 1917 г., но ни мне, ни, вероятно, ему не было дела в это время до редакционно-издательских начинаний, и наши пути так и не сходились. А между тем в это время он уже был известен, как давнишний и общепризнанный редактор и сотрудник крупнейших заграничных марксистских изданий и начинаний. После 1905 г. марксистские издания стали довольно часто проникать в Россию из-за границы. Те, кто продолжал заниматься марксизмом, не могли не знать о работах Рязанова, об его открытиях и изысканиях в области марксоведения, о том, что он открыл огромную массу статей и писем Маркса и Энгельса, что он собирает материалы для истории I Интернационала, что он сотрудничает с Бебелем и Рингом и т. д. В первые годы революции Рязанов не мог, повидимому, приложить свои силы к издательскому делу, — по крайней мере в годы военного коммунизма, насколько мне известно, им не было выпущено ни одного крупного марксистского издания, несмотря на имевшееся постановление (не помню точно чье) о выпуске под его редакцией сочинений Плеханова и др.

Когда я приехал весной 1921 г., я увидел Рязанова на трибуне (сцена театра Зимина) и услышал его громовые речи, в которых от него доставалось «всем, всем, всем». Одним словом, Давид Борисович был целиком во власти второй своей стихии — стихии политической трибуны, ибо у этого человека две стихии, которым он отдается с одинаковой всепоглощающей страстью: политическая трибуна и ученый кабинет.

А дело издания Маркса, Энгельса, Плеханова и других марксистских авторов ждало своего мастера. Издательства «Коммунист» и — позже — Госиздат к этому времени выпустили до плачевности мало монументальной социально-экономической литературы — несколько томов Ленина, один или два тома «Социалистической истории» Жореса, Степановский перевод книги Кунова «Борьба классов в Великой французской революции» и — все. В начале 1922 г. вышел том исторических работ Маркса и Энгельса под редакцией И. И. Степанова-Скворцова. Несколько позже вышел первый том «Капитала» в старом переводе Степанова и Базарова, просмотренном Степановым. Это издание стереотипно повторяется до последнего времени. А в железном несгораемом шкафу, в одной из немногих комнат особняка Рябушинского на М. Никитской — тогдашнего помещения Гиза, — хранились «Рязановские рукописи». Тут, помнится, были материалы для издания сочинений Маркса и Энгельса, рукописи нескольких томов Плеханова и т. д. Ключ от шкафа был, кажется, у самого Давида Борисовича и был передан главному редактору Госиздата Н. Л. Мещерякову только тогда, когда Давид Борисович уезжал за границу. Были, кажется, у Д. Б. рукописи и в других местах.

В Госиздате Рязанов в это время бывал мало, хотя, помнится, уже тогда у него состоялось соглашение с Редсектором Гиза (с Калашниковым и Мещеряковым) об издании серьезной марксистской литературы под его редакцией.

Каюсь, я в это время негодовал на Д. Б. Он мне казался скупым рыцарем, накопившим огромные сокровища и скрывающим их от людских взоров в своих подвалах — несгораемых шкафах. Я себя считал старым издателем-марксистом и пылал желанием выбросить на рынок, протолкать в гущу широкой массы возможно больше марксистской литературы. Я еще тогда не представлял себе, какую огромную, какую ценную работу проделывал Д. Б. над своими манускриптами, я не дооценивал огромного значения подготовительной работы — по изданиям, которые впоследствии обрели мировую славу. Я все же думаю и теперь, что мы с Н. Л. Мещеряковым были правы, когда мы ломали себе голову над вопросом, как бы п о к а, — пока Рязанов подготовит свои издания, — дать жаждавшему марксистского просвещения читателю марксистские издания, хоть и качеством похуже будущих рязановских, но количеством побольше. Я предложил Н. Л. Мещерякову заняться выпуском старых

марксистских изданий 1905—1906 гг., ограничиваясь тщательным просмотром старых переводов (за исключением нескольких оригинальных русских работ, вся эта литература состояла из переводных изданий — из переводов преимущественно немецких авторов). Н. Л. Мещеряков и О. Ю. Шмидт (тогдашний заведующий Гизом) и Г. А. Калашников (тогдашний заведующий редсектором) одобрили эту идею и поручили мне составить список таких изданий. По мысли Н. Л. Мещерякова была создана так называемая марксистская комиссия («Маркском»), в которую вошли Д. Б. Рязанов, И. И. Степанов-Скворцов, Мещеряков и я. Марксистская комиссия и должна была просматривать и корректировать мои издательские планы. Помнится, когда я И. И. Скворцову-Степанову, часто бывавшему тогда в Гизе, излагал свои издательские планы, он мне сказал: «А все-таки без Рязанова дело не пойдет. Вот вы предлагаете издать бесспорно хорошие книги, но просмотрит ваш план Рязанов и сделает десятки ценных предложений, укажет сотни прекрасных комбинаций». И, действительно, на одном из заседаний марксистской комиссии Д. Б. поразил всех нас, — уже, кажется, достаточно хорошо знавших, и наслышанных об его эрудиции, — своей изумительной осведомленностью не только в редакционной, но и издательской стороне дела. Он бегло просмотрел список и дал точный отзыв о каждом отдельном издании — о качестве перевода (он помнил, в чьем переводе вышло каждое издание), о предпочтительности издания того или иного издательства, о необходимости пополнения перевода там, где были цензурные купюры и т. д. В общем он отзывался пренебрежительно о старых изданиях и нарисовал нам увлекательную картину затеваемых и редактируемых им изданий. Помнится, он говорил об издании сочинений Маркса и Энгельса, Плеханова, Каутского и Лафарга. Тем не менее, он неожиданно для меня признал целесообразным выпустить кое-что из представленного мною списка старых изданий и тут же карандашом отметил птичками все то, что, по его мнению, можно выпустить в ближайшее время. Как-то он забежал в Госиздат еще раз перед своим отъездом за границу; он чрезвычайно торопился, но все же почти на-ходу продиктовал мне еще несколько названий. Таким путем Госиздат мог приступить к выпуску первых во времена нэпа марксистских изданий в старых переводах.

Д. Б. Рязанов уже был за границей, а Иван Иванович мало вмешивался в самый ход работ по этим изданиям. Действовали

только я и Н. Л. Мещеряков. Мне очень хотелось выпустить кое-что новое, и тут как-то чорт меня попутал, а я попутал Николая Леонидовича, и мы извлекли из несгораемого шкафа Рязанова рукопись XII тома сочинений Плеханова, которая, как мы знали, уже была подготовлена к печати, и пустили ее в набор. Раскопали мы в типографии уже почти законченный набор книги Бебеля — «Женщина и социализм» в плохоньком переводе под редакцией Поссе. И хотя эта книга не была отмечена спасительными птичками Д. Б. в моем списке, мы тем не менее решили дополнить и проработать это издание по новейшему немецкому изданию и выпустить его еще до приезда Д. Б. Совершил я еще одно преступление при молчаливом согласии Николая Леонидовича: мне очень хотелось выпустить «Анти-Дюринг» Энгельса, и, хотя эта работа тоже не была отмечена Рязановской птичкой, я дал старое издание, вышедшее в серии «Библиотеки Просвещения» в 1906 г. (я принимал участие в его редактировании), на просмотр Б. Г. Столпнеру и форсированным маршем выпустил тираж, кажется, в десять тысяч. Кроме того, я успел выпустить целый ряд и других изданий, разрешенных Д. Б.

В конце 1922 г. или в начале 1923 г. Д. Б. вернулся из-за границы. Он, к нашему удивлению, погромил нас довольно мягко за наше своеволие. Выпуск книг Бебеля «Женщина и социализм» и Энгельса «Анти-Дюринг», он хотя и не апробировал, но и не очень сурово осудил, а XII том Плеханова он в «наказание» задержал в типографии. Впрочем, он вскоре «отошел» и подписал листы к печати и выпустил этот том. С этого времени он уже неустанно и без особенно больших перерывов (на заграничные поездки) работает над редактированием Сочинений Маркса и Энгельса и других изданий Института Маркса и Энгельса. Я сказал — над редактированием, — но на самом же деле Д. Б. можно считать не только редактором, но и издателем в том смысле, в каком это понимают немцы (Herausgeber); он не только с величайшей тщательностью прорабатывает всякую рукопись, которую он пускает в набор, но он также составляет издательские планы, следит за всеми стадиями производства книг, интересуется видом и оформлением книги[1], не-

[1] Этот свой интерес к оформлению издания Д. Б. часто проявляет крайне бурно: технические дефекты книги — в особенности книги Сочинений Маркса и Энгельса — приводят его, пожалуй, в не меньшее негодование, чем редакционные ошибки. Помнится, как в день

вероятно чувствителен к вопросу о цене издания, великолепно знает корректуру, технические процессы книжного производства. Он не просто «идеологический редактор», а подлинный знаток, любитель и творец книги во всех ее стадиях и деталях, начиная с момента зарождения идеи книги в голове и кончая ее выходом в форме фабричного книжного изделия.

Я считаю для себя величайшей удачей моей жизни то, что мне в течение нескольких лет приходится работать с Д. Б. в качестве издательского исполнителя его редакционно-издательских предначертаний. Мне, старому редакционному работнику, приятно (может быть чисто-профессионально приятно) рассказывать о качествах Д. Б., как редактора, которому я не знаю равного.

Мы думали, что то издание литературного наследства Маркса и Энгельса на немецком языке, которое было выпущено в 1898 г. по поручению германской социал-демократии Рингом, является совершенным изданием, работой, которая исчерпала все, что можно было дать в этом направлении. Но вот Д. Б. съездил за границу и ценой грандиозных усилий раздобыл это литературное наследство в оригиналах и фото-снимках; ознакомился сам со всеми этими документами, можно сказать, прощупал их каждый собственными пальцами и сам убедился и нас всех убедил в том, что германское издание далеко не дает того, что мы от него ожидали. Больше того, он показал, что в переписке Маркса и Энгельса имеется огромное количество искажений и изъятий, которые были сделаны оппортунистическими душеприказчиками — Бернштейном и др. при молчаливом согласии таких марксоведов, как Каутский. Рязанов показал, как надо

великого для нас праздника — в день выхода I тома старого издания Сочинений Маркса и Энгельса — прибежал ко мне в социально-экономический отдел Николай Леонидович Мещеряков, бледный и взволнованный. «Подите ко мне и посмотрите, как этот ненавистник курения «разносит меня». Я захожу в кабинет главного редактора и застаю там такую сцену: Д. Б. потрясает нашим именинником — первым томом—в воздухе, стучит кулаком по мраморному столику и кричит: «посмотрите только на этот веер, тут бумага всех цветов радуги». Действительно бумага, на которой печатался этот том, была разнотонная. Вскоре он, однако, «отошел» (он всегда очень легко переходит от мажорных нот негодования к мягким тонам веселого добродушия). «Ну, будет, bon, только об одном я прошу, — чтобы вы в будущем дали пролетарскому мыслителю бумагу пусть похуже бумаги для монографии великого (тут он назвал фамилию некоего советского литературоведа), но хотя бы однородную».

работать над материалом и в особенности над таким дорогим каждому марксисту материалом, как Сочинения Маркса и Энгельса. В нашей среде раньше шли слухи и разговоры о крайней педантичности и «буквоедстве» Рязанова; с некоторой укоризной (а у некоторых с великой озлобленностью) говорилось о том, что Рязанов готов сам погибнуть и погубить любого своего сотрудника за каждую букву, за каждую запятую, которая ставилась Марксом и Энгельсом, и даже за тот шрифт, которым набиралось то или иное издание Энгельса (Д. Б. действительно всегда отзывался с величайшей похвалой об издательских талантах Энгельса). Но за эти годы я мог убедиться, что это рязановское буквоедство имеет огромное не только научное, но и политическое значение. В самом деле ему удалось восстановить в Сочинениях Маркса и Энгельса ряд таких мест, которые были раньше пропущены оппортунистическим издателем — германской социал-демократией, но которые играли огромную роль с точки зрения теории марксизма. Может быть, этим объясняется тот энтузиазм, которым вдохновлен сам Д. Б. и которым он умеет вдохновлять всех своих сотрудников.

Мне часто приходилось бывать у него по вопросу о том или другом издании, и каждый раз я буквально целыми часами — которых я не замечал — заслушивался его вдохновенными рассказами о различных изданиях и различных работах Маркса и Энгельса.

Суммируя все впечатления о его редакционной работе, я могу установить три важнейших момента в этой работе:

1. Он не только знает, но и беспрерывно изучает тот материал, над которым он работает, который он редактирует; больше всего и раньше всего это относится к Сочинениям Маркса и Энгельса, но он также, конечно, великолепно знает и другие редактируемые им работы. Он, например, великолепно знает Плеханова и всю литературу о Плеханове и все те манускрипты, какие только могли попасть в его руки. Он также хорошо знает и материалистов и марксистских классиков, каких только касалась его редакторская рука.

2. Он, как я уже говорил, во все время издательского процесса работает над редактируемым им материалом. Мне редко приходилось встречать такого редактора, который так вчитывался бы в рукописи и в корректуры, который просматривал и прорабатывал бы сам весь научно-библиографический аппарат, как это делает над каждой работой, над каждой страницей

и каждой строкой Д. Б. Это помогает ему улавливать и устранять такие погрешности, которые остаются незамеченными не только для читателя, но и для многих хороших редакторов.

3. Д. Б. не ограничивался и не ограничивается изучением только того материала, который он редактирует, — изучением только марксистских работ. Он также изучает и создает благоприятные условия для изучения всех тех источников, откуда могла быть почерпнута марксистская мысль, и всех тех исторических условий, от которых зависело развитие марксизма, как орудия действия пролетариата. Вот что об этом говорит в своем сообщении на юбилейной сессии ЦИК СССР в 1927 г. сам Д. Б.:

«... нельзя изучать марксизм, нельзя изучать и учение Маркса, Энгельса и Ленина, не обращаясь все время к изучению двух основных источников этого учения. Первым источником является история революционного рабочего движения всех стран. Вторым источником является история научной мысли, история идеологии, которую Маркс и Энгельс усвоили себе, но не для того, чтобы ее хранить про себя. Они перерабатывали ее, чтобы выковать из нее оружие для борьбы пролетариата. По этим двум линиям мы ведем работу».

Д. Б. эту огромную работу выполнил и выполняет, конечно, не один. Он выполняет ее вместе со многими чрезвычайно компетентными в разных областях знаний сотрудниками. Но именно и здесь к его редакторским талантам надо отнести талант отыскивать и привлекать к редакционной работе работников, и не только привлекать их, но и руководить ими, пробуждать в них интерес к тем или другим темам.

Д. Б. выступал в своей редакционной работе всегда новатором; ему приходилось почти все начинать заново. Взять хотя бы Сочинения Маркса и Энгельса, главный объект его редакционной деятельности. Казалось бы, тут ему достаточно было оставаться точным и добросовестным копировщиком того, что уже было создано прежней редакционно-издательской работой Меринга, Каутского, Бернштейна и др. Однако это далеко не так. Как я уже говорил, Д. Б. приходилось не только работать над определенными манускриптами, не только тщательно просматривать библиографические и всякие иные приложения, но и добывать из недр забытых архивов новые, никем не опубликованные и даже скрываемые работы Маркса и Энгельса. Д. Б. таким образом выступал не только в роли архитектора, который создает форму уже из готовых материалов, — и в роли каменщика,

который должен был делать кирпичи для сооружаемого здания Сочинений Маркса и Энгельса. Он это делал не как «архивный работник», не как «книжный червь», а как марксовед, который знал, чувствовал, ощущал, каких работ, каких элементов не хватает в той системе марксизма, которая перешла к нам в форме уже изданных работ великих учителей. Он знал, должны быть такие элементы, такие рукописи — и он их искал, эти рукописи, вооруженный прекрасным компасом — марксоведением, одним из самых крупных творцов которого мы вправе считать Д. Б.

В своем стремлении дать возможно полное, возможно точное издание Рязанов не останавливался ни перед какими усилиями, ни перед какими задержками и ни перед какими затратами. Впрочем, каждый, кто знает Рязанова в роли покупателя за границей книжных раритетов, ценнейших документов и вообще всяких ценных для редакционно-издательского дела материалов, изумляется его практичности и его умению часто за бесценок приобретать для пролетарского государства вещи колоссальной ценности.

Все помнят четыре тома старого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Эти томы вышли, если память мне не изменяет, на протяжении двух лет; они вызвали значительную по тогдашнему времени подписку (7—8 тысяч подписчиков). Но вернувшись из-за границы с богатым материалом и литературным наследством в руках, Рязанов приостанавливает это издание, начинает работать над ним заново и начинает готовить совершенно новое, построенное по другому плану, издание. Признаться, мы, работники Госиздата как редакционные, так и торговые, были этим крайне афрапированы. «Когда же наконец, — говорили мы робко (с Д. Б. иначе, как робко, разговаривать страшновато),—думаете не то, чтобы закончить, но—хотя бы продолжить это издание?» Подписчики нас штурмовали требованиями, запросами, упреками; в разных органах прессы писалось о том, что Сочинения Маркса и Энгельса, может быть, выйдут на Марсе или какой-нибудь другой планете, но что нет никакой надежды, что они когда-нибудь выйдут на грешной земле. Но Д. Б. оставался непреклонным, он не волынил, как это позволяли себе говорить паникеры и маловеры; он не бросал работы над привезенными рукописями ни на одну минуту, но не соглашался дать в набор ни одной строки до того момента, пока у него не создалась уверенность, что он дает действи-

тельно точное, действительно полное и действительно отвечающее духу марксизма издание. И я теперь могу с уверенностью констатировать, что он был прав, что наши ожидания, нетерпеливые ожидания вознаграждены уже вышедшими шестью томами, не имеющими достойного прецедента в редакционно-издательской истории марксистской литературы на Западе, и 6—7 томами, находящимися сейчас в работе. Я надеюсь, что в этом году, юбилейном году Д. Б., мы выпустим еще 8—10 томов, и мы будем таким образом иметь 16 томов, почти что $^2/_3$ всего издания. Вознаграждены, стало быть, сторицей и нетерпеливые ожидания подписчиков; они получили лучшее издание, чем то, которое они имели бы раньше, лучшее как по оформлению, так и по содержанию. И может быть это и составляет одну из причин быстрого роста подписки: за какой-нибудь год — полтора подписка выросла с 8—10 тысяч до 30 тысяч.

Иной раз бывали у нас трения с Д. Б. не только на почве задержки собрания сочинений Маркса и Энгельса, но и на почве крайне медлительного выпуска книг по серии «Библиотеки марксиста». Первой работой, которая была выпущена Институтом Маркса и Энгельса и Госиздатом, был первый номер серии «Библиотеки научного социализма», вошедший потом в серию «Библиотеки марксиста» — «Коммунистический манифест». Я думаю, что мне незачем тут распространяться о никем не оспариваемых достоинствах этого издания, но мне бы все-таки хотелось тут отметить, что это издание было не только по литературному своему содержанию, но и по оформлению, одним из лучших изданий того времени. А ведь в 1922 году у нас было чрезвычайно трудное положение на бумажном и полиграфическом фронте. Понятно поэтому, что широкая читательская масса с нетерпением ожидала следующих номеров; это нетерпение возросло к началу культурной революции, когда ликвидация теоретической неграмотности и малограмотности стала основной задачей исторического дня. В публикуемых резолюциях рабочих собраний имелись требования скорейшего выхода «Анти-Дюринга», «К критике политической экономии», «Нищеты философии» и т. д. Достаточно сказать, что инкриминированный «Анти-Дюринг», о котором я писал уже выше, разошелся до последнего экземпляра в течение одного года. Достаточно к этому прибавить, что все то, что выходит сейчас, в последние два года, в изданиях ИМЭ в каких бы то ни было тиражах, расходится в несколько дней. Отсюда ясно, почему мы, издатели, так глубоко огорча-

лись «медлительностью» Института Маркса и Энгельса. Но Д. Б. оставался и тут непреклонным и только тогда пустил в набор и печать «Нищету философии» и «Анти-Дюринга» и другие издания, когда он окончательно обработал их при помощи марксистских специалистов.

Таким образом за эти два года читающий марксистский мир был в известной степени вознагражден за свои долгие ожидания и огорчения. Я говорю — в известной степени, потому что нам (уже по другим причинам — по причинам главным образом бумажного и полиграфического кризиса) не удается выпускать «Библиотеку марксиста» в достаточно больших тиражах, да и вообще, если признаться, мы уже потеряли представление о том, что такое большой тираж, ибо сейчас нет такого тиража на марксистские издания, который оказался бы достаточным. 30-тысячный тираж Сочинений Маркса и Энгельса уже оказывается исчерпанным, и совершенно ясно, что его уже можно было бы без всякого риска довести сейчас до 50 тысяч.

Д. Б. иногда начинает дополнять и перестраивать целиком уже сверстанные тома. Это, конечно, вызывало всегда нарекания не только с нашей стороны, но главным образом со стороны рабочих типографий. Мне неоднократно приходилось отдуваться за эту «бесхозяйственность», «волокиту» и пр. Я не только получал выговоры от гизовских органов, но и подвергался частенько нападению с разных сторон за эти грехи. Я эти грехи не считаю чужими, грехами только Д. Б., я их считаю также своими, потому что я — говорю это не без гордости — сочувствовал этим переделкам, ибо я знал, что они предпринимаются в интересах улучшения издания, а я всегда думал и думаю, что нет такой затраты, которая не была бы вознаграждена сторицей хотя бы малейшим улучшением изданий Маркса, Энгельса и Ленина [1].

В этом духе я и говорил тем контрольным органам, какие вызывали меня для объяснений по этому вопросу. Пови-

[1] Летом 1929 г., во время IV производственной конференции делегация рабочих «Печатного двора» (крупнейшей типографии Гиза, в которой печатаются Сочинения Маркса и Энгельса и другие издания ИМЭ) посетила Институт Маркса и Энгельса. Они были буквально подавлены грандиозностью размаха работы Института и заявили, что теперь они понимают всю трудность работы по изданиям ИМЭ и неизбежность и целесообразность переделок в корректуре и верстке. Я считаю, что это пролетарское признание подкрепляет и мою позицию...

димому, эти органы соглашались со мной, потому что каждый раз, когда я говорил им — накажите меня с тем, чтобы я мог об этом доложить нашему добрейшему Д. Б., они от наложения какого-либо взыскания воздерживались...

Д. Б., как правило, никогда не писал предисловия (кажется, нет ни одного издания, которое не сопровождалось бы предисловием Д. Б.) раньше, чем на его редакторском столе не оказывались все напечатанные листы издания. В своих предисловиях он обыкновенно не пишет «вообще», как это делают многие «предисловщики», а ссылается на страницу, приводит точные выдержки из текста, и поэтому, как он сам утверждает, ему нужен совершенно точный, выправленный и не подлежащий уже изменениям текст.

После вышесказанного станет ясно, какую огромную работу проделал Д. Б. за эти несколько лет. За эти годы выпущено больше 100 названий (мы недавно только праздновали этот радостный юбилей).

Скажу еще несколько слов о наших с ним издательских отношениях. Я уже говорил, что он крайне чувствителен к издательской стороне, к оформлению, технике, цене и т. д. Тут он часто обнаруживает такие качества, каких, казалось бы, нельзя было ожидать от философа, отвлеченного мыслителя, каким он является. По поводу цены книги с ним приходится буквально выдерживать бои. Он диктует цену, он торгуется, он настаивает, он задерживает издания, лишь бы добиться понижения цены и этим самым максимального распространения своих изданий. В последнее время он стал особенно требовательным в отношении тиражной политики, он делает все, чтобы увеличить тираж, при составлении издательских планов он руководствуется не только серийной методологией, но и рыночным спросом, как он его понимает, а понимает он его верно. Рыночный спрос в наших условиях он понимает как спрос потребительский и идеологический, ибо спрос на книгу исходит у нас от рабоче-крестьянских масс и от партийного и беспартийного актива.

Д. Б. довольно чутко нащупал в последние годы издательский пульс нашего времени. Укажу хотя бы на чрезвычайно характерный факт: когда ЦК партии был разослан циркуляр о ликвидации теоретической неграмотности и повышении интеллектуальной квалификации партийцев, Д. Б. чуть ли не на второй день сделал Гизу предложение о выпуске в удешевлен-

ной «Библиотеке марксиста» книг «В помощь партучебе» значительными тиражами (не менее 50 тыс. экз.). В целях значительного удешевления книги — до 2½ коп. за оттиск — он совершенно отказался от гонорара за это издание (гонорара, который идет в пользу Института Маркса и Энгельса).

Тут мы имеем одну из частностей того общего рязановского дела, которое есть дело осуществления великого лозунга: «Марксизм в массы!». Этому делу Д. Б. служил всю свою жизнь и — нет сомнения — будет впредь служить без колебаний и без устали.

РЕЧИ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

РЕЧЬ М. Н. ПОКРОВСКОГО

Товарищи! Я имею честь приветствовать Давида Борисовича от такой вереницы учреждений, что перечислять их всех не берусь, потому что это произведет комическое впечатление. Целый ряд крупнейших учреждений нашей страны не мог найти оратора, хотя бы с таким голосом, чтобы он наполнил эту маленькую аудиторию. Меня наверно не слышно в дальних рядах. Кроме того, атмосфера, которую нам создали своим любезным содействием товарищи фотографы, такова, что было бы садизмом заставлять вас в этой атмосфере пребывать больше, чем нужно, а кроме того, не скрою от вас, что я с колоссальным интересом жду выступления самого Давида Борисовича и стремлюсь приблизить этот момент возможно скорей.

Товарищи, что мы ценим в Давиде Борисовиче больше всего, мы, — не скажу, ученая каста, этого нет, но люди ученого цеха, научные работники, — мы ценим то, что это научный работник, не прошедший никакой правильной школы и сделавшийся, несмотря на это, мировым ученым по признанию не только наших кругов, но по признанию наших врагов, — вот, что нам особенно ценно. В нашей партии есть некоторое количество бывших профессоров и приват-доцентов, которым стыдно стало сидеть на кафедре буржуазной школы и которые променяли эту кафедру на революционное подполье. В нашей партии есть гораздо больше ученого молодняка, который достиг кафедры уже в период диктатуры пролетариата, но в нашей партии буквально единицами насчитываются люди, которые прошли свой аспирантский стаж в камере одиночной тюрьмы. Таких людей единицы, а мировой ученый среди них только один — Давид Борисович Рязанов. Других я не знаю. (Аплодисменты.)

Тут все ценно, товарищи. Ценно, во-первых, то, что вовсе не нужно просидеть бесчисленное количество штанов в разных ученых учреждениях для того, чтобы стать действительно миро-

вым ученым. Ценно еще больше, конечно — это признание творческой силы революции, которая может создать не только бойцов на баррикадах, не только бунтарей, не только революционеров-практиков, но и своих настоящих ученых, которых признают и наши противники (употребляю наиболее мягкое слово сейчас, вместо слова враги — сейчас вы поймете, почему я перешел на более мягкие термины).

Мне кажется, я не нарушу никакой особенной тайны, если скажу, что Д. Б. был единственным нашим ученым, которого старая ленинградская Академия наук соглашалась принять в свою среду раньше всяких наших общественных кампаний.

Рязанов. Не компрометируйте меня, пожалуйста.

Покровский. Я, товарищи, вовсе не думаю этим компрометировать Давида Борисовича, ибо должен сказать, что наступает в истории момент, когда не признать человека нельзя. На наших глазах произошел в 1929 г. такой случай с Францом Рингом. Десять лет прошло со времени смерти Франца Меринга, и буржуазные газеты признали, что это настоящий крупный ученый, что это человек, имеющий колоссальные научные заслуги. Во всяком случае, наступает момент, когда даже и буржуазная наука начинает признавать ученого-революционера, и то, что Франца Меринга признали через 10 лет после его смерти, а Давида Борисовича... (Рязанов: А Рязанова за 20 лет до смерти)... я думаю, за 40, Давид Борисович, и никак на другом не помиримся.

Это, конечно, факт глубоко знаменательный. Вот почему приходится особенно жалеть, что такая яркая и сильная фигура, воплощающая революцию в науке, эта фигура не появляется на международных научных конгрессах. Я сколько раз убеждал Давида Борисовича выступить, но он в сущности очень скромный и застенчивый человек, хотя эти эпитеты как будто не идут к нему, и он упорно отказывался. Я надеюсь, он выступит, если мы его убедим... Я заканчиваю свое приветствие пожеланием, чтобы Давид Борисович работал в том направлении, в каком он начал работать, еще по крайней мере 40 лет. Что касается его 60-летия, то тут, несомненно, есть какое-то астрономическое недоразумение, которое, вероятно, может разъяснить теория относительности. Но так как я не специалист, то я предоставляю слово физикам, которые, вероятно, объяснят, как это могло случиться. (Аплодисменты.)

РЕЧЬ Н. И. БУХАРИНА

Товарищи! Я по возможности буду краток. Прежде всего, я буду краток потому, что наш несчастный юбиляр подвергся здесь такой «обработке» и такого рода операциям, что вчуже становилось жалко. В самом деле, его рассматривали «под микроскопом»; его рассматривали, как «эмбрион», а т. Лозовский снабжал его какими-то, ему одному известными, омолодительными средствами, намекая также и на «старые методы». (Смех.) Его сравнивали здесь даже с радио, которому нельзя возражать. Словом, т. Рязанов был представлен перед нами в необычайном количестве своих ипостасей, как личность изумительно многогранная. Поэтому я, товарищи, прямо не в силах давать дальнейшие разнообразные характеристики, и уж совсем не в силах прибегать к тем образным сравнениям, которые здесь имели место.

Я хотел, прежде всего, остановиться на одной стороне дела. Здесь совершенно правильно подчеркивали, что т. Рязанов — ученый марксовед, что т. Рязанов создал Институт Маркса и Энгельса и т. д. Мне хотелось бы отметить именно в этой области черту, на мой взгляд, имеющую крайне существенное значение. Еще сравнительно недавно, когда говорили о марксизме, даже когда о нем говорили сами старые марксисты, считалось почти что признаком хорошего тона отмечать, что философская сторона марксизма «недостаточно разработана». У нас де есть экономическая доктрина, прекрасно выяснены экономические законы движения капитализма вообще, дан блестящий прогноз развития к социализму, дано учение о диктатуре пролетариата и много других хороших вещей, но не доработана философская сторона марксизма. И вот этот тон, у некоторых полу-тон, у других четверть-тона, в сущности говоря, давали логический базис для целого ряда построений, которые пытались «дополнять», «улучшать», «исправлять», «дорабатывать» «недоработанную» философскую концепцию Маркса.

Что мы имеем за последнее время с этой точки зрения?

Мне кажется, что мы имеем очень много нового в этой области, и это многое есть заслуга т. Рязанова, который опубликовал это новое для всех нас. Разве, в самом деле, сейчас не ясно для всех марксистов, для всех знатоков Маркса, и даже для людей, весьма враждебно к нему относящихся, что за последние годы в области марксоведения произошел крупный сдвиг? Разве опубликование таких работ Маркса и Энгельса, как «Немецкая идеология», черновые работы для «Святого семейства», «Диалектика природы» и т. д. не дало огромного стимула теоретической мысли? Разве фигуры Маркса и Энгельса не выступают перед нами в новом свете? Разве эти гениальные представители пролетариата и человечества не вырастают еще на одну голову выше? По-моему, да. По-моему, этого ни в коем случае нельзя оспаривать. Мы здесь видим перед собой не только внутреннюю мыслительную лабораторию гигантов интеллекта, не только те пути, по которым шли Маркс и Энгельс, преодолевая Гегеля через Фейербаха и — на своих собственных путях — преодолевая самого Фейербаха: мы видим не только дорожки и тропинки, по которым шла гениальная мысль гениальных основоположников научного коммунизма; мы видим действительно исполинский философский синтез, какого не было еще в истории человечества. Вот почему эти новые опубликованные работы дают такой величайший толчок для дальнейшей разработки вопросов научной методологии. Мы можем сейчас сказать, что перед марксизмом стоит эпоха расцвета. Эта эпоха буйного расцвета тем более становится на очередь дня, что постановка теоретических задач, решение которых должно пролить новый свет на целый ряд методологических проблем, совпадает с громадными социальными переворотами, с постановкой новых великих практических задач, с появлением новых объектов теоретического исследования. Вот эту характерную черту того огромного наследства, которое опубликовано Рязановым, мне и хотелось бы в первую очередь подчеркнуть. Совершенно правильно сказано, что душой всякого исследования является его метод. Совершенно правильно сказано, и это нужно подчеркнуть с особенной силой, что дело заключается вовсе не в том, чтобы произвольно хозяйничать в известном, очень ограниченном, количестве цитат, — а это очень часто, к сожалению, встречается. Совершенно правильно замечает в своей последней книге Андрей Белый, что такого рода «цитатооператоры» суть «воры и убийцы смыслов».

«Ворами и убийцами смыслов» ни в какой ситуации быть не гоже. Нужно знать определенный метод, марксистский метод, и нужно уметь им владеть. Новые работы, которые опубликованы, дают мощную зарядку для изучения этого метода и для практического им овладения.

Я обращаю теперь ваше внимание на другую сторону дела, которую точно так же, если мы серьезно подходим к целому ряду проблем, нужно здесь отметить. Я обращаю ваше внимание на качество работы. Мы бываем нередко очень слабы на всех фронтах, начиная от технико-хозяйственного и кончая идеологическим, благодаря тому, что очень часто проблему качества и теоретически неправильно ставим, и практически неправильно разрешаем. Поэтому «в конечном счете» неизбежно терпим довольно значительный ущерб.

Если мы спросим себя, можно ли положиться на каждую цифру, которую дает, напр., бывшее Статистическое управление, я отвечу: ни в коем случае нельзя. Можно ли положиться на каждую цифру, которую дают другие государственные органы, планирующие или регулирующие? Можно сказать, что эти цифры надо принимать с известной долей осторожности. Можно ли сказать про целый ряд других показателей, что они у нас достаточно тщательно проработаны? Мне кажется, нельзя. И точно так же как в области нашего материального производства, начиная от производства миткаля и кончая производством болванок, мы видим крупные пробелы, точно так же мы наблюдаем это и в части идеологической продукции. А вот у Рязанова мы видим именно отличное качество работы. Если Рязановым сообщены такие-то факты и данные, опубликованы такие-то документы, прослежена связь каких-либо теорий, выяснены исторические истоки каких-либо концепций и т. д., то на достоверность этого материала можно вполне положиться, потому что работа Рязанова есть высококвалифицированная работа, работа, которая может выдержать какое угодно испытание «на качество».

Один из товарищей совершенно правильно указывал здесь, что т. Рязанов учит, как нужно работать. Мне кажется, эта учеба, в первую очередь, есть обучение работать с высокими качественными показателями. Это чрезвычайно важно для всех нас, потому что с точки зрения наших сил, наших ресурсов, наших возможностей нам нельзя разбрасывать зря, впустую, той драгоценной энергии, которая у нас есть.

Я хочу в заключение остановиться еще на одном мнении. Говорили о буйном и неукротимом характере Рязанова. Да, он далеко не «эмбрион», т. Рязанов. Он далеко не радио, т. Рязанов. Одним из симпатичнейших свойств т. Рязанова является то, что он есть бесстрашный и мужественный революционер. (Аплодисменты.) С т. Рязановым приходилось иногда встречаться в обстановке, когда наше дело, как казалось для многих, висело на волоске. Я помню свою собственную первую встречу с т. Рязановым после заграничной эмиграции, где мы были давно и много лет знакомы. Я помню эту встречу: это были июльские дни 1917 года. Многие крикуны, которые очень любят «храбро» покричать, ...когда нечего бояться, были тише воды, ниже травы. Есть такие «люди — слизни, люди — трава», как говорил Герцен, которого с любовью вспоминал кто-то из предыдущих ораторов. А Рязанов как раз в эти моменты обнаруживал величайшее мужество. В июльские дни это был бесстрашный человек, который стоял в цепи большевиков, не имея партийного билета в кармане. А когда речь шла о походе Юденича на Ленинград и когда целый ряд руководящих кругов хотел из Ленинграда уехать, т. Рязанов хотел остаться на месте, вместе с ленинградским пролетариатом, и с ним умереть, но быть вместе с ним.

И вот, товарищи, такого рода качества, где соединяются в крупные научно-исследовательские способности высококвалифицированная научно-исследовательская работа, организаторские таланты и бесстрашное мужество настоящего борца, который выходит на все действительно опасные битвы, — такого рода качества роднят нас с т. Рязановым. Вот почему я кончаю свое выступление пожеланием нашему старому другу, борцу и революционеру многих и многих лет плодотворной работы. Может быть, он и не доживет до 120 лет, может быть, он окажется не таким мафусаилистым Мафусаилом. Но он уже много сделал и многое еще сделает.

Да здравствует Рязанов, старый наш друг! (Аплодисменты.)

РЕЧЬ А. Н. БАХА

Товарищи! Президиум Всесоюзной Академии наук поручил академикам Северцову, Архангельскому и мне приветствовать в этом собрании нашего уважаемого коллегу т. Рязанова по случаю сорокалетия его общественной и научной деятельности и шестидесятилетия со дня его рождения. Вы знаете, что академики делятся на естественников и гуманитариев. Мы, делегаты, естественники, т. Рязанов — гуманитарий. И вот тот факт, что естественникам поручено приветствовать такого гуманитария, как Рязанов, мы просим Вас рассматривать, как показатель определенного перелома в настроениях Академии наук.

Было время, и очень недавно оно было, когда в Академии наук марксизм не считали научной категорией. На собрании академиков в стенах Академии, в котором и я участвовал, одним из наших крупнейших естественников было высказано такое мнение: чтобы судить о научной работе марксиста, вовсе не надо быть специалистом, потому что такой специальности вообще нет, а достаточно быть, что называется, образованным человеком.

Товарищи, время такое было, но позвольте вам доложить, что оно прошло. Из общения с коллегами-марксистами академики выносят определенное впечатление, что марксизм действительно наука. И больше того: всякая наука отличается тем, что она предусматривает явления, а марксистская наука предусматривает социализм. И вот академики мало-по-малу осваиваются с той мыслью, что хотят они это или нет, но человеческое общество вообще, а наше общество в частности, идет к социализму. А если человечество идет к социализму, то социализм соответствует определенной фазе эволюции человечества.

В изучении этой фазы эволюции человечества академик т. Рязанов приобрел мировую известность. Но он не только

мировой ученый, лютый на работу, — он еще несравненный организатор научной работы — явление, чрезвычайно редкое среди ученых. Созданный им Институт Маркса и Энгельса — ценнейший вклад в культурную сокровищницу человечества. Будущие поколения научных работников, которые будут изучать социалистическую эволюцию человечества, будут всегда с благодарностью вспоминать имя т. Рязанова. И мы не сомневаемся, что на фронтоне здания Института будет начертано: «Институт Маркса и Энгельса, созданный Рязановым». (Аплодисменты.)

Вот почему мы пришли сюда приветствовать, поздравить т. Рязанова и пожелать ему многих лет бодрой и успешной работы по его великой специальности. И пожелаем, чтобы голос т. Рязанова, а голос его Вы все хорошо знаете, чаще раздавался в стенах Академии Наук. (Аплодисменты.)

О МОИХ ПЕРВЫХ ВСТРЕЧАХ с Д. Б. РЯЗАНОВЫМ

(КЛОЧКИ ВОСПОМИНАНИЙ ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ)

Это происходило в начале 90-х годов прошлого века. В то время революционное движение в России вообще почти сошло на-нет, в Одессе же оно было совершенно ничтожным. Отдельные партизаны отмиравшего народовольчества работали почти в безвоздушной среде. Они старались поддержать знамя давно разбитой партии, но вся их работа сводилась преимущественно к пропаганде среди интеллигенции и отчасти среди рабочих. В общем положение вещей было безрадостное, серое, унылое.

В такое время начал складываться наш гимназический кружок, впоследствии разросшийся в пропагандистское социал-демократическое общество. В рассматриваемый момент участники этого кружка были довольно юными гимназистами шестого-седьмого класса, полными хороших чувств и порывов, но с весьма слабым умственным багажом, плохо разбиравшимися в политических вопросах и в сущности не имевшими определенного мировоззрения. В этот кружок входили: М. Павлович, Г. Цыперович, И. Шиф, С. Я. Тапузи, я и другие. Не помню, как и через кого я познакомился тогда с двумя сестрами Давида Борисовича, Бетей и Соней, и с их подругой С. Я. Тапузи, впоследствии моей женой. От них-то я впервые и услыхал о Д. Б. Сестры Д. Б. рассказывали мне, что у них имеется старший брат, которому в то время было лет двадцать, но который, несмотря на свою молодость, является весьма ученым человеком. То же подтверждает и С. Я. Тапузи, бывшая с Д. Б. в весьма дружеских отношениях. Аналогичные отзывы о Давиде Борисовиче я слыхал и от Анания Семеновича Карфункеля, одного из немногочисленных тогда одесских интеллигентов-революционеров, с которым я был знаком и от которого иногда получал нелегальную литературу. Этот Карфункель тоже подтвердил, что Давид Борисович, несмотря на свою молодость, обладает очень глубокой эрудицией и вообще является человеком «книжным» в хорошем смысле этого слова.

От Карфункеля и от сестер Давида Борисовича я узнал, что он скоро собирается вернуться в Россию. Естественно, что я поджидал его появления с большим интересом. Однажды, явившись к А. С. Карфункелю за какой-то книгой, я увидел там солидного вида господина с копной светлых волос, рыжеватой бородой, с крупными чертами лица, приземистого и плотного, сидевшего у окна и беседовавшего с хозяином. Карфункель познакомил нас. Оказалось, что этот почтенного вида мужчина и есть Давид Борисович, приехавший чуть ли не в тот же день из-за границы. Я был чрезвычайно смущен этой первой встречей и поспешил удалиться, чтобы не мешать друзьям вести беседу. Не надо забывать, что в то время мне было всего 17 лет, и Давид Борисович, которому уже исполнилось 20 и подходило к 21, представлялся мне человеком весьма пожилым, чтобы не сказать старым...

С тех пор мы начали встречаться. Нельзя сказать, чтобы наши встречи были особенно частыми. По крайней мере у меня в памяти не сохранилось, чтобы мы встречались очень часто. Да это, впрочем, и понятно. Для Давида Борисовича наш кружок был тогда слишком молодым. Сам он сошелся с группою более великовозрастных людей, а именно с кружком, группировавшимся вокруг М. Н. Дилетицкой, стоявшей тогда во главе одесских народовольцев. С этим кружком и во всяком случае с некоторыми членами этого кружка, вероятно более близкими ему по взглядам, он и вел совместную революционную работу. Одним из людей, с которым Рязанов тогда вместе работал, был, насколько я знаю, некий Рубинштейн. Об этом Рубинштейне я слыхал от участников своего первого рабочего кружка еще за два года до приезда Рязанова (в 1888 г.). По словам рассказчиков, Рубинштейн был провизором, но, решив посвятить свои силы революционному делу, он сделался маляром, поселился среди рабочих и занялся пропагандой среди них; ему удалось организовать несколько кружков среди строительных рабочих, и в эти-то кружки, как я слыхал, был введен Рязанов, который и занялся там пропагандой научного социализма.

Впрочем, точно сообщить о том, какую работу вел Рязанов среди этих рабочих, я не берусь, так как близко к ней не стоял и мало о ней знаю.

Так вот для Рязанова мы были слишком юными. Мы были для него не столько ровесниками, сколько учениками, правда, учениками, по молодости лет весьма самоуверенными и вообра-

жавшими, что они уже все постигли и разрешили все вопросы, а потому не очень-то склонными подчиняться чьему-либо руководству. На последнее Рязанов, впрочем, и не претендовал. Возможно, что он, как человек более опытный и тактичный, просто не хотел показать пылким молодым людям, что собирается их учить. Таким образом отношения создались сразу товарищеские, равного с равными.

К моменту встречи с Рязановым наш кружок был уже психологически достаточно подготовлен к восприятию марксизма, и потому, когда Рязанов в первой же беседе со мной и Павловичем на моей квартире заявил, что, «согласно учению Карла Маркса, в основе истории лежат экономические факторы», мы не только не стали против этого спорить, но сразу признали эту истину аксиомой, вполне отвечавшей и нашим взглядам.

Вспоминая сейчас наши встречи и беседы с Рязановым, я положительно затрудняюсь сказать, чтобы он обучал или поучал нас чему бы то ни было. И это было самой мудрой тактикой. Если он и внушал нам какие-либо новые для нас взгляды, то делал это в процессе беседы, зачастую шутливой, и совершенно для нас незаметно.

Его влияние на наш кружок сказалось, главным образом, в том, что он возбудил в нас интерес к серьезным занятиям. Нужно сказать, что в то время мы были чрезвычайно самоуверенными молодыми людьми, воображавшими, что, прочитав «Основы политической экономии» Милля, в особенности с примечаниями Чернышевского, первый том «Капитала» Маркса, «Философию истории» Кареева, «Историю цивилизации в Европе» Дрепера, «Историю цивилизации в Англии» Бокля, сочинения Добролюбова, Писарева и несколько других книг, мы уже постигли всю премудрость и обладаем ахти какими познаниями. Рязанов объяснил нам, что всего этого очень мало, что революционеры должны обладать огромными знаниями по истории, по статистике, по политической экономии. Он показал нам свою записную книжку, в которую были занесены заглавия бесчисленного множества книг по истории, политической экономии и т. д. на иностранных языках. До сих пор помню особенно поразившую меня страницу, где были перечислены книги по истории феодализма. Просмотрев эту запись, я так и ахнул! Здесь были книги на всевозможных языках, в особенности на немецком. И я наивно спросил Рязанова, неужели он все это прочитал. Он уклонился от прямого ответа, заметив, что, конечно, все главное и основное он про-

смотрел. Я, разумеется, проникся к нему после того величайшим уважением.

И вот Рязанов составил для нас каталог книг и статей, с которыми мы должны были познакомиться, для того чтобы, по его словам, быть достойными звания серьезного революционера. Насколько я припоминаю, этот каталог, во-первых, содержал перечень работ только на русском языке, а, во-вторых, касался исключительно вопросов русской экономики. Я даже не помню, указывались ли там книги по русской истории; возможно, что указывались, но это как-то стерлось у меня из памяти. Во всяком случае преобладали указания на книги и статьи по народному хозяйству России и, в частности, по положению крестьянства и рабочего класса. Этот каталог касался всех сторон русской экономики и использовал как будто всю имевшуюся тогда литературу по этим вопросам.

Нужно сказать, что Рязанов всегда интересовался журналистикой. Я не знаю, насколько основательно он познакомился с русской журналистикой до своего первого отъезда за границу, т. е. до знакомства с нами; во всяком случае, вернувшись из-за границы, он засел за русские журналы вплотную и просмотрел их чуть ли не с их основания. Таким образом все более или менее серьезные статьи по экономическим вопросам, появившиеся в русских журналах («Отечественные записки», «Дело», «Слово», «Вестник Европы», «Наблюдатель», «Русская мысль», «Русское богатство», «Устои» и т. д.) за 70—80-е годы XIX века, были Рязановым отмечены в его каталоге. Каталог был разбит на отделы, которые характеризовали положение крестьянства, положение рабочих, вопрос о земельной общине, об артелях, о развитии промышленности и т. д., и т. п. Этот каталог был впоследствии нами пополнен и в таком виде одно время пользовался значительной популярностью на юге России среди революционеров, помогая им подводить основательный научный фундамент под свое миросозерцание.

Для нас во всяком случае рязановский каталог сыграл огромную роль. Я помню, как Рязанов, вручая мне тетрадку с этим каталогом, сказал: «Ну-с, вот вам. Если кто из вас прочитает все, что тут написано, тот будет молодцом, и я его поцелую». Увы, к тому моменту, когда некоторым из нас удалось прочитать то, что нам было записано Рязановым, последний никак не мог выполнить своего обещания, так как сидел в то время в «Крестах» (Выборгская одиночная тюрьма в Ленинграде).

Я не знаю, каким был Рязанов в своей революционной работе, в частности в своей пропаганде среди строительных рабочих. Об этом должны рассказать люди, с которыми он вместе вел это дело. Впоследствии некоторые члены тех кружков, в которых бывал Рязанов, участвовали и в кружках, организованных года три спустя нашей группой, но я не мог от них добиться подробных и точных ответов на вопросы о Рязанове. Впрочем, не до того тогда и было. Но, сколько я помню, впечатление от их рассказов получалось такое, что лекции Рязанова были чрезвычайно основательны, обставлены огромным количеством фактов, сообщали много интересных материалов и т. д. Но, повторяю, я слишком мало об этом знаю и на эту тему не берусь говорить из боязни впасть в ошибку.

Но о чем я хорошо знаю, так это о склонности Давида Борисовича к основательности в области научной работы, проявлявшейся уже в то далекое время. Стараясь восстановить в памяти его тогдашний облик, я никак не могу представить себе Рязанова иначе, как важно шествующего по улице с карманами, набитыми плотно газетами, с пачками книг под мышкой и при этом обязательно читающего на ходу книгу или газету. Как настоящий человек умственной работы, он предавался ей с того момента, когда утром открывал глаза, и до момента, когда собирался закрыть их на сон грядущий. Поэтому, не довольствуясь работою в библиотеке, — а он просиживал в Одесской публичной библиотеке по целым дням, — Рязанов читал всегда и повсюду: на ходу, в обществе, во время беседы, за обедом и т. д. Ему действительно удалось накопить огромные знания даже к тому времени, когда он впервые встретился с нами и когда он в сущности был еще юношей. Тогда ему шел примерно только 21-й год, но среди одесских революционеров он уже выдавался своей ученостью, солидностью и основательностью. Кажется, все товарищи без спора отдавали ему в этом отношении пальму первенства. Говорили, что таким же основательным и ученым человеком он был уже в возрасте 18 лет, т. е. еще до того, как нам пришлось с ним встретиться. Возможно, что это и так...

Большую пользу принесло Рязанову то обстоятельство, что он довольно рано освободился от обязательной школьной учебы. В те времена, когда Рязанов учился в гимназии, т. е. во второй половине восьмидесятых годов, в стране господствовала реакция, характерная для царствования Александра III. Эта реакция своим мертвящим крылом коснулась и учебных заведений, в частно-

сти средних, и пребывание в казенных учебных заведениях обычно не только ничего не давало злосчастным юношам, но и ломало их характеры и засоряло их мозги. Рязанов оказался неподходящим для такой школы. Как я слышал, он был уволен из пятого класса за неспособность к наукам! Освободившись от школьной муштры и от опеки людей в футлярах, Рязанов засел за самообразование и показал, насколько ошиблись в его оценке казенные педагоги. К настоящей науке он обнаружил большие способности и за три года до отъезда за границу успел набраться достаточных знаний, так что за границу он уехал уже со званием ученого человека в 18 лет.

Вернулся он из-за границы вдвое ученым человеком, вдобавок успевшим также ознакомиться с русской нелегальной и с иностранной литературой. При нас он продолжал свое образование и, как я уже говорил, по целым дням не выходил из публичной библиотеки, вечно был окружен книгами на дому, читал на улице, в гостях и т. п.

И вот нужно сказать, что на нас, молодых юношей, начинавших в то время свою политическую и образовательную работу, пример, который подавал нам своей усидчивостью и горячим увлечением научными интересами Рязанов, не мог, разумеется, не оказать самого благотворного действия. Я не знаю, что было бы с нами без встречи с Рязановым и без поданного им наглядного примера глубокой преданности идейным интересам, но несомненно, что он оказал на нас самое лучшее влияние. Он пробуждал интерес к науке и вместе с тем показывал, *как* следует учиться. Надо полагать, что так он влиял и на других своих молодых знакомых.

Впоследствии лично мне приходилось в этом убеждаться неоднократно. Нужно сказать, что в годы молодости Рязанов был пропагандистом по призванию, по природе, по страсти. Встречаясь более или менее постоянно с какой-нибудь группой лиц, он не мог обойтись без того, чтобы не создать из них кружка, в котором начинал сейчас же читать лекции. Помню, в Париже в 1900 г. Рязанов объединил вокруг себя группу молодых девиц, приехавших за границу учиться, и со свойственной ему основательностью заставлял их с головой погружаться в изучение политической экономии и истории. И нужно сказать, что по большей части его усилия оказывались не безрезультатными. Из окружавших Рязанова девиц впоследствии вышли очень серьезные деятельницы с глубокими идейными интересами, и я знаю

некоторых довольно близких к Рязанову особ, которые своей основательностью, кажется, обязаны преимущественно ему.

Таким же влиянием он пользовался, как я слыхал, и во время своей ссылки в Кишиневе, да, вероятно, и в других местах, в которых ему случалось побывать. Рязанов не только сам любит науку, но он старается заставить и других полюбить ее. В этом отношении его научный прозелитизм неиссякаем, кажется, и до сих пор.

Другой хорошей чертой молодого Рязанова было присущее ему чувство товарищества и равенство в отношениях, какое он проявлял при встречах с более юными знакомыми. Не следует забывать, что в молодые годы даже ничтожная сравнительно разница в возрасте представляется высочайшим барьером, разделяющим людей на различные поколения. Рязанов, например, старше меня года на 3½; ему шел тогда 21-й год, а мне было 17, но мне он казался стариком, я же по отношению к нему был совершенным юнцом. В аналогичном положении находились и другие члены нашего кружка, даже те, которые по возрасту занимали средину между мною и Д. Борисовичем. Но Рязанов не давал нам этого почувствовать. Наоборот, с первой же встречи он взял такой тон, который уравнивал нас, ставил на одинаковую ногу и открывал возможность действительно товарищеских и дружеских отношений. То же самое я впоследствии наблюдал, когда Рязанов стал уже действительно человеком пожилым. Он всегда по отношению к младшим старался придерживаться такого же тона и духа равенства.

Менее всего стремился он поражать нас своею ученостью, эрудицией, глубокомыслием. Напротив, он говорил с нами просто, без вычур, и можно даже сказать, что он готов был преувеличивать наши знания и опыт, дабы нас не обескуражить. Вот почему мы чувствовали себя с ним как товарищи, хотя и сознавали, что по своим знаниям он стоит неизмеримо выше нас. Все разговоры он старался всегда пересыпать шутками, хохотал весело и заразительно. Вообще в отличие от молодых ученых он не напускал на себя серьезности. Помню, как в одну из первых же встреч он предложил нам помериться силами. Мы боролись, поднимали гири, таскали кули с овсом, причем Рязанов громко торжествовал, когда одерживал победу, и впадал в мрачную меланхолию, когда терпел поражение, что, впрочем, случалось с ним довольно редко, так как он отличался большой физической силой.

В молодости Рязанов обладал привлекательной внешностью (это, конечно, не значит, чтобы теперь дело обстояло иначе!). Той лысины, которая сейчас свидетельствует об его академическом глубокомыслии, у него тогда еще не было. Напротив, голова его была покрыта довольно длинной и густой золотистой шевелюрой. Во время нашего знакомства с ним он был очень красив. Говорят, что в ранней молодости, когда у него еще не было бороды, он был еще красивее, но в те времена я его не знавал и могу судить о его тогдашней наружности только по относящейся к той поре фотографической его карточке (имеющейся и в Истпарте). Впрочем, на физическую сторону существования Рязанов обращал, казалось, очень мало внимания. Хотя и не будучи сторонником отшельнического мировоззрения, Рязанов в общем, как человек исключительно умственной работы, казался нам скорее аскетом, но никак не в дурном смысле этого слова. Его влекли преимущественно духовные интересы. Материальная сторона жизни, видимо, интересовала его гораздо меньше. Жил он чрезвычайно просто. Комната, в которой он поселился, была почти совершенно пуста. В углу стояла простая кровать, нечто вроде походной койки, посредине комнаты стоял некрашенный деревянный стол, заваленный грудами газет, журналов и книг. В комнате имелось еще, кажется, два стула — и, насколько я припоминаю, больше ничего. Чем он существовал тогда, я, право, сказать не могу. Думаю, что и сам Рязанов этим очень мало интересовался. Кажется, давал какие-то уроки, а, впрочем, не помню.

В то время революционеров в Одессе было так мало, что каждое появление нового интеллигентного человека, да еще вращающегося в революционной среде, а в особенности приехавшего из-за границы, не могло не привлечь внимания жандармов. А так как Рязанов был на плохом счету у политической полиции еще до своего первого выезда за границу в 1888 г., за границей все время якшался с политически неблагонадежными людьми, в частности с эмигрантами, по возвращении в Одессу сразу начал встречаться с местными революционными деятелями, состоявшими на учете полиции, то не удивительно, что с первых же дней своего появления в Одессе он сразу стал объектом внимания со стороны жандармского управления.

И вот за Рязановым начали по пятам ходить сыщики. Встретишься с ним на Пушкинской улице и знаешь, что, пройдя несколько дальше, обязательно встретишь одного, а то и двух

шпиков, не отстающих от Рязанова ни на шаг. Такую роскошь жандармы могли себе тогда позволить потому, что и всех-то поднадзорных в Одессе насчитывался какой-нибудь десяток. Позже, когда Рязанов занялся рабочей пропагандой, надзор за ним усилился. Я помню, что когда мы направлялись к нему на квартиру, то на заваленке дома, отстоявшего шагов на 100 от того дома, где жил Рязанов, всегда сидела пара шпиков. Иногда бывало и так, что одна пара сидела справа от его дома, а другая — слева. Таким образом за последние дни своего пребывания в Одессе в 1890 г. Рязанов был окружен довольно плотным кольцом слежки. Мы говорили ему об этом. Впрочем, он знал это и без нас. И когда мы по молодости лет дразнили филеров, следивших за Рязановым, нагло смотрели им в глаза или отпускали по их адресу шуточки, то Рязанов бранил нас за мальчишество и говорил, что мы только привлекаем к себе внимание шпионской братии своим легкомысленным и вызывающим поведением.

Наконец, слежка за Рязановым стала настолько наглой и отвратительной, шпионское кольцо вокруг него стало сжиматься настолько тесно, что пришлось принимать то или иное решение. И вот однажды Рязанов, явившись к нам, заявил, что появились признаки предстоящей ликвидации его и его знакомых; он не намерен добровольно подвергнуть себя аресту, а потому решил скрыться и снова выехать за границу. План его был очень прост. В течение целого дня он расхаживал по городу с завязанной щекой, убедив ходивших за ним жандармов в том, что он простудился и схватил флюс. В этот день он вернулся домой раньше обычного и больше из дому не выходил. Шпики, прождав его еще некоторое время и уверившись в том, что он захворал и больше уже не выйдет, сняли блокаду с его дома и ушли. Этого Рязанову только и нужно было. Тем временем он постригся, снял бороду, изменил свою наружность, надел другое пальто, другую шапку и поздно ночью вышел из дому в преображенном виде. Железнодорожный билет у него был уже приготовлен; он сел в поезд и укатил в Волочиск. Раньше чем жандармы спохватились, он был уже на границе.

С тех пор и до 1900 г., т. е. в течение десяти лет, я с Рязановым не встречался. Знаю, что через год он добровольно вернулся в Россию, был арестован на границе и доставлен в одесскую тюрьму. Здесь он просидел свыше года в предварительном заключении. За это время мы поддерживали с ним сно-

шения через его сестер. Он получил довольно жестокий по тем идиллическим временам приговор: четыре года одиночного заключения в «Крестах», недавно созданной образцовой одиночной тюрьме в Петербурге, и затем три года полицейского надзора. Рязанов отсидел свои четыре года в этой ужасной «образцовой» тюрьме, из которой редкий долгосрочный политический выходил с неповрежденной психикой. Но Рязанов вышел оттуда совершенно здоровым. Я не сомневаюсь в том, что его спас его глубокий интерес к науке. В тюрьме он остался таким же, каким был на воле. Глубочайшая жадность к науке, стремление не отставать от нее, следить за всеми успехами знания — все это поддерживало в нем духовную бодрость и крепость. Целый день он клеил коробочки для папирос или занимался подобной бессмысленной принудительной работой, но в обеденный перерыв и в свободные минуты после 10-часового рабочего дня Рязанов начинал читать, т. е. жить. И вот эта пара часов напряженной умственной жизни в течение шести дней недели и целый свободный день в воскресенье, когда он мог взасос отдаваться любимым книгам, все это духовно бодрило и укрепляло его, и Рязанов вышел из тюрьмы примерно таким же, каким в нее вошел. Пока мы были на воле, т. е. до 1894 г., мы чем могли помогали ему, стараясь добывать для него все важнейшие книжные новинки и через сестер пересылать их ему. После нашего ареста и ссылки ему пришлось просидеть в «Крестах», кажется, еще с год.

Рязанов не мог, разумеется, переписываться из тюрьмы со всеми нами. Он мог писать только своим сестрам, но через них поддерживалось, разумеется, кое-какое общение и с нами. Рязанов высказывал своим сестрам мысли о прочитанном, присылал в замаскированном письме поклоны, и когда содержание его писем нам становилось известным, мы отвечали ему такими же приветствиями и присылкой новых книг. И вот по поводу этой переписки вспоминаю одну интересную деталь, которую сам Рязанов, может быть, забыл, но напоминание о которой наверное доставит ему большое удовольствие. Я имею в виду отзыв Рязанова о вышедшей в 1894 г. и нашумевшей тогда книге П. Б. Струве «Критические заметки» и пр.

Нужно сказать, что Рязанов с молодых лет был «ортодоксальным» марксистом. Это всегда составляло предмет его гордости. При этом он любил выискивать в сочинениях даже весьма уважаемых представителей марксистской мысли уклонения от на-

стоящего марксистского метода и мировоззрения и обличать эти уклоны. Между прочим на этой почве у него произошел какой-то конфликт с Г. Плехановым еще в 1890 г., накануне его первого возвращения в Россию, т. е. незадолго до знакомства с нами. Я до сих пор точно не знаю всего содержания этого конфликта. Кое-что рассказал об этом сам Рязанов в предисловии к тому V сочинений Плеханова. Но там говорится исключительно о разногласиях между ним и Плехановым в оценке Н. Г. Чернышевского, каковая действительно дана Плехановым совершенно неверно. Заметил ли уже тогда Рязанов некоторые оппортунистические уклоны у Плеханова, в частности в связи с его статьей о голоде в России в 1891 г. (в брошюре «Всероссийское разорение»), я не знаю.

Так или иначе, но с Плехановым Рязанов не сошелся и вернулся в Россию до известной степени его антагонистом. Разногласия его с группой «Освобождение труда» опять-таки в деталях мне не известны. Доходило до того, что Рязанов при знакомстве с нами отказался назвать себя социал-демократом, к чему наш кружок склонялся. Я помню, как он говорил нам с гордостью: «Я — марксист, а не социал-демократ». Но объяснить точно, что именно он хотел этими словами сказать, он в то время не удосужился. Опять-таки, если бы Рязанов в тот момент уже ясно сознавал, что в социал-демократизме заложено оппортунистическое начало, если бы он хотел уже тогда вернуться к старой коммунистической традиции Маркса и Энгельса, то его замечание свидетельствовало бы о большой политической прозорливости. Я даже думаю, что Рязанов, быть может и бессознательно для себя, выражал эту именно мысль. Но, повторяю, точно, определенно, подробно на эту тему он не распространялся.

Так вот Рязанов, как ортодоксальный марксист, как человек, хорошо понимавший дух учения Маркса, нам был уже известен. Это качество его подтвердилось письмом, полученным нами осенью 1895 г. на одном из сибирских этапов, кажется в Томской тюрьме, когда мы направлялись в якутскую ссылку. Я теперь глубоко сожалею о том, что письмо это, повидимому, пропало. Для Рязанова оно было чрезвычайно характерно. Чтобы правильно понять это письмо, нужно знать, что подавляющее большинство немногочисленных тогда в России марксистов было в восторге от книги Струве. В идейной атмосфере, отравленной эпигонами народничества, эта книга, которая впервые излагала в легальной литературе некоторые принципы марксизма, хотя бы

в закутанном и неполном виде, казалась какой-то свежей струей, ворвавшейся в подвал с испорченным воздухом. Большинство не заметило всех недостатков этой книжки, не почуяло ее легально-буржуазного, антиреволюционного духа, ибо это большинство приписывало автору книжки свои мысли, вкладывало в эту книжку не то содержание, которое действительно в ней имелось, а которое было желательно для начавших зарождаться тогда социал-демократов. Мы знаем, что даже такие проницательные, стоявшие на страже марксистской ортодоксии люди, как Плеханов, не заметили этих отрицательных сторон книжки Струве или не считали нужным открыто говорить о них. До сих пор было известно, что только Ленин сразу почуял зловредный дух этой книги Струве и выступил против нее со статьей, напечатанной в сожженном в 1895 г. цензурою сборнике за подписью К. Тулина (эта статья перепечатана теперь в собрании его сочинений).

Так вот оказывается, что не только Ленин выступил против книги Струве сразу по ее появлении. Это сделал и Рязанов. К сожалению, сделал он это не в журнальной статье и не в брошюре, вообще не в каком-либо литературном произведении, потому что в то время Рязанов о литературной карьере и не помышлял. В силу присущего ему пропагандистского духа он не мог сохранить мыслей, возбужденных в нем чтением книги Струве, только при себе, а считал нужным поделиться ими с молодыми товарищами, в данном случае с нами. Поэтому он написал нам огромное, подробное письмо, в котором разделывал книгу Струве на все корки. Я сейчас не помню точно содержания письма, но мне в память врезались некоторые его выражения. Рязанов, например, называл Струве апологетом капитализма, сикофантом торжествующей свиньи и утверждал, что его книга не имеет ничего общего с марксизмом, что это — типичное произведение вульгарной политической экономии, в которой выражены интересы капитализма, а не социализма. Надо сознаться, что в тот момент я с Рязановым не был согласен и, признавая правильность некоторых его критических указаний, в целом и основном находил книгу Струве положительным явлением, что и выразил в большом ответном письме к нему. Последнее, впрочем, не важно, а важно то, что Рязанов, вооруженный методом марксизма и хорошо знакомый с духом системы Маркса, сразу разгадал действительную сущность книги Струве.

А знатоком Маркса Рязанов был уже в то время. Я помню, что, когда я в первый раз услыхал о Рязанове, то услыхал о нем

не только как о человеке вообще ученом, а как о человеке, основательно знакомом с сочинениями Маркса. Рязанов сам всегда гордился этим и подчеркивал, что он основательно изучил произведения Маркса и Энгельса. Конечно, в тот момент мы не предвидели, какой из него выйдет серьезный марксовед, но уже в то время понятия Рязанов и марксоведение были связаны в наших умах довольно тесно. Да и не только в наших. Всем знакомым Рязанова было известно, что это один из основательнейших знатоков Маркса, но широкая публика об этом не знала, да и не могла знать по той простой причине, что Рязанов в те годы ничего не писал. Казалось даже, что он чувствует к литературной работе какое-то отвращение. Когда с ним заговаривали о том, что следовало бы написать о том или другом, он всегда отнекивался от этого, говоря: «Ну, где уж, я писать не умею, не буду, не хочу, не люблю» и т. д.

Когда мы встретились с ним после десятилетней разлуки в Париже в 1900 г., Рязанов был полон боевого духа. В то время, как известно, с шумом выступило на сцену так называемое «экономическое» направление в социал-демократии, которое было просто русской формой мирового ревизионизма, т. е. социал-демократического оппортунизма и соглашательства. Разумеется, Рязанов в качестве ортодоксального марксиста не мог относиться к этому течению иначе, как с величайшей враждой. В особенности негодование его возбуждала незадолго до того появившаяся программа редакции журнала «Рабочее дело», в которой этот оппортунизм был прикрыт разными хитроумными фразами и лицемерными вывертами. Рязанову ужасно хотелось «разделать» эту программу, обличить ее оппортунизм, но застарелая нелюбовь к писательству мешала этому. Помню, как я убеждал его преодолеть свою неохоту и взяться за перо, говорил, что прямо грешно с его стороны хранить под спудом такие огромные знания, которые накопились в его голове. Рязанов начинал соглашаться с тем, что необходимо испробовать свой литературный талант, но при этом заметил: «Да какой же мне выбрать псевдоним? Кажется, уже все имена из русских романов разобраны товарищами». И действительно Бельтов, Кирсанов, Базаров, Берсенев — все это было уже использовано и монополизировано. Помню, мы стояли с Рязановым у стола и горестно думали, какой же изобрести для него псевдоним, ибо писать под своим именем Рязанову, человеку легальному, собиравшемуся возвратиться в Россию, естественно было невозможно. И вдруг я вспомнил, что среди

политических романов, в свое время известных в русской литературе, имеется один, не пользовавшийся таким широким распространением, как «Светлов» Омулевского или «Что делать?» Чернышевского, а именно роман Слепцова «Трудное время», героем которого является некий Рязанов. «Ура! — сказал я ему, — я нашел тебе псевдоним: Рязанов». — «А разве никто его еще не взял?» — спросил он меня недоверчиво. «Ручаюсь, что никто. Итак, решено. Отныне ты будешь Рязановым».

Так появился псевдоним, под которым прославился Давид Борисович, под которым он приобрел мировое имя, как лучший знаток сочинений Маркса и Энгельса, создатель Института Маркса и Энгельса и первый редактор полного собрания сочинений основоположников научного социализма.

На этом я пока прерываю свои беглые и отрывочные воспоминания о своем старом товарище.

ЖИЗНЬ, КОТОРУЮ СТОИТ ИЗУЧАТЬ

Д. Б. Рязанов, как и многие из нас, не выбирал дня своего рождения, но тем не менее лучшее время трудно было бы выбрать, ибо прожитые им шесть десятилетий охватывают самый бурный период в истории человечества. 40 лет его революционной деятельности переплелись с одной из самых чудесных сказок в мировой истории. Он стоял почти у самых истоков рабочего движения и дожил до бурного разлива его, до половодья. Он не только наблюдал, как мелкие ручейки, сливаясь вместе, превратились в гигантскую многоводную реку, но он активно принимал участие в идейно-политическом оформлении рабочего движения в России на протяжении этих десятилетий. 40 лет он нес марксизм в массы, и где бы он ни работал, в профсоюзах, или в исследовательском кабинете, железнодорожным комиссаром или заведующим Главархивом, членом ЦИКа или директором Института Маркса и Энгельса, выступал ли он на солдатских и рабочих и крестьянских митингах или на партийных собраниях, Д. Б. Рязанов был марксистом-революционером, который понимал и учил других, что марксизм не догма, а руководство к действию.

Д. Б. Рязанов представляет собой живое противоречие, «невозможность в действии». Недоучившийся гимназист, исключенный за неспособность из гимназии, стал крупнейшим марксистским ученым; человек без всякого диплома стал академиком; человек без определенной профессии выбрал себе сам профессию марксоведа и стал организатором первого в мире Института Маркса и Энгельса. Но Рязанов принадлежит к тем ученым, которые не могут сидеть на месте, зарывшись в архив и не высовывая носа из архивной пыли. Он любит всегда быть «в числе драки», быть с массой, работать в массах, и поэтому он в 1905—1907 гг. становится не только теоретиком, но и крупнейшим практиком профдвижения; поэтому он в 1917—1919 гг. бросается с величайшей

энергией в профдвижение, постоянно сочетая свою практическую работу с неустанной исследовательской разработкой марксизма.

Д. Б. Рязанов никогда не бывает пассивен или нейтрален. Про него нельзя сказать, что он ни холоден, ни горяч. Он всегда кипит, клокочет, вкладывая во все, в том числе и в свою исследовательскую работу, бурный, переливающийся через край, темперамент. Ученый-исследователь с большим темпераментом — это вообще крайне редкое явление, и в нем всегда боролись два начала — практик-профессионалист с ученым-исследователем. В разное время то или другое начало брало верх.

Д. Б. Рязанов не входит в дело, а врывается в него. Это не значит, что он подходит к нему с налета, с кондачка. Нет, он врывается в любое порученное ему дело и вносит в него весь свой темперамент, измеряющийся в сотни киловатт (по случаю электрификации я перевожу лошадиные силы на киловатты). Он обладает исключительной памятью и недюжинным остроумием и поэтому является довольно опасным полемистом. Но его память работает слишком точно, и поэтому она часто ему вредит во время полемики. Достаточно перебить его — и тогда он начинает вспоминать все, что перебивший говорил и писал за всю свою жизнь и о чем он сам давно забыл, увлекается этой темой и гвоздит своего оппонента до бесчувствия, переключаясь сам на другую волну. Он часто приклеивает эпитеты и ярлыки, которые остаются надолго. Когда слушаешь его, спрашиваешь себя: что он — агитатор, пропагандист, практик, теоретик, ученый? Кто мало-мальски знает Д. Б. Рязанова, знает, что в нем все эти качества как-то укладываются и сочетаются. Я знаю Рязанова много лет и не помню ни одного случая, чтобы он не волновался, не возмущался чем-нибудь, не кипятился, кого-нибудь не распекал, что-нибудь не организовал бы, с кем-нибудь не дрался бы за профсоюзы, за Комакадемию, за Институт и т. д. Когда мы в октябрьские дни вместе с ним занимались оппозицией (хорошенькое занятие именно в эти дни!), он одновременно с этим развивал бешеную энергию в борьбе против меньшевиков и эсеров. Когда меньшевики в октябре 1917 г. на заседании ВЦСПС жаловались, что мы, будучи в меньшинстве, захватили в свои руки руководство, то Рязанов со свойственной ему галантностью им сказал, что профсоюзы и без меньшевиков обойдутся.

Д. Б. Рязанов начал свою октябрьскую карьеру с комиссара на железных дорогах, но государственным деятелем он был недолго, ибо он не укладывается ни в какие графики, ни в какие

правила, ни в какие расписания. Как показал опыт, его стихия — это исследовательская работа, это марксоведение и в этой области он завоевал одно из первых мест.

Имеет ли Рязанов недостатки? Еще бы! Они всем известны, их излагать здесь не имеет смысла. Безгрешен господь бог, да и то потому только, что он не существует. Д. Б. Рязанов — большой человек, и у него имеются большие недостатки. Но юбилеи устраиваются не для того, чтобы праздновать недостатки, и поэтому о них можно будет поговорить особо. А сейчас, заканчивая, я хотел бы еще сказать следующее: не в том дело, что Д. Б. Рязанову 60 лет — это случается со многими, — а в том дело, что из этих 60 лет он 40 лет отдал рабочему классу, что он воинствующий марксист, теоретик и практик рабочего движения. Именно поэтому можно пожелать Давиду Борисовичу создать в Берлине, Лондоне, Париже и Нью-Йорке такие же институты, какой он создал в Москве. Что касается Токио, Шанхая и Бомбея, то с этим делом надо спешить, ибо Восток, в порядке революционного соревнования, может обогнать капиталистический Запад.

О Д. Б. РЯЗАНОВЕ

Когда человеку исполняется 60 лет, то о нем обычно можно сказать: у него все в прошлом! О Д. Б. Рязанове этого никак не скажешь. Наоборот, у него все в настоящем. Даже прошлое в его руках становится настоящим: он первостепенный мастер отыскать и восстановить это прошлое, почти в неприкосновенном виде. Хорошо было Иммануилу Канту дожить до глубокой старости, сохранив свою работоспособность, — он был ходячей «вещью в себе», старавшейся подальше отойти от жизненной борьбы. А что сказать о человеке, который в продолжение десятков лет кипит, горит, дерется, отдает свои силы, энергию, способности на борьбу и в результате — в 60 лет работает так, как будто все ранее бывшее было приятным времяпровождением.

Я помню нашу первую встречу с Д. Б. Рязановым двадцать три года тому назад. Это был год сквернейшей реакции — 1907 год, и встреча у нас произошла в соответствующем отвратительном месте — в Спасской части в Петербурге, куда нас посадили после ареста и где камеры были битком набиты политическими заключенными. С Д. Б. Рязановым мы были в общей камере. И тогда он был таким же, как теперь: энергичным, бурливым и даже в этой обстановке умевшим заниматься и работать по научным вопросам. Нужно сказать, что он очень мало изменился внешне — теперь только волосы у него стали совершенно белые, в остальном он все такой же. В нашу жизнь политических заключенных он внес три вещи: гимнастику (утром и вечером), запрещение курить (курение он ненавидит, кажется, с момента своего рождения всем своим существом) и установление часов для занятий, когда шуметь не полагалось. Эти предложения были всеми приняты, и только наиболее заядлые курильщики нарушали установленный порядок и тихонько, спрятавши в рукав папиросу, покуривали, — запах дыма их выдавал, и им попадало в первую очередь от Давида Борисовича.

В этот период он особенно рьяно занимался переводом Рикардо. Там же в камере были устроены его лекции по марксизму, которые пользовались не меньшим вниманием и успехом, чем его позднейшие лекции на эту тему, какие он читал уже в СССР.

Наше совместное житье продолжалось недолго, так как вскоре он был сначала переведен, а затем выслан за границу. Но он оставил по себе впечатление силы, энергии, темперамента и вместе с этим настоящего ученого, который при всех условиях и обстоятельствах умеет заниматься наукой. Я сел основательно. Был приговорен к крепости, откуда вышел только в 1909 году. Затем годы подпольной работы, опять тюрьмы и ссылки и т. д. С Д. Б. Рязановым встретился опять только в 1917 году. В годы революции и советской власти он принимает самое активное горячее участие в работе. Его голос гремит на съездах профсоюзов, советских, партийных съездах и на различного рода заседаниях.

Рязанов — человек темперамента, который, правда, его зачастую заводит не туда, куда нужно. Он человек вулканический, причем этот вулкан никогда не потухает, а в любую минуту готов начать действовать: греметь, выбрасывать камни, горячую лаву и производить вокруг себя землетрясение. И вместе с этим этот вулканический человек — человек действительной науки, кропотливейший историк, каких мало, и лучший в мире знаток Маркса и Энгельса. Именно эти качества дали ему возможность при его разносторонней практической работе создать действительно великое научное учреждение, каковым является Институт Маркса и Энгельса.

Этот Институт является сокровищницей, в которой собрано с величайшим умением, любовью, вниманием все, что относится прежде всего к творчеству Маркса и Энгельса. Но вместе с этим это не только учреждение, где с наибольшей полнотой собрано все то, что писали эти гениальные вожди рабочего класса, но и все документы и материалы, относящиеся к этой эпохе. Издания Института Маркса и Энгельса является ценнейшим материалом для понимания и изучения марксистско-ленинской теории.

Мы переживаем необычайно бурную эпоху — эпоху перехода от капитализма к социализму, эпоху распада капитализма и эпоху строительства социализма. Этот период требует не только самоотверженной революционной борьбы, но и глубокого теоретического понимания. В этом отношении маркс-ленинская теория является тем орудием, с помощью которого возможно анализировать со-

временную действительность и устанавливать прогноз на будущее. В этом отношении совершенно исключительное значение приобретает наиболее полное изучение творений Маркса, Энгельса и Ленина. Без такого глубокого изучения невозможно освещение и анализ совершающихся событий и недоступно овладение действительным научным методом. Наше колоссальное преимущество перед буржуазным миром заключается в том, что мы, благодаря той научной основе, которую создали Маркс, Энгельс и Ленин, имеем в своих руках ключ, который нам дает действительное познание настоящего и открывает перед нашим сознанием двери в будущее.

В настоящий период мы с особенной отчетливостью сознаем все великое значение и необходимость соединения теории с практикой. Все новые и новые кадры людей, прошедших школу практики, втягиваются в область теоретической работы и обратно — все в большей степени каждая сторона нашей деятельности требует теоретического анализа. От дилетантских, кустарнических способов теоретической работы мы переходим к действительно систематической, организованной постановке этого дела. В этом отношении такие учреждения, как Институт Маркса и Энгельса, Институт имени Ленина и Коммунистическая академия выдвигаются вперед, как учреждения, в первую голову обслуживающие и создающие новые кадры борцов на идеологическом фронте.

Борьба на идеологическом фронте имеет колоссальное значение. Наши противники, борясь с нами, не только стараются использовать буржуазную науку, но и стремятся приспособить к себе и научные достижения марксизма — ленинизма, естественно, искажая их. Вряд ли можно найти сейчас крупного буржуазного ученого, который не изучил бы тщательно Маркса. И очень многие из них не только изучают, не только выступают против, но и приспособляют теорию Маркса к своим потребностям, произведя для этого соответствующие хирургические операции по устранению революционного содержания творений Маркса. В этом отношении типичным является хотя бы, напр., Зомбарт.

Но в особенности над извращением, искажением и фальсификацией марксизма потрудились ревизионисты и ренегаты различных оттенков, начиная с Эдуарда Бернштейна и кончая Карлом Каутским. Искажалось не только учение Маркса, но и производилась прямая утайка документов и материалов из наследства Маркса, которые наносили удар по ревизионизму.

Величайшая заслуга Д. Б. Рязанова заключается в разоблачении этих искажений, извращений и фальсификаций творений Маркса и Энгельса, в особенности благодаря наиболее полному и подлинному собранию всего наследства Маркса и Энгельса. В этом отношении каждый том, выпущенный Институтом из наследства и архивов Маркса и Энгельса, является бомбой, разрывающейся над головами тех, кто искажает, извращает и фальсифицирует марксизм. Поэтому издания Института Маркса и Энгельса имеют совершенно неоценимое значение не только для настоящего времени, но и для будущего. Перед Институтом и его директором Д. Б. Рязановым стоит огромная и ответственнейшая задача дальнейшего развития своих работ, и каждый год работы Института будет шагом вперед и новым завоеванием на идеологическом фронте нашей борьбы.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Постановление ЦИК СССР о награждении Д. Б. Рязанова орденом трудового Красного знамени 7

ПРИВЕТСТВИЯ

Приветствия: от Президиума Исполкома Коминтерна; от Центрального комитета ВКП(б); от Исполбюро Профинтерна; от ВЦСПС; от Реввоенсовета; от Института В. И. Ленина; от Академии наук . . . . . 11—14

Адреса: от Коммунистической академии; от Института К. Маркса и Ф. Энгельса; от Правления Государственного издательства . . . . . 15—18

Письма: от Председателя ЦИК СССР; от Председателя СНК СССР; от Клары Цеткин; от Феликса Кона . . . . . 20—25

Д. Б. РЯЗАНОВ

А. Деборин. Д. Б. Рязанов 29

А. Луначарский. Соблазны и опасности высокой культуры . . . 40

Э. Цобель. Д. Б. Рязанов как марксовед 59

Г. Баммель. Д. Б. Рязанов и философский сектор марксоведения 77

Ц. Фридлянд. История социалистического движения XIX в. в освещении Д. Б. Рязанова 93

М. Вольфсон. Д. Б. Рязанов как редактор-издатель 104

Речи на торжественном заседании в Коммунистической академии . .

Речь Н. М. Покровского 118

» Н. И. Бухарина 120

» А. Н. Баха 124

Ю. Стеклов. О моих первых встречах с Д. Б. Рязановым 126

А. Лозовский. Жизнь, которую стоит изучать 140

В. Милютин. О Д. Б. Рязанове 141

МАРКС, ЭНГЕЛЬС, ПЛЕХАНОВ, ЛЕНИН

Письма: К. Маркс — Ф. Домела-Ньювенгуйсу 149

Ф. Энгельс — П. Л. Лаврову 152

Г. В. Плеханов — П. Л. Лаврову 154

В. И. Ленин — Д. Б. Рязанову 156

Стр.

ИЗ ЮНОШЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ К. МАРКСА

Две песни, посвященные Женни 159
Эпиграммы на Гегеля 160
Пробуждение 161

ФИЛОСОФИЯ

К. Шмюкле. Карл Маркс и Людвиг Фейербах (1843—1844 гг.) . 165
Н. Бобровников. К вопросу о форме и содержании идеологии в учении Маркса и Энгельса 193
И. Луппол. Пьер Гассенди 215

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Е. Каганович. К истории полемики вокруг третьего тома «Капитала» Маркса 232
И. Плотников. Место Вильяма Петти в истории экономической мысли 270
А. Реуэль. Проблемы методологии политической экономии у Н. И. Зибера 300
Ф. Потемкин. К истории развития капитализма во Франции . . 322

СОЦИОЛОГИЯ

Н. Марр. Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений 361
М. Косвен. Материнский род и материнское право 385

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА

П. Виноградская. Женни фон-Вестфален 411
Ф. Шиллер. Маркс и Вейтлинг 473
В. Волгин. Джон Френсис Брей 499
А. Воден. К. Маркс и Ф. Энгельс о Великой французской революции 516
Н. Лукин. Революционное правительство и сельскохозяйственные рабочие в период действия второго и третьего максимума . 530
А. Удальцов. К. Маркс и мемуары Р. Левассера 556
В. Максимовский. Марк Зуэрий Боксхорн 562
А. Иоаннисян. Энгельс и армянский вопрос 579
Г. Бакалов. Первые шаги марксизма в Болгарии 602

БИБЛИОГРАФИЯ

В. Дитякин и Л. Яковлева. Библиография работ Д. Б. Рязанова . 623

Техническая редакция А. Г. Павлова
Обложка работы В. Фаворского